

UC-NRLF

B 3 472 294

B X
387
K6
MAIN

Л. 1862

ПУТЕШЕСТВІЕ

СИНАЙ

въ 1851 году.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛЕНІЙ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

И. КОНДАКОВА.

ОДЕССА.

Тип. Ш. А. Зеленаго (С. С. Заблота), Красныя верушки № 3.

1862

ПУТЕШЕСТВІЕ

puteshestvie na

НА

S i n a i

СИНАИ

въ 1881 году.

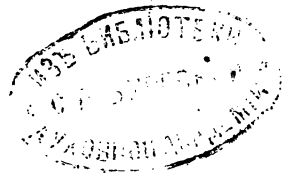

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

N. Kondakova

Н. КОНДАКОВА.

ОДЕССА.

Тип. П. А. Зеленаго (б. Г. Ульриха), Красный переулокъ, д. № 3.

1882.

7170-6744

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

NOV 22 1995

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго
университета. Ректоръ *С. П. Ярошенко.*

Изъ XXXIII т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета.

BX387

K6

MAIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>стр.</i>
Предисловіе	I
Изъ путевыхъ впечатлѣній. Дорога изъ Суеца черезъ Эль-Торъ на Синай	1
Синайскій монастырь	33
Дорога съ Синая въ Суецъ	54
Древности Синайскаго монастыря	67
Мозаика Синайскаго монастыря	75
Библиотека рукописей Синайскаго монастыря	99
Греческія рукописи съ миниатюрами въ библиотекѣ Синайскаго монастыря	119
Приложеніе : оглавленіе 100 фотографическихъ снимковъ «Синай- скаго альбома».	157

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поѣздка на Синай, предпринятая мною частнымъ образомъ, въ сообществѣ фотографа г. Рауля, весною 1881 г., имѣла своею цѣлью специальную, чисто археологическую, задачу. Мы предположили себѣ лишь одинъ пунктъ — самый монастырь св. Екатерины на горѣ Синаѣ, и осмотромъ его памятниковъ древности и художественно-украшенныхъ рукописей его библіотеки, а также изготовленіемъ, по возможности, вѣрныхъ фотографическихъ снимковъ, эта задача вполне исчерпывалась. Все, выходящее изъ ея рамки, могло явиться только случайнымъ образомъ и, слѣдовательно, играть въ нашемъ путешествіи второстепенную роль. Въ тоже время обильная литература путешествій на Синай ¹⁾ ученыхъ богослововъ и библіологовъ, столь-

---

¹⁾ Литература путешествій на Синай и записокъ богомольцевъ и памятниковъ обильна и начинается рано; отмѣчаемъ важнѣйшія: муч. *Антонина*, изд. Titus Tobler, De locis, quae perambulavit b. Antoninus a. D. 570. 1863. *Титмара* въ XII в., Peregrinatio etc. ed. Laurent. 1871. *Людольфа* изъ Сухена между 1336—1341 гг. *Вильгельма* Бальдегенера Hodoerogicon ad T. S. a. D. 1332 въ Thesaur. mon. Eccles. ed. Basnage 1726, II. **Рудольфа Фраменштейнера* Itinerarium in Pal., ad m. Sinai a. D. 1346, ibid. VI. *Sigoli*, Viaggio al monte Sinai, елор. изд. 1829 г. *I. Тужера* въ 1479 г. изд. въ Feugabends Reyszbuch 1584; *Фабра* въ 1483 г. Evagatorium изд. 1843 г.; *Брейденбаха* изд. 1486 г.; *Фарнада* въ 1518 г.; Франциск. настоят. въ Ег. изд. Клейтономъ въ 1753, затѣмъ въ 1810 и др. XVI стол. **Трифона Коробейникова* пут. въ 1583 г., у Сахарова, Сказанія рус. нар. II. **Вишкенскою, Инн.* «Пелгримація» въ 1708 г. изд. арх. Леонидомъ въ 1877 г. *Thévenot*, Relation d'un v. 1665 въ Voyages tant en Eur. etc., V. du Levant изд. 1727 г. *Morrison*, Relation d'un v. au m. Sinai, 1704. *Барскою, путеш. въ св. мѣст. (1728 г.), изд. 1778. *Росоцке, Voyages etc., trad. 1772—3, т. I. *Seetzen (+1811), Reisen durch Syrien etc., Arab. Petr., herausgg. v. Kruse, 1855. *Henniker*, Notes

ко разъ (и все съ одинаковымъ успѣхомъ, т. е. болѣе или менѣе бесплодно—на нашъ взглядъ) изслѣдовавшихъ пути странствія и стоянки Евреевъ въ пустынь Синайской, или разгадывавшихъ между вершинами Синайскаго хребта истинный Синай и Хоривъ, или, наконецъ, описывавшихъ святыя мѣста, часовни и капеллы, развалины и пещеры. — Эта литература, казалось, избавляла отъ обязанности рассказывать о самой поѣздкѣ. И, однакоже, занявшись этою литературою по возвращеніи, мы пришли къ убѣжденію, что передача путевыхъ впечатлѣній поѣздки на Синай еще долго останется обязательною въ извѣстномъ смыслѣ, какъ вообще, такъ въ особенности въ русской литературѣ, подъ однимъ важнѣйшимъ условіемъ — правдивости.

Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на замѣчательныя въ свое время по полнотѣ и ясности описанія путешествій, какъ напр. арх., нынѣ еп. Порфирія, Эберса и пр., Синай, какъ и вообще

---

during a visit to Eg. M. Sinai. 1823. *Burckhardt, Reisen. 1824, II. *Fazakerley*, Journey etc. изд. въ *Walpole*, Travels, 1820. *Carne*, Letters from the East, 1826. *Laborde: Voyage dans l'Arab Petrée. 1830. *Stephens*, Incidents of travel in Eg., Arab. Petr., Edinb. 1839. *Schubert*, Reise in das Morgenl. 1838. *Robinson, deutsche Ausg., Pal. u. d. südl. angrenz. Länder, 1841. *Уманецъ, Поѣздка на Синай, 1850. *Fisk*, A Pastor Memor. of Eg. . ., Sinai, 1847. *Bartlett*, Forty Days or Journey to M. Sinai, 1848. *Успенскаго, *Порфирія*, арх. Первое пут. въ Синайскій монастырь въ 1845, изд. 1856. *Его-же. Второе пут. въ 1850, изд. 1856, съ атл. въ л. *Lepsius, Briefe aus Aeg., Aeth. u. d. Halbinsel des Sinai, 1852. *Roberts, The Holy Land, Syria, Arabia etc. 1855 съ рис. *Lottin de Laval*, Voyage dans la Péninsule arab. du Sinai, 1855—9. *Graul*, Reise nach Aeg. u. d. Sinai, 1854. *Strauss*, Fr. A. Sinai u. Golgatha. *Brugsch Wander. nach d. Türkisminen u. n. d. Sinaihalbinsel, 1866. *Fraas*, Aus d. Orient, Geolog. Beobacht. 1867. *Stanley*, Sinai and Palestine, изд. 1865 и 1871. *Palmer*, The desert of the Exodus, 1871. *Tischendorf (пут. въ 1844, 1859 гг.) Aus d. heil. Lande, 1862. *Его-же: Die Sinaiibibel, ihre Entdeckung etc. 1871. *Ebers, Durch Gozen zum Sinai, 1873, 2-е изд. 1881. *Норова, *Аер*. Иерусалимъ и Синай, Зап 2 пут. 1868, съ атл. А. (арх. *Антонина*), Изъ записокъ Синайскаго богомольца, въ Трудахъ Кіевской дух. ак. за 1871—3 гг.

Наконецъ, особенно важное значеніе имѣеть томъ Землеописанія Риттера, въ которомъ сдѣланъ сводъ всѣхъ историческихъ и топографическихъ показаній по старымъ и новымъ путешественникамъ: С. *Ritter*, Die Erdkunde v. Asien, VIII, 2 e Abth., Die Sinaihalbinsel, Pal. и Syrien. 1-er Abschnitt, Die Sinaihalbinsel, 1141 стр.

далекій Востокъ все еще остается мѣстностью свѣжею, мало тронутою изслѣдованіемъ, и европейскій путешественникъ неизбежно превращается въ наивнаго паломника, подчиняется совершенно чуждой, обступившей его средѣ. Въ ней единственно найдетъ онъ и всѣ нужныя ему свѣдѣнія, если не захочетъ подчиниться предписаніямъ гида Изамбера, которыя, по вкусамъ и, слѣдовательно, по цѣнамъ рассчитаны единственно на громадные средства. Между тѣмъ, самая поѣздка на Синай имѣетъ свой собственный археологическій характеръ, и не по тому одному, что здѣсь нѣсколько шаговъ удаляютъ васъ отъ новой культуры и ведутъ къ тому Востоку, гдѣ еще живутъ формы отдаленной древности, гдѣ многое говоритъ вамъ о старинѣ времени Юстиніана, а эта культура кажется только случайнымъ, чуждымъ наростомъ. На дальнемъ Востокѣ вообще, и въ Синайскомъ монастырѣ въ частности, древность и ея памятники еще остаются въ своей собственной, родной обстановкѣ, и путешественникъ не находитъ здѣсь ни различныхъ приспособленій, спеціально на него рассчитанныхъ, ни готоваго матеріала, assortированнаго для разныхъ степеней его любознательности. Между тѣмъ, эта самая необходимость искать, открывать самому, блуждать, рискуя найти то, чего не искалъ и что оказывается болѣе интереснымъ и поучительнымъ, и составляетъ ту заманчивую прелесть путешествій по Востоку, которая кроется въ присущей человѣку чертѣ дорожить лишь тѣмъ, что дорого и съ трудомъ достается, какъ собственная работа. И такъ какъ, въ тоже время наши интересы, интересы русской науки къ этой, еще свѣжей, нетронутой области древностей христіанскаго Востока держатся пока въ сферѣ чисто платоническихъ привязанностей, болѣе и болѣе потухающихъ, за недостаткомъ матеріала, то мы рѣшились присоединить къ своимъ археологическимъ замѣткамъ и краткое содержаніе веденнаго во время путешествія дневника; оправданіемъ намъ послужатъ такіе примѣры, какъ Эберса, Бругша и другихъ.

Такой же характеръ замѣтокъ и записокъ носить на себѣ и вторая часть сочиненія, или статья о древностяхъ Синайскаго монастыря. Спеціальною задачею нашею было личное обзорѣ-

ніе греческихъ рукописей съ миниатюрами и извѣстной мозаики Преображенія. Краткость времени, проведеннаго нами въ монастырѣ (нѣсколько менѣе трехъ недѣль), котораго мы достигли только черезъ 23 дня путешествія изъ Одессы, отсутствіе необходимаго пособія въ лицѣ рисовальщика или писца не дали автору возможности воспользоваться своею далекою поѣздкою съ большими результатами. При этомъ онъ, однакоже, рассчитываетъ современемъ придать больше цѣльности въ описаніи мозаики въ будущемъ своемъ сочиненіи по исторіи византійской мозаики и ввести новыя рукописи съ миниатюрами въ среду другихъ уже извѣстныхъ.

Автору приходится также сожалѣть о томъ, что ему не удалось найти средствъ и пути для снабженія своей записки необходимыми иллюстраціями. Составленный имъ и исполненный г. Раулемъ альбомъ ста десяти фотографическихъ снимковъ съ видовъ, древностей и рукописей Синайскаго монастыря остается, такимъ образомъ, безъ употребленія и играетъ лишь роль документа для провѣрки словъ и показаній описателя. Быть можетъ, автору слѣдовало бы подождать, поэтому, съ самымъ изданіемъ своихъ записокъ, интересныхъ лишь въ кругу специалистовъ, но различные запросы, имъ полученныя, убѣдили его, что откладывать долѣе изданіе значило бы удерживать добытые результаты исключительно для себя.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

Дорога изъ Суеца черезъ Эль-Торъ на Синай.

... Поездъ желѣзной дороги въ Суецъ выходитъ изъ Александріи рано утромъ и идетъ цѣлый день. Въ Бен'га большинство пассажировъ высадилось на Каиръ, а отъ Загазига поездъ окончательно опустѣлъ, и, когда мы миновали Измаилію, то насъ, иностранцевъ, осталось всего четверо. Дневной жаръ, доселѣ томившій насъ, — мы ѣхали въ первыхъ числахъ Апрѣля — въ вечеру свалилъ, воздухъ сталъ суше и легче, но ни прохлады, ни освѣжающаго вѣтра не чувствовалось даже на платформѣ вагона. Утомленные шестидневною качкою на большомъ, но валкомъ пароходѣ, хлопотами и бѣготнею въ Александріи, мы безучастно смотрѣли, какъ охватила насъ кругомъ, отовсюду, песчаная пустыня. Въ гидѣ Изамбера стояло, что линія желѣзной дороги пересѣкаетъ здѣсь знаменитую «дорогу каравановъ», о которой откуда-то выпливали воспоминанія, что она усѣяна костями; но, какъ ничего подобнаго нигдѣ не примѣчалось, то и дорогу каравановъ мы равнодушно пропускали мимо. На станціяхъ уже не такъ роились толпы туземцевъ, какъ за три часа передъ тѣмъ, и уже не слышалось европейскаго говора, и даже одна туземка отказалась взять за абрикосы франкъ, требуя турецкаго или египетскаго піастра. Уже въ намъ въ вагонъ вошли кондукторы съ ворохомъ яицъ, лепешекъ и травъ, и въ теченіи часа мы имѣли удовольствіе присутствовать при туземной трапезѣ и лично убѣдиться въ томъ, что восточные собраты далеко пре-

вошли европейскихъ вегетаріанцевъ. По обѣ стороны рельсъ розоватымъ пологомъ раскинулась далеко песчаная пустыня,—зрѣлище любопытное, но такъ мало походившее на образъ пустыни, созданный воображеніемъ. Поперемѣнно виднѣлись то обширныя плоскогорья, совершенно обнаженныя, то глубокія разсыпи песку, то пространства, усѣянныя кочками, на которыхъ безобразно торчали колючки и верблюжья трава; по временамъ, на нѣсколько минутъ появится оазисъ, и въ немъ купы пальмъ, рвы съ водою, и валяющіеся въ нихъ буйволы, и люди, уставившіеся на поѣздъ, но все это проносится быстро, оставляя по себѣ лишь недоумѣніе. На одной изъ станцій еще свѣжи были слѣды песчаного заноса: около рельсъ кучи песку и разбросанныя лопаты; убогая деревушка противъ станціи до верху занесена пескомъ: ее будетъ откапывать тотъ же вѣтеръ. Сошли на полотно, пробовали пройти къ станціи, но ноги вязнуть или грузнуть въ нагроможденныхъ сугробахъ песку — приходится вернуться. Такъ, не смотря на наше желаніе, и не получалось отъ всѣхъ этихъ видовъ одного цѣльнаго впечатлѣнія, и казалось даже, что оно было бы сильнѣе, если бы въ данную минуту, вмѣсто всей этой природы, пронесившейся мимо, можно было видѣть хотя бы лубочную декорацию или панораму. Или для лицезрѣнія песчаной пустыни надо и свою особую обстановку, и, во всякомъ случаѣ, иную, чѣмъ окно вагона? Но чѣмъ же восторгается тогда туристъ—англичанинъ, ѣдущій въ одномъ съ нами вагонѣ взглянуть на каналъ и пишущій въ книжкѣ свои дорожныя замѣтки?

Уже поздно ночью пріѣхали мы въ Суецъ. Покинувъ станцію, гдѣ все представляло смѣсь британскаго — компанія желѣзной дороги англійская—съ туземнымъ и, пробившись силкомъ севозъ толпы сбѣжавшихся на скудную поживу арабовъ, мы перебѣжали въ Hôtel d'Orient, гдѣ и имѣли разомъ неудовольствіе найти, что все, и цѣны, и порядки тамъ были англійскія. Первые, т. е. цѣны были высокія, джентльменскія, а порядки были еще выше. Такъ неудобно и угловато было все въ нашемъ номерѣ, отъ громаднхъ кроватей, занявшихъ

три четверти комнаты, до жесткаго дивана и единственнаго стула, который намъ подали для того лишь, чтобы джентльмены могли на чемъ нибудь присѣсть у стола. Вездѣ царила Англія, и поданный намъ ужинъ былъ обильно насыщенъ соями и перцемъ—имъ былъ посыпанъ густо даже салатъ. Передъ нами были и самы представители этихъ пряныхъ вкусовъ — англичане, съ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ полинялую бронзу, — которымъ запасаются въ Индіи. Это были агенты и коммерсанты, ѣхавшіе изъ Бомбея и Сингапура и дожидавшіеся здѣсь завтрашняго поѣзда. Мы разговорились о Суецѣ съ племянникомъ русскаго вице-консула—плохія рекомендаціи! И здѣсь тоже, что во всемъ Египтѣ, кромѣ Каира и Александріи. Обширныя коммерческія перспективы, игра промыслами и землями смѣнились теперь застоємъ, тяжелымъ разочарованіемъ. Безумныя затѣи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, баснословныя затраты и сумасшедшія постройки, въ родѣ Измаиліи — города, по мановенію волшебнаго жезла, возникшаго въ пустынѣ, евронеиская отдѣлка Каира, все это оставило современному населенію въ наслѣдіе долги, тяжкіе налоги и эксплуатацію иностранныхъ фирмъ. Нищіе арабы и забытые феллахи сбѣгаются толпами на англійскія суда въ Александріи, чтобы, работая на нихъ день и ночь, получать за то полтора франка и нищенствовать. Злыми насмѣшками правѣтствуютъ теперь Каиръ туристы, которые, пріѣхавъ туда созерцать волшебный спектакль древняго восточнаго города, еще десять лѣтъ тому назадъ неприкосновеннаго, видятъ вдругъ передъ собою систематическое разрушеніе этой картины, и обзаванные (только тамъ и есть гостинницы) помѣститься въ пышномъ отелѣ новаго европейскаго квартала, созерцаютъ жалкую копію парижскаго бульвара и его кофеенъ, наполненныхъ оборванцами. Такъ, первый эффектъ накопленнаго, послѣ многихъ вѣковъ нищеты, благосостоянія тратится на дихорадочно-безумное разрушеніе и малярную закраску памятниковъ Каира — этой восточной Помпеи. Впрочемъ, гдѣ же этого не было, и гдѣ штукатурка и казенная аляповатая наружность не скрывали драгоценныхъ

мозаикъ, нѣжныхъ красокъ фаянса. Только въ глухихъ улицахъ Байра, въ предместьяхъ Константинополя, да дворахъ покинутой Альгамбры не возмущается зритель наглымъ отноше-
ніемъ новыхъ меценатовъ—выродковъ Востока къ своимъ род-
нымъ древностямъ.

Впрочемъ, Суецъ по неволѣ избѣгъ скороспѣлыхъ рестав-
раторовъ, именующихъ себя восстановителями Востока. Горо-
докъ, на который возлагали такъ много упованій до самаго
последняго времени, для устройства котораго на широкую ев-
ропейскую ногу съ начала открытія работъ по каналу было
истрачено много средствъ,—какъ былъ, такъ и остался глухимъ
городкомъ. Слава Богу, что въ первые годы горячки провели
въ Суецъ каналъ прѣсной воды (теперь, пожалуй, и этого бы
не сдѣлали!) Разъ, что морской каналъ прошелъ мимо Суеца,
и пароходы стали останавливаться въ особомъ портѣ, судьба
Суеца была рѣшена. Нахлынувшіе предприниматели удалились,
населеніе съ 30 тысячъ уменьшилось на десять, начатія по-
стройки брошены, о новыхъ предпріятіяхъ или перемѣнахъ не-
чего и думать. Все отошло къ Портъ-Саиду. И если бы на
набережной не высилось громаднаго, но пустыннаго дворца Пе-
нипсулярной компаніи, то, можетъ быть, не пришлось бы и
вспомнить о грезахъ и миражахъ, тѣшившихъ Суецъ не болѣе
десяти лѣтъ назадъ. Отнынѣ и на долго это только транзит-
ный пунктъ для путешественниковъ, предпочитающихъ послѣ
качки въ Индійскомъ морѣ слѣдовать въ Александрію по же-
лѣзной дорогѣ. Правда, въ день нашего пріѣзда Суецъ по-
лучилъ извѣстіе о скоромъ посѣщеніи Хедива и теперь пы-
тается почиститься и похорошѣть: всюду штукатуруютъ и кра-
сятъ, и голубая окраска первыхъ консульскихъ домовъ скры-
ваетъ меланхолическій сѣро-коричневый тонъ натурального камня,
столь успокоительно дѣйствующій на глазъ на фонѣ бирюзо-
ваго неба. Городъ расположенъ лицомъ къ заливу, спиною
къ негостепріимной пустынѣ, отовсюду его охватившей. Улицы
покрыты этимъ горячимъ пескомъ пустыни. Нѣкоторыя вы-
строились по-европейски, широко и прямолинейно, и какъ на-

рочно, ориентированы такъ, что бываютъ залиты весь день солнцемъ, а ходить по нимъ истинное испытаніе. Видъ европейскихъ домовъ крайне убогій, но еще жалче выглядятъ европейскія лавки и магазины. Есть между ними большіе колоніальные магазины—все англійскіе, но и тѣ, видимо, утрачиваютъ свой европейскій фасонъ: большія окна занавѣшены, выставки покрыты сѣрою пылью, и пустота магазина, въ которомъ едва дозовешься соннаго комми, производитъ крайне унылое впечатлѣніе. Товаръ больше бракованный, и его разнообразіе въ магазинахъ таково, что или не знаешь, куда итти, или зайдя, удивляешь своими спросами. Какъ отраднo, поэтому, было намъ очутиться на туземномъ базарѣ. Узкая улица, извивающаяся, подобно рѣченкѣ, укрытая отовсюду, отъ солнца навѣсами, то изъ пальмовыхъ рогожей, то просто изъ досокъ, ведетъ насъ отъ центра города къ набережной; по обѣ стороны ея, изъ подъ мрачныхъ сводовъ старинной мавританской конструкціи, выдвигаются подъ самый вашъ носъ выставки—широкіе рундуки, покрытые всякимъ товаромъ, какой Богъ послалъ. Тутъ и издѣлія изъ кожи, веревки и посуда, пряности, и овощи, и восточныя матеріи, и сладости. А какое оживленіе въ этихъ лавкахъ: за рундукомъ сидитъ хозяинъ, и около него непремѣнно двое, трое гостей, пришедшихъ поболтать и выпить чашку кофе. Кофеенъ нѣтъ, какъ и въ константинопольскомъ базарѣ, но вы можете спросить кофе вездѣ, и вамъ дадутъ его за грошъ и чудесный. Улица постоянно поливается самими лавочниками, и если вы отъ чего либо страдаете, то отъ сильнаго запаха пряностей, которыя такъ страстно любятъ Востокъ. Но какъ же несправедливы и пристрастны наши легкомысленные приговоры, какъ недоказаны наши аксіомы о свойствахъ азіатской торговли! То, что мы о ней знаемъ, по фасонамъ московскаго гостиннаго двора и нижегородской ярмарки, походитъ ли сколько нибудь на настоящую восточную торговлю? Мы много хлопотали узнать о ней въ Константинополь отъ живущихъ въ немъ иностранцевъ и слышали, что они по опыту предпочитаютъ скорѣе итти въ во-

сточную лавку, гдѣ продаетъ турокъ, чѣмъ въ самый фешё-небельный магазинъ парижской или вѣнской фирмы, конечно, если только нужные товары можно найти у турка. Но Константинополь зараженъ уже давно помѣсю парижскаго съ армянскимъ. Еще хуже дѣло въ Александріи: тамъ подъ именемъ базара разужются лишь succursales торговыхъ домовъ Вѣны и Парижа, продающихъ здѣсь только свой хламъ; немного лавокъ чисто туземныхъ. Восточный базаръ основанъ совсѣмъ на иномъ принципѣ: торговецъ продаетъ то, что производитъ самъ, или его семья, или его земля и мастерская и т. д. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній, и левантійцы, замѣняющіе на Востоку нашихъ евреевъ, представляютъ собою многочисленный классъ посредниковъ, который отрѣсняетъ мало по малу туземное населеніе отъ промышленности. Пусть вы и не поклонникъ новой манеры вводить археологію въ вопросъ о томъ, что лучше, прежнее или настоящее, но, ходя по суецкому базару, вы не можете отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ историческихъ воспоминаній. Кому, глядя на планы древняго греческаго дома, кругомъ обставленнаго лавками, не приходило въ голову сравнить эту торговлю хозяина дома и его квартирантовъ — все производителей, сначала съ восточнымъ базаромъ, затѣмъ съ магазинами европейскихъ городовъ, торгующими промышленностью изъ всякихъ рукъ и мѣстъ, потомъ съ колоссальными акціонерными компаніями, которыя торгуютъ всѣмъ, и которыми, кажется, принадлежитъ будущее. Что лучше, что хуже — говорить объ этомъ и спорить не стоитъ, но можно было бы согласиться, что на Востоку лучше — восточное. Кто не согласенъ, пусть попробуетъ въ Суецѣ прожить нѣсколько дней, чтобы убѣдиться. Намъ надобно было запастись здѣсь на дорогу всякаго рода провизіею, и все было сравнительно очень не дорого, что мы покупали на базарѣ, и запросъ продавцовъ, дѣйствительно, не лѣзъ въ карманъ. Я заговорился объ этомъ потому, что до сихъ поръ непріятно вспомнить, какъ ведетъ себя Европа въ этомъ скромномъ уголку; я долго смотрѣлъ, какъ арабъ покупалъ себѣ гнилой коденкоръ вмѣсто полотна,

и какъ кричалъ на него наглый мальтїецъ, получая съ него завѣтные франковики. Принято соболѣзновать объ исчезновеніи расъ Сѣверной Америки подъ давленіемъ тяжелой лапы и гнусныхъ пріемовъ янки; скорбятъ о Полинезійцахъ, вымирающихъ отъ оспеннаго платья, проданнаго имъ услужливой англійской компаніей. Но, право, безъ сентиментальности можно сказать: для этихъ расъ лучше, что они вымираютъ. Посмотрите, какая наглая эксплуатація заполонила теперь весь Востокъ, какое униженіе, какую нищету терпятъ тамъ всюду туземное населеніе.

Тѣмъ временемъ, пока мы гуляли и осматривали городъ, предупредительный русскій консулъ хлопоталъ объ устройствѣ нашей поѣздки въ Синайскій монастырь. Хлопоты эти были несложны, но зато и томительны до послѣдней степени. Въ Суецѣ ованчивались для насъ цивилизованные пути, и мы еще съ Александріи знали, что единственный для насъ подобный ресурсъ — пароходныя сообщенія съ Синайскою гаванью на Красномъ морѣ—Эль-Торѣ, открытыя на полгода тому назадъ, по случаю учрежденія въ Эль-Торѣ карантина, теперь были вновь прерваны. Ими воспользовался ученый палеографъ (проф. Гардтгаузенъ) изъ Лейпцига туда и обратно, но это была особенная удача. Оставались лишь верблюды, но и ихъ не оказывалось на наше счастье, и надо было ожидать дней десять, прежде нежели пѣшій посланецъ успеетъ побывать въ горахъ, куда верблюды уведены. Было еще средство въ запасъ — ѣхать въ парусной лодкѣ. Но и тутъ выдвигалось сильное, если не непреодолимое препятствіе. Такихъ лодокъ было много, и много было охотниковъ свезти насъ въ Эль-Торъ, но они могли это, выполнить лишь при попутномъ вѣтрѣ. А именно вѣтеръ во время нашего пріѣзда былъ противный, т. е. юго-западный, тогда какъ намъ нуженъ былъ сѣверо-восточный. Рассказываю такъ потому, что все это мы узнавали постепенно, и неизвѣстность не мало способствовала окраскѣ нашего предпріятія въ мрачныя краски. Сезонъ для подобныхъ поѣздокъ по морю уже прошелъ—говорили намъ—но еще не наступило

и вполне неблагоприятное время, и потому можно попытаться. И вотъ начались совѣщанія и переговоры съ лодочниками. Ихъ приходило много, иногда группами, всегда попарно, и въ такомъ случаѣ одинъ представлялъ собою самаго капитана — (райсъ), а другой коммерсанта — арматора. Сначала, казалось, дѣло шло лишь о томъ, какъ помирить нашу поѣзду съ доставкой товаровъ въ Джедду, и о цѣнѣ, которую изъ уваженія къ консулу набивали не очень высоко и охотно спускали. Въ концѣ-концовъ дѣло слаживалось на сотнѣ франковъ съ небольшимъ. Но надо ждать погоды. «Сколько же времени?» — Да не менѣе недѣли. «А если и тогда не будетъ попутнаго вѣтра?» — Вѣтеръ будетъ. «А то еще ждать?» Мой спутникъ горячился, пытаясь доказать, что и съ противнымъ вѣтромъ можно подвигаться, лавируя, впередъ. Намъ объясняли, что этого не дѣлается, что поѣздки въ лодкѣ избѣгаютъ и туземцы, что лодка при противномъ вѣтрѣ въ Красномъ морѣ не можетъ лавировать, потому что берегъ его покрытъ подводными камнями. Бываетъ, что въ полутора, двое сутокъ лодка приходитъ изъ Эль-Тора, а бываетъ и три недѣли, мѣсяцъ. Тѣмъ и кончились переговоры. Съ утра на слѣдующій день мы увидали, что наши надежды окончательно разрушены: дулъ жесточайшій хамсинъ, и половина неба была затянута грязнымъ желтымъ пологомъ. Тѣмъ не менѣе идемъ опять на мѣсто нашихъ совѣщаній и узнаемъ, что явился старикъ лодочникъ, — этотъ самый ужь опытный, — который берется свезти насъ дня черезъ два, три; старикъ намъ очень нравится, онъ долго кричитъ намъ что-то по арабски и улыбается, мы хлопаемъ по рукамъ, отдаемъ деньги, не думая уже о томъ, что изъ всего этого выйдетъ. Наше положеніе, томительное отъ ничего недѣланія, отъ невозможности что нибудь предпринять, становилось особенно тягостнымъ при жизни въ номерѣ гостиницы. По счастью, доброму человѣку пришло въ голову предложить намъ помѣщеніе въ своемъ частномъ домѣ и мы, оставивъ въ сторонѣ тонкія деликатности, немедля долго, къ нему перебрались. Самъ онъ и его сынъ въ своей конторѣ пока-

зывались намъ въ европейскомъ костюмѣ, и родина ихъ обнаруживалась развѣ въ цыновкахъ, да постоянно подававшихся чашечкахъ кофе, но за порогомъ официальной передней начиналась своеобразная жизнь, и Востокъ вступалъ въ свои права. Домъ дѣлился на три части: фасадъ, выступавшій на улицу, занятъ былъ внизу конторою и лавкою, а вверху большою залою или гостинною, въ которой убранство представлялъ забавную смѣсь восточнаго съ европейскимъ. Большія окна уже не были закрыты мушарабіями — наружными свозными балконами и вмѣстѣ ставнями, которыхъ чудные переплеты, набранные въ разнообразныхъ рисункахъ изъ крохотныхъ деревянныхъ палочекъ, такъ украшаютъ улицы Каира. Кругомъ стѣнъ шли восточные диваны, но передъ ними не было уже табуретовъ и мангаловъ, а зато посрединѣ залы стоялъ французскій переддиванный столъ. И гости, и хозяинъ чувствовали себя крайне неловко въ этой пустынной залѣ, но послѣдній былъ очень доволенъ, когда гости хвалили его европейскіе вкусы. Два боковыхъ крыла дома, поставленные такъ близко другъ къ другу, что изъ окна одного легко можно было подать руку въ окно другаго, составляли мужскую и женскую половину; большія окна послѣдней были закрыты мушарабіями. Задняя часть дома занята была прислугою и амбарами. На мужской половинѣ все безмолствовало, за то шумно было на женской: шли приготовленія къ празднику Пасхи. Черезъ открытыя форточки въ мушарабіяхъ видно было, какъ суетливо бѣгали и сновали тамъ семья и прислуга, хлопая по всему дому деревянными савдалями; покрытая розовымъ шарфомъ дѣвочка великолѣпнаго типа левантинки выглядывала изъ окошечка рядомъ съ старухой нубійкою, разодрѣтою въ яржежелтый халатъ; на дворѣ ловятъ циплятъ; все кричитъ, жестикуютъ и радуется. Мы отправились въ церковь, гдѣ уже съ вечера пятницы распоряжалась безцеремонно православная греческая и сирійская община; несеніе плащаницы особенно сопровождалось крайнимъ неистовствомъ: пары проскакивали одна за другою подъ нею, маша свѣчами и крича на всѣ лады; свѣчи,

цвѣты и ленты были мгновенно оборваны толпою. И здѣсь, какъ во всей Сиріи христіане находятся еще подъ сильнымъ нравственнымъ давленіемъ магометанства; женщины въ церкви всѣ помѣщаются на хорахъ, зажиточныя ходятъ подъ покрывалами, обыкновенно шелковыми, иногда съ головою окутываются въ черныя шелковыя мантии, и на улицѣ встрѣчаешь только иностранокъ. На слѣдующій день — это была Страстная Суббота — насъ извѣстили, что есть надежда на переиѣну вѣтра, и мы сами видѣли расчищавшееся мало по-малу небо; жаръ спалъ, и мы могли сдѣлать прогулку въ портъ и видѣть его колоссальныя сооруженія, присутствовать при распродажѣ мануфактуръ Китая и Индіи и нюхать тонкій запасъ свѣжихъ ананасовъ, наваленныхъ горами и продававшихся по 1 фр. за штуку. Длинный молъ, ведущій отъ города, былъ усеянъ людемъ; шли англійскіе рабочіе и матросы, проѣзжали на дорогихъ лошадяхъ коммерсанты и быстро бѣжали ослы, неся на себѣ молодыхъ и старыхъ англичанокъ, спѣшившихъ на аукціонъ индійскихъ шалей и матерій. Къ 6 ч. вечера все это движеніе прекращается, начинается приливъ, свѣжій вѣтерокъ начинаетъ рябить дотолъ сонную поверхность залива, и картина горъ, лежащихъ за Суецемъ, мѣняется каждый получасъ своей колоритъ. Простоявъ долго въ нѣмомъ созерцаніи чудной ночи, напомнившей намъ картины Палермской бухты, мы отправились домой, гдѣ праздникъ былъ уже во всемъ восточномъ разгарѣ. Шумъ, крики, снованье всякаго люда, стрѣльба со всѣхъ сторонъ. Не покойнѣе было и въ церкви, гдѣ въ срединѣ службы, когда женщины удалились, началась такая отчаянная стрѣльба у каждой двери и cadaго окна, что никакимъ нервамъ нельзя было выдержать. За веревки колоколовъ ухватывались сотни рукъ, палили изъ такихъ пищалей и мушкетовъ, въ которые входило по фунту пороху, сдѣлали соломеннаго Іуду и сожгли его тутъ же; однимъ словомъ, дѣлали все возможное, чтобы изобразить торжество; недоставало только тѣхъ сценъ арабскихъ плясокъ, которыя такъ непріятно поражаютъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ. Церковь была переполнена пороховымъ

дымомъ; группы и толпы ходятъ и перебѣгаютъ, заглушая по временамъ совершенно, что было очень кстати, гнусливые хоры и еще болѣе гнусливое чтеніе. Наконецъ сѣдой, какъ лунь, священникъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ красныя яйца — единственная эмблема Пасхи здѣсь и служба кончилась.

Раннимъ утромъ перешли мы на нашу барку. Это была громадная лодка, вѣрнѣе, цѣлое судно, но плавающее подъ однимъ лишь парусомъ; для насъ она болѣе всего походила на тѣ вольныя венеціанскія суда, которыми обыкновенно установлена бываетъ Riva degli Schiavoni: въ Венеціи. Не разъ, живя когда то на концѣ этой Riva, любовались мы на эти барки, наблюдая движеніе на ихъ палубѣ, и задумываясь о привольной жизни ихъ хозяевъ; и всего то у иного нѣсколько сотенъ франковъ капитала, и экипажъ, Богъ знаетъ, изъ какихъ матросовъ, а ходятъ эти суденушки по всему Средиземному морю, и вездѣ въ каждомъ портѣ у хозяина свои знакомые, которыхъ онъ видитъ разъ въ пять лѣтъ, и свои дѣлишки. Но увѣ теперь предстояло не любоваться издали, не восторгаться изъ принципа предприимчивостью природнаго моряка, но плыть съ нимъ, и плыть, можетъ быть, нѣсколько дней. Оказалось, дѣло имѣло совсѣмъ иной вкусъ, и не потому только, что вмѣсто Грека или Итальянца нашимъ капитаномъ былъ Арабъ. Когда насъ встали на верхъ борта и спустили внизъ; когда, перебравшись съ опасностью сломить себѣ шею, черезъ бревна, сундуки и всякій хламъ, мы очутились въ назначенномъ для насъ помѣщеніи, гдѣ уже былъ разставленъ и разложенъ нашъ многочисленный багажъ, мы долго не могли притти въ себя. Представьте себѣ самыя грязныя нары, часть которыхъ занята другими нарами, еще болѣе грязными и мрачными, на которыя нагроможденъ всякій хламъ: керосинные ящики, шкуры, мѣшки съ запасами, мѣшки съ платьемъ экипажной прислуги и прочими прелестями. Представьте полъ изъ неотесанныхъ досокъ и бревенъ, на которомъ выросла годами грязь на вершокъ, и главное, потолокъ, который изъ подобныхъ же досокъ и бревенъ подымался лишь

на два аршина отъ пола, такъ что ходить можно было только на четверенькахъ. Мы выѣзли на верхъ — надъ нами находилось палубное помѣщеніе кормы, гдѣ сидѣлъ за рулемъ хозяинъ, маневрируя его длинною рукоятью черезъ головы расположенныхъ со всѣми своими пожитками поломниковъ и купцовъ, вѣхавшихъ въ Джедду. Было излишне разспрашивать, какъ очутились здѣсь всѣ эти народы, когда мы наняли лодку только для себя. Но еще болѣе непріятное зрѣлище представлялось намъ, когда, забившись въ свои нары и растянувшись на грязномъ парусѣ, мы глядѣли прямо передъ собою. Нашъ помостъ оканчивался, не доходя одной четверти судна, и все дно его было завалено сундуками, жестянками, перинами и людьми въ перемежку съ этими разнокалибернымъ хламомъ. Судно имѣло обшивку только снаружи, а внутри нѣтъ; большія козла изъ бревенъ поддерживали десятокъ балокъ, танувшихся во всю длину судна и замѣнявшихъ палубу для экипажа; мачта единственнаго громаднаго паруса была укрѣплена въ такихъ же козлахъ. На носу опять была небольшая настилка и на ней помѣщался очагъ — большой ящикъ съ золою. Но всего любопытнѣе была помпа этого примитивнаго корабля: поперекъ лодки наверху помѣщенъ жолбъ, въ срединѣ котораго укрѣплено корыто; одинъ нубійскій геркулесъ стоитъ, широко разставивъ по балкамъ ноги, и выжимаетъ — а не выливаетъ — въ корыто кожаное ведро съ водою, которое подаетъ ему одно за другимъ подъ нимъ стоящій другой нубіецъ; этотъ черпаетъ изъ вонючей лужи, которая постоянно собирается въ центрѣ дна. Помпа дѣйствовала быстро: 60 ведеръ вычерпывалось въ полчаса, но — что могла сдѣлать она, если мы черпнемъ бортами?

Но всѣ эти, насъ ожидавшія, прелести мы рассмотрѣли не сейчасъ, а уже вечеромъ. Теперь мы шли на причалъ, тащимые лодкою, по заливу въ направленіи порта. Вѣтеръ совершенно упалъ, и жаръ, и тяжелый запахъ въ нашей коютѣ дошли до послѣдней степени. Но высунуть носъ на солнце нечего было и думать, и вотъ мы сидѣли и созерцали, какъ

приготовлялся къ плаванію нашъ экипажъ: его было до 15 человекъ, все нубійцы и негры, черные какъ смоль и какъ она, блестящіе своимъ природнымъ лакомъ. Между ними бронзово-коричневое тѣло араба свѣтлѣло, какъ на египетскихъ барельефахъ. Весь этотъ людъ въ часъ досуга приводилъ себя и свой хламъ въ порядокъ: сбросивъ свою коленкорovou голубую рубашку и оставшись въ одномъ передникѣ, каждый внимательно ее обследовалъ и затѣмъ стряхивалъ тутъ же, — надолго ли, не трудно угадать. Наконецъ притащились мы къ порту, но уже намъ было не до его чудесъ: громадные пароходы Индіи, колоссальный отель, кофейни, садики, музыка, въ нихъ раздававшаяся, пестро разодѣтныя англичанки, катающіяся въ катерахъ, вся эта культура только дразнила насъ и дѣлала намъ нашу обстановку еще тягостнѣе. Мы искренно желали только бы скорѣе распрощаться съ этими прелестями, но, благодаря нашему капитану, который ушелъ на берегъ и заставилъ прождать себя цѣлыхъ три часа, и этого нельзя было сдѣлать. Наконецъ мы стали выходить изъ порта и имѣли удовольствіе видѣть, какъ семья англичанъ, вышедшая на балконъ и замѣтившая насъ въ нашей печальной обстановкѣ, долго стояла, показывала на насъ пальцами, но — спасибо и за то — не смѣялась.

Предательскій вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и мы шли, дѣлая, можетъ быть, по два узла въ часъ, говоря по морскому. И мы вдоволь могли любоваться масляною поверхностью разстлавшагося передъ нами моря и на свободѣ разсчитывать, гдѣ именно могли здѣсь пройти по суху Евреи, преслѣдуемые Фараономъ. Ученымъ вѣдь извѣстно, что именно въ сѣверозападномъ углу суэзскаго залива это совершилось, и что даже одинъ корабль когда-то наблюдалъ здѣсь раздѣленіе водъ сѣверозападнымъ вѣтромъ. Жара наконецъ спала, и мы вылѣзли на палубу, т. е. на бревна; послѣ дневнаго томленія былъ истинною нѣгою сѣсть на бортъ лодки, спустить ноги къ водѣ, одна-коже, съ опаскою — здѣсь, какъ и во всемъ Красномъ морѣ, много водится акулъ, — такъ какъ лодка сидѣла низко. Очнувшійся

отъ своего оцѣпенія экипажъ составилъ концертъ; сначала тянули что-то очень заунывно и нестройно; но мало по-малу ожили и лютия, и барабанъ; дружно и въ тактъ хлопая въ ладоши, пристало къ нимъ все, что было въ лодкѣ, кромѣ ранса, не отлучавшагося отъ своего руля. Сварили кофе, все на той же примитивной кухнѣ, и за кофеемъ свели знакомства. Мой спутникъ, знавшій кое-что по-турецки, нашель между пассажирами одного, знавшаго нѣсколько словъ по-турецки же, и разговоръ ихъ начался, вертась, однакоже, исключительно на практической почвѣ, т. е. на счетъ дней, которые намъ предстояло пробить въ плаваніи до Эль-Тора, и на вопросъ о томъ, будетъ ли у насъ попутный вѣтеръ. Еще болѣе вяло шли мои арабскіе разговоры, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, я имѣлъ неудовольствіе констатировать во первыхъ, что арабское произношеніе столь же трудно, если не труднѣе, какъ англійское, и имѣеть, кромѣ всѣхъ его прелестей, еще свои особенныя, и что во вторыхъ, очень трудно вести разговоры при пособіи одного лексикона арабскихъ словъ, приложеннаго при египетскомъ гидѣ Изамбера. Драгомана же съ нами не было, какъ не было и слуги, необходимаго лица въ путешествіи на Востокъ, и намъ прислуживалъ одинъ изъ Махмудовъ экипажа. А море кругомъ было такъ тихо, какъ будто застыло; красно-желтыя коймы берега слѣва только изрѣдка прерываются оврагами или трещинами, образовавшимися отъ текущихъ здѣсь въ сезонъ дождей ручьевъ; мѣстами въ этихъ ложбинахъ видны были темнѣющія пятна жалкой растительности: такъ представляется съ моря Синайскій полуостровъ. Справа одинъ, прокатившійся на далекое пространство хребетъ горы Атаки, отвѣсный и мрачный, безъ излучинъ и вершинъ, ровный и угловатый, не мало способствуетъ общему тону унынія и мертвенности.

Едва прошли мы до Бубердейса, какъ упали сумерки, парусъ перебросили отъ вѣтра и мы легли въ дрейфъ. Настала ночь, тяжкая отъ какой-то непонятной духоты. Мы вылѣзли изъ своей каюты, гдѣ насъ столько же мучили всевоз-

можныя насѣкомья, сколько смрадъ, томительный жаръ и крайнее возбужденіе нервовъ, которое мы поняли только впоследствии. Но едва улеглись мы на свернутомъ парусѣ, какъ переполохъ, поднятый моимъ товарищемъ, разогналъ и мою дремоту: ему послышалось, что на нашъ мѣшокъ съ хлѣбомъ—почти единственную нашу провизію—напали крысы. Дѣйствительно, мѣшкать было нельзя: изъ глубины нашей каюты слышался сильный шорохъ и шумъ. Преодолевая заранѣе подступавшее къ горлу чувство отвращенія, и зажегши свѣчу, мы осматриваемся, —ничего не видно, а возня отчаянная, и происходитъ она въ самомъ мѣшкѣ; открываемъ его и — вмѣсто мышей — видимъ тучу большихъ таракановъ, стремительно разсыпавшихся во всѣ стороны. Товарищъ мой съ ожесточеніемъ навидывается на запоздалыхъ, но я поднимаю свѣчу и указываю ему на потолокъ: доски какъ будто ожили, изъ всякаго шва выглядывали мириады шевелившихся усовъ... Что тутъ было дѣлать? Завязали мѣшокъ и ушли, и не сочли нужнымъ даже рассмотреть породу: знаю только, что эта была порода *полюдителей* т. е. бурныхъ таракановъ, и необыкновенно большихъ. Такъ и не спали мы всю ночь, и едва забрезжилось, начали будить прислугу, чтобы ставили парусъ. Парусъ поставили, но онъ, не начавъ даже полоскаться, падаетъ. Къ срединѣ дня томленіе усиливается до нельзя; вода слегка булькаетъ около лодки. Буссоль приносятъ къ намъ въ каюту и старательно увертываютъ. Что такое, въ чемъ дѣло? Требуемъ капитана. Онъ указываетъ на горизонтъ справа, но мы ничего особеннаго не замѣчаемъ, кромѣ легкой желтизны.—Хамесинъ! Такъ что же? Раздосадованный райсъ машетъ руками и уходитъ, чему-то смѣясь. Въ три часа начинается довольно задорная качка. Вѣтеръ дуетъ порывами и вмѣсто того, чтобы освѣжать, жжетъ лицо и тѣнитъ грудь. Вотъ перебросили парусъ, и лодка стремительно рѣжетъ воду; кругомъ бурлитъ, шумитъ и пѣнится, такъ что въ головѣ дѣлается круженіе. На лѣво совсѣмъ близко берегъ, какой-то заливъ. Спрашиваемъ, что это за мѣсто.—Вубердейсъ. «Какъ, все тотъ же Вубердейсъ,

*

что и вчера!» Но вот вдали слыва передъ нами высокій мысъ. Явно, мы стремимся его обогнуть, и когда обойдемъ его, то пойдёмъ быстро. Ничего не бывало! Раздается команда капитана. Тѣснямые бѣгущюю толпою черныхъ, нагихъ матросовъ, прыгаемъ обратно съ палубы въ свою каюту. Толпа тащить канатъ паруса, одни передаютъ его другимъ, и вотъ у нашего помѣщенія начинается борьба геркулесовъ съ парусомъ, который натянулся тѣмъ временемъ, какъ яйцо. Нестройно, но ловко, и съ дикими воплями замыкаютъ канатъ въ большой блокъ. Одинъ изъ колоссовъ, сорвавшись, летитъ къ намъ, но сейчасъ же, какъ мячикъ, подымается на ноги. Наконецъ, все успокоивается, кромѣ отчаянной качки; мы выльзаемъ на верхъ—и видимъ все тоже мѣсто, все тотъ же мысъ вдали. Такъ повторяется четыре раза, и только, когда мы настолько приблизились къ берегу, что увидали камни на немъ, и среди отчаяннаго розвала качки бросили два якоря, мы поняли маневры нашего судна. Всѣ эти пріятныя катанія имѣли цѣлью приблизиться къ берегу и стать на якорь въ защитѣ отъ вѣтра. Намъ объяснили, что мы должны ждать бури—*фортуны* (подъ этимъ названіемъ шеваль оказался извѣстенъ и арабамъ), и видя берегъ возлѣ, мы соглашались претерпѣть и бурю. На что же будетъ съ нами дальше—этотъ вопросъ, вопросъ чисто европейскаго характера, не давалъ намъ столько же успокоиться, какъ и отчаянная качка. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, вопросъ, дѣйствительно, празднаго любопытства, которое осуждаетъ всякій истинный правовѣрный. На всѣ наши распросы и призывы райсъ отвѣчаетъ намъ отъ своего руля только смѣхомъ. Но мы таки добиваемся своего; онъ приходитъ, и при пособіи турецкаго переводчика, мы его допрашиваемъ. Вотъ теперь хамсинъ, а сколько онъ будетъ дней: одинъ, два, пять, больше?—Кто знаетъ? Если хорошій вѣтеръ, туда, завтра Эль-Торъ?—А если не завтра, то когда? Можетъ быть, десять дней?—Нѣтъ, теперь не хорошо (мушъ таибъ), завтра—хорошо! Райсъ уходитъ, на наши предложенія съ теперешнимъ вѣтромъ ѣхать назадъ въ Суецъ и

переждать, отвѣчаетъ смѣхомъ. — Я боленъ, не могу плыть десять дней! — А Аллахъ на что? И торжественно указываетъ на небо.— Среди бушующихъ у берега волнъ появляется лодка—знакомый нашему райсу рыбакъ подплываетъ на лодкѣ, въ которой гребутъ три черные и совершенно нагіе туземцы. И хотя намъ нѣтъ причинъ сомнѣваться въ наклонностяхъ этихъ людей, но мы невольно думаемъ о возможныхъ непріятностяхъ, если сойдемъ на берегъ. Ихъ лодку отчаянно кидаетъ во всѣ стороны, и только обезьянья цѣпкость нубійцевъ способна на то, чтобы причалить въ это время и влѣзть на судно. Въ виду нашихъ немощей, капитанъ самъ стелить намъ изъ паруса постель наружи и даже пробуетъ тащить меня за ноги. Половина неба совершенно потемнѣла, но тѣмъ ярче горятъ звѣзды на другой. Къ полночи завыванія вѣтра вдругъ прекращаются, и слышится свистъ, сначала слабый, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе; звѣзды скрываются, и закрывшись пледомъ, я чувствую, какъ насъ осыпаетъ сначала брызгами воды, а потомъ пескомъ, съ такою силою, какъ если бы чья нибудь рука бросала песокъ намъ въ лицо; лодку, и все, что ни есть въ ней, и наши пледы рветъ съ мѣста. Добрые полчаса свиститъ и гудитъ самумъ, и наконецъ утихаетъ, среди полной, наступившей тьмы. Я не дождался окончанія и заснулъ: и мнѣ снилось, что я спѣшу попасть въ отходящій поѣздъ и наконецъ врываюсь въ вагоны на полномъ ходу.

Насъ разбудили въ три часа ночи: стали разбирать парусъ, чтобы закрѣпить его. Вытащили всѣ три явора, и разомъ, съ страшною силою мы понеслись. Буря перемѣнила направленіе, и вмѣсто западнаго самума сѣверо-западный шквалъ погналъ насъ впередъ. Райсъ сидѣлъ на рудѣ и просто заливался отъ хохоту—онъ предчувствовалъ успѣхъ и то угощеніе, которымъ онъ долженъ былъ насъ поощривать. Происходило ли это отъ крайней быстроты, или же отъ близости воды, но кругомъ нашей лодки поднялась какая-то вакханалія. Качка перешла въ розмахи, разомъ была боковая и килевая, и при каждомъ розмахѣ судно забирало воду. Лежа въ по-

валку у себя въ каютѣ и держась, за что привелъ Господь, чтобы не очень мотало и обо что нибудь не стукнуло, мы имѣли удовольствіе видѣть, какъ пришелъ въ движеніе и нашъ багажъ. Сначала поползъ медленно и осторожно одинъ ящикъ, и постукивая и подпрыгивая, старался выбраться на средину; но какъ было у насъ очень тѣсно, то послѣ нѣкотораго раздумья, онъ вдругъ отчаянно стукнулъ о другой, какъ бы пытаясь прочистить себѣ дорогу. Затѣмъ и всѣ наши четырнадцать мѣстъ освободились разомъ, послышался уже звонъ отъ боя фотографическихъ аппаратовъ, сбѣжалъ сверху самъ райсъ на шумъ, но мы были уже вполнѣ беспомощны и безучастны. Вдругъ сбоку нашего логовища отрывается отъ своего гнѣзда маленькая фокъ-мачта—ужь послѣ мы увидѣли, что и гнѣзда для нея настоящаго не было, а просто вставлена была она въ доску, и эта доска пришта къ полу однимъ только гвоздемъ. Нельзя стало и лежать, и приходилось только сидѣть у блока, крѣпко держась за веревки. Но мы были счастливы и тѣмъ, что идемъ и идемъ поразительно быстро. Правда, мы ничего не видали, кромѣ громаздящихся волнъ, да непрерывнаго дѣйствія нашей помпы, за которою мы ревниво слѣдили. И когда послѣ полудня насъ извѣстили, что скоро будетъ видно Эль-Торъ, то и вачка уже мало сравнительно чувствовала. Какъ стрѣла пронеслась лодка по тихой водѣ залива и до половины зарылась въ песокъ. Наше морское путешествіе кончилось, и право, было пора. Скоро подѣхала карантинная шлюпка, но сидѣвшій въ ней сторожъ итальянецъ безъ всякаго осмотра разрѣшилъ намъ съѣхать на берегъ. Всѣ наши мѣста оказались снаружи въ цѣлости, и недоставало всего только одного ремня: имъ прельстился, вѣроятно, Махмудъ, но, во вниманіе къ его услугамъ и особенно къ тому, что онъ показалъ намъ, какъ можно собственною подошвой чистить полъ вмѣсто щетки, мы не требовали возвращенія.

На спинахъ арабовъ перебрались мы изъ шлюпки на берегъ—иначе нельзя было за волненіемъ—и на маленькой набережной были привѣтствованы цѣлой толпою. То была вся

мужская половина и всѣ домочадцы добрѣйшаго русскаго вице-консула. Войдя внутрь маленькаго дворика и взобравшись по ветхой лѣстницѣ наверхъ въ жилия комнаты, мы были введены затѣмъ въ пріемную, гдѣ насъ ожидали привѣтствія женской семьи хозяина, и усажены на диванъ. Подали угощеніе: сладкія пасочныя лепешки въ видѣ рогулекъ или варениковъ, кусочки финиковой колбасы, ракі и кофе. Политичные разговоры, въ которыхъ, главнымъ образомъ, напирали на побѣды наши надъ турками и оказывались совершенно неизвѣстными послѣднія событія, были затруднены опять языкомъ: хозяева говорили только по арабски. Но, и обмѣниваясь, на манеръ дикарей, запасомъ словъ взаимно, кто что зналъ по русски, гречески, арабски и по турецки, при чемъ всякій малѣйшій успѣхъ служилъ предметомъ общаго восхищенія, мы чувствовали несказанное удовольствіе и не находили словъ для выраженія его. Любезность нашихъ хозяевъ была такъ искренна, задушевна, такъ легко и покойно сидѣли мы въ новой средѣ, что эти немногосложныя бесѣды составляютъ одно изъ лучшихъ воспоминаній. Вся семья, состоявшая изъ женатыхъ дѣтей хозяина, оказывала своему отцу знаки искренняго почтенія и полной привязанности, и въ то время, когда онъ сидѣлъ съ нами за столомъ, прислуживали ему и, не смотря на всѣ наши просьбы, никто не хотѣлъ сѣсть рядомъ. Таже патриархальность поражала насъ здѣсь и въ другихъ семьяхъ. Даже кофе подавался только гостямъ и хозяину, и когда мы разъ настояли на томъ, чтобы старшій сынъ — человекъ лѣтъ сорока пяти — пилъ кофе вмѣстѣ съ нами, то онъ долго смѣялся, наконецъ, приложивъ руку ко лбу передъ отцомъ, взялъ чашку, по его уговору, хотѣлъ пить, но не выдержалъ: покачивавъ головою, всталъ и выпилъ. Православныхъ арабовъ въ Эль-Торѣ не много, и обширная церковь, въ итальянскомъ вкусѣ, недавно здѣсь выстроенная (отчасти на средства изъ Россіи), хотя посѣщается въ утреннія и вечернія службы всею общиною, все же остается пуста. При церкви выстроена прекрасная и обширная монастырская гостинница, но и въ ней

только изрѣдка и мало гостить паломниковъ, исключительно русскихъ. Бывалые странники всегда изъ простыхъ, посѣтивъ Афонъ, заходятъ передъ Иерусалимомъ, а иногда и послѣ на Синай, но ихъ рѣдко бываетъ въ годъ болѣе 20 человекъ; между ними бываютъ и женщины — матушки, какъ ихъ здѣсь зовутъ. Иногда паломники ѣдутъ изъ Суета на верблюдахъ, но чаще трактъ ихъ лежитъ черезъ Эль-Торъ. Для русскаго странника пространство не составляетъ собственно никакого серьезнаго препятствія, развѣ онъ боится опоздать въ другое мѣсто къ великому празднику. Поэтому, какъ мнѣ случилось слышать и самому, русскій паломникъ, отправляясь къ Святѣмъ мѣстамъ, думаетъ не о трудностяхъ своего странствія и рѣдко ихъ предвидитъ, если онъ не бывалый, но о томъ, чтобы воспользоваться плодотворнѣе для своихъ цѣлей своимъ временемъ. Расчетъ подробный ведется и тому, сколько времени и гдѣ именно паломникъ можетъ выжить на мѣстѣ, и рассчитывается по средствамъ — это вопросъ чести и особой деликатности; но этому правилу мало слѣдуютъ бабы. Не будь итальянскихъ построекъ, Торъ походилъ бы на обыкновенную арабскую деревушку, какою онъ и есть въ дѣйствительности. Дома его, расположенные по берегу и образующіе нѣсколько улицъ, покрытыхъ мусоромъ и всякою падалью, какъ на подборъ похожи одинъ на другой: четырехугольныя сѣрыя стѣны, сложенныя изъ коралловъ и раковистаго песку, снабжены маленькими оконцами; домъ внутри дѣлится на амбары и лавчонки, въ верхнемъ этажѣ имѣетъ жидыя комнаты, а вмѣсто крыши земляную террасу, на которой спитъ вся семья и которая оваймлена глинянымъ парашетомъ. Словомъ, ничего новаго даже для того, кто видалъ лишь рисунки арабскихъ деревушекъ, Торъ не представляетъ. Два главные дома въ годъ принадлежать двумъ мѣстнымъ представителямъ иностранныхъ государствъ, которые и находятся по этому въ давней, не примиримой враждѣ, проистекающей изъ соперничества, а намъ и обидно, и забавно было видѣть при случаѣ, какъ выступила разомъ немногосложная, иптимная среда этихъ араб-

ских Монтекки и Капулетти. Болѣе поучительно было наше знакомство съ Синайскими монахами, завѣдующими Христіанскою церковью въ Торѣ. Ихъ всего трое, и церковь эта бѣдна и скромна и ничѣмъ, конечно, не напоминаетъ дѣятельности древней Раионы — такъ назывался Христіанскій Эль-Торъ и доселѣ такъ слыветъ у Грековъ, — когда жилъ Іоаннъ Климакъ и велъ переписку съ аббатомъ Раионы. Но въ этой пустынѣ люди сохранили и прежнюю искренность, и силу чувства, и энергію. Одинъ изъ этихъ монаховъ — видомъ новый Геркулесъ — самъ, своими руками вырубилъ въ горахъ камень для постройки и свезъ его на верблюдахъ на мѣсто; онъ же сдѣлалъ громадныя контрфорсы для Юстиніановыхъ стѣнъ Синайскаго монастыря. Онъ разсказалъ намъ свою исторію: природный Грекъ, въ дѣтствѣ былъ онъ гдѣ то въ Абиссиніи рабомъ, и разъ, прѣхавъ въ Каиръ съ хозяиномъ, услышалъ вдругъ неизвѣстную ему греческую рѣчь; какія то воспоминанія въ немъ проснулись, и онъ бѣжалъ отъ хозяина; въ Александріи вновь выучился по гречески, посѣтилъ свою родину, и благодаря знакомству съ купцомъ изъ Тора, зашелъ на Синай, гдѣ и нашлось для него много дѣла. Дѣйствительно, это былъ человекъ на всѣ руки, веселый и словоохотливый, говорившій по немногу на всѣхъ языкахъ; онъ одинъ справлялъ всю черную работу въ гостинницѣ, и приводилъ въ трепеть непокорныхъ Бедуиновъ. Мы дошли до убѣжденія, что онъ не знаетъ усталости и отдыха, и, подобно другимъ, обращались за его помощью за всѣмъ. Бываютъ такіе люди и именно среди монаховъ. Онъ же устраивалъ намъ и всѣ возможныя развлеченія въ Эль-Торѣ, гдѣ намъ пришлось двое сутокъ ждать верблюдовъ. Мы побывали въ финиковыхъ садахъ — мнимыхъ садахъ Моисеевыхъ (будто-бы библейскій Элимъ), гдѣ текутъ теплыя сѣрныя ключи и гдѣ большой Аббасъ — паша вздумалъ было выстроить себѣ дворецъ и лѣчебницу, да умеръ, не кончивши. Ручьи, хоть ихъ и не 12, какъ было въ Элимѣ, обильны и поддерживаютъ богатую растительность; они вытекаютъ изъ подошвы известковыхъ скалъ. Пріятно лежать на

газонъ высохшихъ финиковыхъ листьевъ въ самой чащѣ; всюду громадные стволы благороднѣйшей пальмы въ крайне причудливыхъ положеніяхъ; одни устремляются одиноко въ самый верхъ; другія, столпившіеся группою или кущею, сперва ползутъ по землѣ, какъ гигантскія змѣи и разбрасываются затѣмъ въ разныя стороны. Послѣ Александріи и даже Каира, гдѣ финиковыя пальмы садятся какъ яблони въ огородахъ правильными и скучными рядами, эти хаотическіе, запущенные сады съ ихъ величіемъ и волшебнымъ очарованіемъ, былъ тотъ Востокъ, о которомъ мечталось. Культуры здѣсь никакой не полагается, и урожай, достигающій до 15 тыс. окъ, бываетъ только разъ въ три года. Отсюда же наши богомольцы набираютъ палокъ или посоховъ—«благословенія» на подвигъ. Другая наша экскурсія на коралловыя мели была руководима тѣмъ же золотымъ человѣкомъ, который оказался по этому случаю жаркимъ поборникомъ естественныхъ наукъ; потроша одинъ кустъ коралловъ за другимъ, и разгоняя потревоженныхъ его обитателей по дну лодки, онъ все увѣрялъ, что найдутся другіе новые типы паучковъ и жучковъ кромѣ тѣхъ, которые мы закупили въ спиртъ. Нашъ извѣстный зоологъ, проф. Ковалевскій вывезъ изъ Эль-Тора нѣсколько ящиковъ съ подобными рѣдкостями, которыми здѣсь промышленяютъ нѣсколько рыбаковъ: больше загнанные нуждою итальянцы. И, правда, чтó загонять сюда, кромѣ нужды, европеица? Судьба, затащившая сюда нѣмца изъ Мюнхена—карантиннымъ докторомъ и итальянца—инспекторомъ, ничего не дала имъ взаимнѣ: скука и глазныя болѣзни—первая, отъ полного безлюдья, вторая—отъ песку и соленой почвы, которой блескъ при солнцѣ становится невыносимъ. Мы не видали ни одного жителя безъ воспаленія глазъ; много кривыхъ и вовсе слѣпыхъ.

Наконецъ то пришли Бедуины съ верблюдами, и мы поспѣшили въ дорогу. Рано утромъ началось навьючиваніе, и пока Бедуины кончили эту работу, въ которой надо было соблюсти полнѣйшую справедливость при распредѣленіи тяжестей, прошло много времени. Толпа жителей вышла насъ провожать

и помогать намъ сѣсть въ первый разъ на верблюдовъ. Дѣло въ сущности нетрудное, но считается опаснымъ для новичковъ. Верблюдъ (дромадеръ или одногорбый) нагружается — я невольно говорю какъ о кораблѣ, — когда онъ лежитъ на землѣ, подвернувъ весьма аккуратно свои ноги; нагрузка состоитъ въ томъ, что на большое вьючное сѣдло, идущее отъ шеи до хвоста, подвязываютъ по срединѣ всѣ тяжести, сохраняя равновѣсіе, и затѣмъ на подосланныя одѣяла садится верхомъ сѣдокъ. Понуждаемый особымъ крикомъ, верблюдъ встаетъ разомъ, сперва сильно поднявъ задъ; сѣдокъ долженъ быть само вниманіе все это время и, откинувшись назадъ, крѣпко упереться обѣими руками въ луку; мгновеніе онъ чувствуетъ себя какъ бы на краю подоконника, готовымъ упасть, но вотъ верблюдъ поднимаетъ и свой передъ и устанавливается прочно. Объ этихъ маневрахъ весьма краснорѣчиво, однакоже невѣроятно рассказываютъ туристы по Востоку, но что они могутъ быть опасны лишь для усталаго сѣдока, тому во всю нашу поѣздку былъ одинъ лишь примѣръ. Одинъ изъ насъ, сѣвъ на верблюда, не успѣлъ найти рукою луки, какъ верблюдъ поднялся; потерявъ точку опоры, сѣдокъ сильно подался впередъ; также сильно его оттолкнуло потомъ назадъ, и онъ упалъ съ верблюда головою внизъ, по счастью въ песокъ, между камней, повредивъ лишь свою каску. Не опасно, но тяжело, напротивъ того, слѣзать съ верблюда, особенно, когда онъ усталъ, и ноги его утратили эластичность своихъ мускуловъ: тогда онъ падаетъ стремительно, а не подгибаетъ колѣна, и совершивъ затѣмъ воднообразное движеніе всею своею машиною, наконецъ ложится; мы предпочитали послѣ слѣзать съ верблюда какъ съ лошади, ухватившись за луку, при чемъ Бедуинъ подхватываетъ васъ снизу очень ловко. Такъ какъ разъ уже разошедшійся верблюдъ не любитъ подъ вьюкомъ ложиться и сильно реветъ и негодуетъ, когда хозяинъ приглашаетъ его лечь звукомъ гхи!, выражающимъ его шипѣніе при этомъ актѣ, то тѣже Бедуины услуживаютъ вамъ, подымая васъ на сѣдло на своихъ плечахъ. Тема о верблюдѣ достаточно

была бы исчерпана, если бы иные туристы не позаботились и тут напутать небылицъ, въ родѣ завѣреній, напр. Эдмонда Абу (очевидно, никогда не ѣздившаго на верблюдахъ), что верблюдъ качается, и что отъ этой качки съ слабыми особами случается морская болѣзнь. Верблюдъ не качается, а толкаетъ и довольно чувствительно, и въ этихъ толчкахъ взадъ и состоитъ вся особенность и вся непріятность этого путешествія верхомъ. Эта громоздкая машина на четырехъ подпоркахъ движется медленно, систематически, безъ всякихъ варіацій и отклоненій въ своемъ движеніи, и къ ней гораздо легче было бы приспособиться и привыкнуть, если бы не сила толчковъ. По ихъ причинѣ ѣзда на верблюдѣ не можетъ имѣть обычныхъ приспособленій—кавалерійскаго сѣдла и стремянъ: если, при подъемѣ на гору, тяжелые вьюки лѣзутъ на хвостъ верблюда и сползаютъ обратно ему на шею, при спускѣ, то спрашивается, что же должно дѣлаться съ сѣдломъ? Такимъ образомъ, способъ передвиженія на верблюдахъ можетъ назваться однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, и вполне понятно, почему путешественники на Синай такъ много и такъ скорбно говорятъ объ этомъ; одни изъ нихъ придумывали для себя особия помѣщенія въ корзинкѣ, привѣшенной къ верблуду, другіе — носилки съ креслами, помѣщавшіяся на двухъ верблюдахъ, но всему, въ концѣ концовъ, предпочитали итти пѣшкомъ. Ѣзда эта убиваетъ крайнею систематичностью, монотонностью и несносными привычками верблюдовъ носильщиковъ. Равномѣрно переступая и ежеминутно двигая свою длинную шею, какъ корабль своимъ носомъ, верблюдъ этотъ, живущій всегда здѣсь въ проголодь, не пропуститъ малѣйшей травки, едва видимой на пескѣ былинки; ежеминутныя остановки и понуканья — предметъ развлеченія въ первое время и терзанія въ остальное. Сладострастно жуя схваченную травку или хвою, обдернутую съ придорожнаго куста, верблюдъ ревниво слѣдитъ за своимъ хозяиномъ,—который все время дороги посвящаетъ, гдѣ возможно, на отысканье травы,—и идетъ усердно лишь тогда, когда Бедуинъ прикармливаетъ его.

Наблюдая нравы умнаго животнаго, мы прошли источникъ сладкой воды, бывшій виновникомъ основанія Эль-Тора, и оставили позади себя все живое; пустыня охватила насъ уже отовсюду. Было ли это новизна впечатлѣнiя, или, въ самомъ дѣлѣ, отерывшаяся передъ нами раннимъ утромъ пустыня Эль-Каа казалась при утреннемъ освѣщенiи болѣе красивой и величавой, чѣмъ другiя видѣнныя нами мѣста, но первые часы путешествiя были одними изъ самыхъ сладкихъ. Съ своей полуторасаженной высоты мы обзрѣвали громадное пространство; воздухъ ясный и чистый до того, что горы, начинавшiяся отъ насъ слишкомъ въ 8 часахъ разстоянiя, казались такъ близко—хоть рукою подать; дышалось легко и свободно, и верблюды, соя и нюхая, шли бойко, какъ то шурша по причесанному послѣднимъ вѣтромъ песку. Какъ будто море разлилось и застыло, разсыпавшись сперва мелкимъ, дробнымъ прибоемъ! Я не могъ не сравнить этихъ геффрированныхъ драпировокъ пустыни съ прическою ассирийскихъ царей и бахромою ихъ одеждъ. Мѣстами на возвышенностяхъ песокъ былъ сметенъ до послѣдней песчинки, мѣстами въ догахъ онъ скопился до большой глубины, и только широкiя ступни верблюдовъ препятствовали намъ въ него погрузиться. Но семичасовой переѣздъ уже началъ насъ утомлять, когда къ этому присоединился еще жаръ. Часамъ къ 10 утра солнечный припекъ сталъ до того силенъ, что наши сѣрныя каски уже не помогали: пришлось обертывать ихъ платками, сколько было въ запасѣ; бедуины безъ церемонiи завернули себѣ на голову всю верхнюю одежду, оставшись въ однихъ короткихъ, равныхъ рубашкахъ. Затѣмъ почувствовалось утомленiе и боль въ глазахъ: свѣтъ былъ до того ослѣпительнъ, ярокъ, пространство передъ нами до того однообразно затянуто какою то маслястою, сѣватою окрою, что глазъ уже не различалъ деталей и успокоивался только на отдаленномъ хребтѣ. Когда я надѣлъ темныя очки, то блескъ пустыни, слившейся передо мною въ одно голубое искрящееся море, казался какимъ то фантастическимъ сiянiемъ, которымъ декораторы окружаютъ на театрѣ

свои апопеезы. Но здѣсь было не до созерцанія, и наши утомленные, еле двигавшіеся верблюды и молча шлепающіе сандаліями бедуины составляли весьма унылый балетъ съ несчастными сѣдовами. Всѣ члены ныли, во рту какъ то неповоротливо двигался языкъ, возбуждая ощущеніе горькаго вкуса, а глотки протухлой воды, хотя и съ виномъ, нисколько не освѣжали. Снизу, съ боковъ палило какимъ то полнѣмъ, какъ изъ печи. И вотъ, когда мы добрались до горъ, и Бедуины остановились, чтобы вылить изъ мѣховъ негодную воду, а мы слѣзли съ верблюдовъ и, ища какой либо тѣни, полѣзли подъ первый камень, то оказалось, что у одного изъ насъ лицо потемнѣло. Но мы были передъ первымъ ущельемъ, и, бѣжа съ усиліемъ, чтобы расправить ноги и поясицу, знали, что впереди была стоянка и вода. Дорога шла внутрь Синайскаго хребта ущельемъ Ишли — путь необычный (обыкновенно идутъ черезъ уади Фейранъ, или Гебранъ, вообще съ С. З.), но намъ рекомендованный, какъ кратчайшій; тяжелые и опасные перевалы заставляютъ большіе караваны избѣгать его. Мы познакомились здѣсь впервые съ тѣмъ, что называется въ каменистой Аравіи оазисомъ — *уади*, и такъ какъ разница между настоящимъ уади и дѣйствительнымъ оазисомъ крайне велика, то необходимо объясниться: Уади называется всякая долина и ложбина, принимающая въ себя внешнюю воду съ горъ, но не во всякой долині вода эта производитъ и поддерживаетъ растительность, и только въ очень немногихъ есть сочащіеся источники или ручьи. Чаше всего эти уади представляютъ собою громадныя котловины или ущелья, или засыпанныя камнемъ и щебнемъ, или даже покрытыя сплошь пескомъ, какъ та пустыня, которою мы проходили. Въ нихъ столь же мало жизни, какъ въ ней, и только у источниковъ видишь обглоданные кусты хвойной тарфы да слышишь изрѣдка пѣніе птицъ. Одинъ изъ путешественниковъ (Авр. Норовъ) даже утверждаетъ, что на всемъ пути на Синай онъ не слышалъ журчанья ручья, ни шелеста листьевъ, не встрѣтилъ ни путника, ни звѣря, ни птицы; не знаю, какъ было тамъ, гдѣ онъ проходилъ, но на своемъ пути встрѣ-

илъ всего по немногу. Все таки впечатлѣвіе, производимое этими долинами, было бы очень унылое, если бы не выкупало его чудное архитектурное построение горъ. Передъ нами всюду громоздились горы и скалы, замыкая ту сторону, куда мы шли, до такой степени, что мы невольно спрашивали бедуиновъ, куда же мы пойдёмъ и неужели намъ придется лѣзть вотъ тамъ на верхъ, по какому то ущелью, подымавшемуся къ небесамъ. Мы ничего не понимали, пролѣзая съ верблюдами по густому тростнику, росшему надъ источникомъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ кругомъ обложившія дорогу скалы принудили насъ сойти съ верблюдовъ; впереди была стѣна; наша долина или ущелье съузилось въ корридоръ. Вдругъ слѣва просвѣтлѣло, стѣна, какъ декорація, стала отходить на право, — передъ нами открылся другой, расширявшійся корридоръ. И, въ самомъ дѣлѣ, это были какіе то причудливые ходы внутри горъ, и когда мы, послѣ длиннаго ряда поворотовъ и скучно — широкихъ долинъ, вступили въ одинъ особенно узкій ходъ или корридоръ, то восторгамъ нашимъ и одобреніямъ самихъ Бедуиновъ не было конца. Дарьяльское ущелье, которымъ ѣдемъ около десяти верстъ на почтовыхъ, любясь то прекраснымъ шоссе, то облаками, протянувшимися по стѣнамъ, подобно шарфу изъ газа, то журчащимъ Тереконъ у ногъ, великолѣпно, но его впечатлѣніе совсѣмъ иное. Здѣсь горы были ниже, ручей не гремѣлъ и даже журчалъ только по мѣстамъ, но стѣны краснаго гранита сдвинулись здѣсь такъ близко, что небо было видно лишь впереди, какъ сѣровая трещина. Освѣщеніе разсѣяннымъ, отраженнымъ свѣтомъ придавало особый густой колоритъ всему, въ немъ господствовали красноватые и коричневые тоны. Скользя по влажнымъ и гладкимъ какъ зеркало камнямъ, взбираясь по ступенькамъ, вымытымъ водою, мы подымались выше и выше, пока добрались до источника, сочившагося изъ подъ камней, подъ кущею финиковыхъ пальмъ. Послѣ палящей дневной жары, такъ страстно хотѣлось отдохнуть въ этой чашѣ, посидѣть, прислонясь къ прохладному зеркалу нависшей скалы, на стѣнѣ которой мерцало отраженіе

ручейка, журчавшаго у ногъ, по надо было спѣшить и до почи пройти этотъ первый перевалъ. Насильно продираясь сквозь тростниковыя чащи и толкая своими вьюками о камни, медленно и пыхтя, подымались верблюды; дорога потемнѣла, но пошла наконецъ ровно, и въ расширившейся долинь, покрытой кустами манноваго дерева — тарфы и тростникомъ изъ вида *arundo*, мы раскинули наконецъ бивакъ. Не успѣли мы приготовить себѣ чай и отвѣдать своей провизіи, какъ разомъ стемнѣло; Бедуины обложили насъ кругомъ разгруженнымъ вьюкомъ, верблюды легли тутъ же рядомъ, и ночлегъ былъ готовъ; на часахъ было только семь. Удалившись нѣсколько отъ скалъ, по совѣту бедуиновъ, такъ какъ въ нихъ прятутся змѣи, и положивъ нѣкоторое разстояніе между собою и верблюдами, чтобы не обонять ихъ невыносимаго запаха, легли и мы, прямо на песокъ, наглухо покрывшись отъ комаровъ. Еще не брезжило, насъ разбудилъ утренній холодъ и говоръ бедуиновъ, разведшихъ костеръ изъ пучковъ сухой травы и тростнику. Ущелье, по которому мы шли, казалось намъ еще прекраснѣе отъ утренней свѣжести, бодрившей тѣло: бедуины, пройдя съ нами около часу, разсѣялись по сторонамъ; мы видѣли, какъ съ цѣпкостью кошекъ лазили они по скаламъ, собирая травы для своихъ верблюдовъ. Трава эта была суха, не сочна, но необыкновенно душиста, а цвѣты ромашки просто дурманили голову. Шейхъ подалъ намъ плодъ дикаго арбуза, величиною съ яблоко, но съ костяною коркою, внутри которой прыгали сѣмена: Бедуины, видимо, были довольны нашими вчерашними восторгами ихъ родиною и выражали желаніе сойтись съ нами поближе; къ сожалѣнію, у насъ не было переводчика, и провожавшій насъ житель Эль-Тора говорилъ только по арабски. Знакомство наше ограничивалось только наблюденіемъ другъ друга, при чемъ на нашей сторонѣ было болѣе, конечно, интереснаго. Бедуины эти вовсе не отвѣчали тому представленію, какое мы прежде составили себѣ о типѣ «сына пустыни» по книгамъ, Неловкая, даже неуклюжая фигура, съ обезьяньими плоскими ногами, съ рѣзкими чертами

лица, неприятно худая и изморенная, одѣтая въ какія-то коленкоровыя лохмотья, вмѣсто рубашки, и черный плащъ, — вотъ какимъ увидали мы Синайскаго Бедуина. Ни слѣда величавыхъ, благородно-простыхъ жестовъ, ни тѣни натуральной, своеобразной гордости въ выраженіи лица. Но изъ разговоровъ въ Суецъ и Торъ мы уже узнали, что дѣйствительность и на этотъ разъ не сходилась съ поэзіею, и, однакоже, какъ бываетъ особенно часто, расходясь съ нею, была не ниже ея. Vidovino поп é uomo — говорилъ намъ геркулесъ-монахъ; человекъ не можетъ вынести того, что безъ труда сдѣлаетъ бедуинъ; верблюдъ отъ Тора въ Синай идетъ два, три дня, а онъ въ сутки: тому нужна тропа, а Бедуинъ идетъ прямо; нужно ли послать письмо изъ Синая въ Суецъ, даютъ его Бедуину и онъ въ десять дней сходитъ и вернется, взявъ въ дорогу только мѣшочекъ муки да табаку для трубки; Бедуинъ неумимѣе и выносливѣе верблюда, которому онъ служить. Но какъ бы ошибся тотъ, который, судя по своему, принялъ бы затѣмъ расу Бедуиновъ за несчастную, приниженную самую природою, расу, которая въ этомъ вѣковомъ униженіи перешла въ племя, близкое къ обезьянамъ. Въ этихъ высушенныхъ, не-свободно, подъ тяжкимъ трудомъ и лишеніями, развившихся натурахъ жизни было болѣе, чѣмъ въ итальянцѣ; неумолчный говоръ и болтовня, неизвѣстно о чемъ, подъ которую мы засыпали и которая насъ будила; неизмѣнно веселое настроеніе духа, ладъ и дружба этихъ отрепанцевъ, — все располагало съ перваго шага въ ихъ пользу. Меня долго смущали ноги нашего молодого шейха, чрезвычайно мнѣ понравившагося: они вовсе не походили на сложеніе Аполлона Бельведерскаго, — но когда мнѣ пришлось идти по песку и вытаскивать ноги, грузнувшія по щиколку, я понялъ, какъ некрасивъ былъ бы здѣсь Аполлонъ; Бедуинъ же шелъ легко, ровно и изящно, едва оставляя свою сандалію слѣдъ. Именно изящны, граціозны были Бедуины въ своей средѣ, идя ширингою передъ нами, болтая и треща всю дорогу, какъ птицы; всегда съ веселою улыбкою отвѣчая на всѣ несносныя для нихъ вопросы

наши, довольные своею монотонною пѣснью, какъ и трубкою свѣжаго табаку. Вся обстановка такъ гармонировала, видимо, съ ихъ привычками, чувствами: иногда думалось, что видишь передъ собою именно тѣхъ людей, которые, какъ птицы небесныя, не сѣютъ, и не жнутъ, и не собираютъ въ житницы. Только послѣ долгихъ усилій удалось намъ на одномъ привалѣ открыть среди вьюковъ ихъ собственный багажъ и дорожные запасы, когда Бедуины, передъ прибытiемъ въ монастырь, стали ихъ прятать подъ камни близъ дороги: жалкіе и тощiе мѣшочки съ мукою для себя и сѣменемъ для верблюдовъ. Все свое собственно они несли на себѣ: шапочку, перевитую желтыми лентами у шейха, и простую у другихъ; черный изъ тонкой и вмѣстѣ грубой шерсти плащъ, и свой арсеналь. Этотъ арсеналь былъ наиболѣе любопытенъ: непомерно длинное ружье, стволъ котораго былъ весь перехваченъ мѣдною оковкою, съ длиннымъ фитилемъ вмѣсто курка; подобный же пистолеть и ножъ въ кожаномъ футлярѣ съ мѣдью и въ томъ же родѣ трубка; у шейха вмѣсто ножа длинный, прекрасный сабельный клинокъ.

Мы взобрались наконецъ на вершину перевала по пути, проложенному водою и сдѣлали привалъ въ разсѣлинѣ громаднаго камня подобно разрушенной башнѣ, торчавшаго на краю обрыва. Спрятавъ голову въ тѣни и выглядывая изъ подъ скалы на открывшійся кругомъ видъ, мы долго осматривали мрачную картину, угрюмость которой только усиливалась свѣтомъ отвѣсно палащаго солнца. Все было такъ дико и пусто кругомъ, такъ мертвенно уныло торчали отовсюду скалы и утесы, что, если бы Дантъ могъ видѣть эту картину, то, навѣрное, выбралъ бы ее для своего послѣдняго адскаго круга. Противъ насъ, съ З. тѣснились громадныя высоты хребта Уммъ-Шомаръ, какъ будто расколотыя и иззубренныя; его подножія пропадали въ навороченныхъ отовсюду утесахъ; слѣва видѣлась уходившая по буграмъ полоса, на которой хаосъ безпорядочно разбросанныхъ камней указывалъ дорогу водъ и нашего подъема; направо плоская, сѣро-коричневая возвышенность, покрытая

какъ будто безчисленными шлагами, составляла продолженіе перевала. Сзади утесы и скалы, съ которыхъ даже мохъ, сожженный солнцемъ, былъ сорванъ вѣтромъ, закрывали собою пропасть; кругомъ, повсюду въ самомъ дикомъ, беспорядочномъ, неприятномъ хаосѣ, гдѣ только глазъ могъ видѣть, все было завалено, засорено камнями; нигдѣ ни слѣда какой либо растительности. Наша уединенная платформа имѣетъ лишь нѣсколько десятковъ шаговъ въ окружности и отовсюду окружена оврагами и стремнинами, одна другой безотраднѣе и хаотичнѣе. То спрыгивая съ уступа на уступъ, то переползая и переваливаясь по камнямъ, спускаемся мы внизъ, чтобы подняться вновь. Проходимъ рядъ уади, въ которыхъ мѣстами торчатъ сухіе и недающіе тѣни тамариски (тарфа), гдѣ окружающіе холмы спускаются ниже и ниже, до высоты обыкновенныхъ стѣнъ, и приближаемся къ другому склону перевала. По карнизу горы, висящему надъ бездною, въ видѣ громаднаго подоконника, изъ выложенныхъ известковыхъ плитъ, гдѣ нельзя уже полагаться на свои ноги и гдѣ приходится отдаться въ полное распоряженіе верблюда, огибаемъ вершину. Раздаются отчаянныя понуканія Бедуиновъ: хот! хотти! хот! арри! и горловыя вскрикиванія гха! на которыя верблюды отвѣчаютъ то протяжнымъ злобнымъ рычаніемъ, то жалобными криками. Передъ нами безконечно-длинный, но отлогій спускъ къ Сѣверу. Разложившійся гранитъ усѣялъ почву красноватыми шлагами, среди которыхъ пробивается трава. Слѣшно проходимъ зигзагами холмы и овраги; почти на шеѣ верблюда, гремящего своимъ вьюкомъ, скатываемся внизъ въ долину; взоръ съ неожиданнымъ удовольствіемъ останавливается на поросляхъ и кустахъ; это уади Рутухъ, мѣсто горнаго пастбища Бедуиновъ Синайскаго монастыря. Но съ сѣвера оазисъ замыкается цѣпью страшныхъ горъ, и въ немъ нѣтъ воды. Мы дѣлаемъ привалъ въ боковомъ ущельи. Съ наступленіемъ ночи начинается пронизывающій холодъ; все, что есть теплаго, всѣ пологи и подстилки пускаются въ ходъ; Бедуины и верблюды всю ночь не отходятъ отъ ярко пылающаго костра.

Еще не брезжило, во второмъ часу ночи, просыпаемся отъ холода, который дошелъ до 6° по Реом., и сильнаго тумана, и молча укладываемся въ темнотѣ: многія вещи завопались въ песокъ — приходится искать ихъ ощупью. Но уже близка цѣль и, по словамъ Бедуиновъ, благодаря нашимъ усиленнымъ маршамъ, мы черезъ семь часовъ должны быть въ Синайскомъ монастырѣ. Правда и то, что этимъ часомъ мы привыкли уже не давать особенной вѣры, но, какъ оказалось, на этотъ разъ напрасно. По положимъ долинамъ, то взбираясь, то спускаясь, направляемся на Востокъ, пропуская мимо себя хребетъ слѣва, и вотъ въ этой колоссальной, непрерывной стѣнѣ шейхъ указываетъ одну вершину въ видѣ конической шапки — *Джебель Муса!* Гора Моисея виднѣется здѣсь наиболѣе эффектно; подобно бастіону въ углу какой-то колоссальной крѣпости, она видна съ Юга вся разомъ, до подножія; справа отъ нея, по мѣрѣ приближенія, свѣтлѣетъ трещина ущелья, а еще правѣе уходитъ вдалѣ пикъ Св. Екатерины. Вновь взбираемся по гребнямъ и кручѣ, трещина расширяется и образуетъ глубокое ущелье, внизу котораго, какъ бы замыкая дорогу, виднѣется и самый Синайскій монастырь. Добрый часъ еще бѣжали мы отсюда внизъ по ужасной дорогѣ и истомленные до нельзя восьмичасовою прогулкою пѣшкомъ въ этотъ день, были впущены въ монастырь. Было очень кстати, что прежній обычай Синайскаго монастыря подымать путешественниковъ по стѣнѣ въ корзинѣ лѣтъ пять тому назадъ окончательно оставленъ какъ для высокихъ, такъ и простыхъ особъ. Обычай этотъ возникъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе страха постоянныхъ нападеній Арабовъ и Бедуиновъ въ XVIII стол. Но давно уже эти нападенія прекратились, и развѣ изрѣдка попытки мелкаго и невиннаго воровства плодовъ и овощей тревожатъ мирныя отношенія Синайскаго монастыря къ свободнымъ жителямъ пустыни. Голодъ и всякія лишенія, ежедневная забота о хлѣбѣ насущномъ и истощеніе всѣхъ прежнихъ промысловъ для его добыванія давно сломили непокорную силу сыновъ пустыни. Сломали, но, однако, не уничтожили. Хотя Бедуины теперь стали почти въ вассаль-

ную зависимость отъ монастыря, исполняютъ всякія для него послуги, и сотнями толпятся у стѣнъ при раздачѣ хлѣба, однако между ними совсѣмъ нѣтъ христіанъ. И когда нашъ маленькій караванъ вступилъ во вѣншній дворъ, съ сѣвера пристроенный къ монастырскому квадрату, надо было видѣть нашихъ оборванцевъ, съ какою горделивою осанкою подходили они позвать руку отцу ризничему. Они, по правиламъ монастыря, должны были оставаться за стѣнами его, въ то время, какъ мы, нагнувшись, проходили въ узкій, изворотливый корридоръ, ведущій внутрь стѣнъ и снабженный тройными тяжелыми и вѣковыми воротами. Новая, строящаяся для паломниковъ на вѣншнемъ дворѣ, гостинница не готова и не скоро еще можетъ быть кончена, за недостаткомъ средствъ, и наше помѣщеніе отводилось въ томъ ряду келій внутри монастыря, прислоненныхъ къ его сѣверной сторонѣ, гдѣ останавливались едва ли не всѣ путешественники и туристы, посѣтившіе Синай въ наше столѣтіе.

Синайскій монастырь.

По узкимъ, булыжниковымъ мостовымъ разныхъ переулочковъ и ходовъ, по дрожащимъ деревяннымъ лѣстницамъ, подъ какими-то ветхими навѣсами на потемнѣвшихъ столбикахъ, едва переводя духъ, достигли мы нашихъ келій. Все было въ нихъ точно также, какъ я читалъ въ путешествіяхъ арх. Порфирія и Эберса, Норова и Тишендорфа; тѣ же узкія окна съ деревянными рѣшетками, тѣ же жесткіе диваны по стѣнамъ кругомъ, обитые ситцемъ, съ подушками, къ которымъ или нельзя, или больно прислониться. Послѣдовало тоже угощеніе, съ араки и финиковыми пряниками, и даже разговоръ вертѣлся около событій, минувшихъ ровно двадцать лѣтъ тому назадъ. На стѣнахъ карандашемъ и на дверяхъ ножичкомъ нацарапаны были имена постояльцевъ, и между ними встрѣчались посѣтители сороковыхъ годовъ, и ученые богословы изъ Оксфорда и Мюнхена мѣшались здѣсь съ перами Англіи и вунчирами изъ Симбирска.

Когда я вышелъ на корридоръ, или террасу, на которую открывались двери кельи моей и десяти смежныхъ, то же впечатлѣніе запущенности, чего-то, всѣми покинутого, охватило меня еще сильнѣе. Не будь передъ глазами недавно построенной бѣлой колокольни и ободранной мечети, и крыши Юстиніановой базилики, легко было бы, особенно вечеромъ, представить себя въ одномъ изъ пройденныхъ уади. Такъ смѣшивалось все въ сѣрый цвѣтъ, такъ пожелтѣла штукатурка, такъ примитивно были устроены крыши и циклопическія поновленія стѣнъ, что глазъ не сразу могъ отыскать передъ собою жилье. Еще болѣе хаоса рождало въ общемъ представленіи восточная манера постройки, и всѣ маленькіе дворыки и переулочки, подъезы и спуски.

Синайскій монастырь, какъ я вижу изъ книгъ, передо мною лежащихъ, производилъ особенно странное впечатлѣніе на западныхъ туристовъ. Но и тотъ, кто видалъ наши монастыри и знакомъ вообще съ древностями Востока, найдетъ въ немъ много интереснаго и поучительнаго. Громадный по размѣрамъ своихъ стѣнъ и по монументальности ихъ гранитной кладки, четырехугольный ящикъ какъ бы опущенъ сверху въ глубину ущелья; одною стороною онъ подымается по подошвѣ горы Хорива, другою спускается къ подножію горы Св. Епистиміи; такимъ образомъ, крѣпость стоитъ поперекъ ущелья, и сбоку ея остается лишь узкій проходъ для каравановъ. Извѣстно, что послѣ построения монастыря Юстиніаномъ, сложилась скоро и кажется, именно у Арабовъ, интересовавшихся этимъ особенно, легенда, что Императоръ казнилъ своего легата — строителя монастыря, за то, что онъ соорудилъ его не на вершинѣ горы, гдѣ ему было повелѣно, но у ея подножія, гдѣ, хотя были источники, но монастырь былъ доступенъ сверху, съ горъ дѣйствію метательныхъ орудій. Въ дѣйствительности, положеніе монастыря, какъ крѣпости, хотя и отступаетъ отъ обычая Востока, но достаточно объясняется нуждою въ водѣ. Ущелье Шу'ейбъ, въ которомъ помещенъ Синайскій монастырь, бесплодно до крайности и одно изъ наиболѣе мрачныхъ во всемъ

полуостровѣ; на Югѣ оно подымается и тамъ замкнуто горою, которая зеленѣетъ весной и по преданію считается мѣстомъ, гдѣ пророкъ Моисей пасъ стада теста своего Іооора до тѣхъ поръ, пока призванъ былъ видѣніемъ купины. На С. В. ущелье, напротивъ спускается и становится шире, впадая въ обширный уади Эль-Раха, который инне изъ богослововъ, отождествляющіе одну изъ вершинъ Хорива съ Синаемъ, считаютъ за библейскій Рефидимъ, гдѣ Евреи ополчились станомъ передъ чудеснымъ дарованіемъ заповѣдей. По эту сторону монастыря расположенъ за его стѣнами внѣшній дворъ и садъ.

Но если Синайскій монастырь не производитъ своимъ расположеніемъ особенно сильнаго впечатлѣнія, сравнительно напр. съ древними крѣпостями Грузіи, Малой Азіи и даже Сициліи, или средневѣковыми замками Европы, то онъ выкупаетъ этотъ недостатокъ массивною величавостью своихъ стѣнъ и картиною обступившихъ его съ боковъ горъ. Видъ стѣнъ тѣмъ эффектнѣе, что всѣ внутреннія зданія почти не выступаютъ надъ ними, и что весь ансамбль удивительно гармонируетъ съ архитектурою самихъ горъ. Крѣпость имѣетъ въ ширину лишь около 30 сажень и немного болѣе въ $(38\frac{3}{4})$ длину, и потому понятна крайняя, чисто восточная тѣснота всѣхъ строеній внутри нея; всѣ стѣны ими буквально облѣплены; всюду, куда ни взглянешь, видны навѣсы, большіе и малые, поднятые на ветхихъ, деревянныхъ столбикахъ, и въ то время, какъ низъ служитъ для амбаровъ, мастерскихъ, верхъ представляетъ безпорядочные ряды келій; инне изъ нихъ, словно гнѣзда, подняты на самыя стѣны и выдвинулись даже наружу, точъ въ точъ улья или гнѣзда ласточки. Шаткія, наскоро сколоченныя лѣстницы, приступки и крылечки ведутъ внутрь этихъ убогихъ келій, гдѣ жесткая постель, пальмовая циновка и самодѣльный столъ составляютъ все непрехотливое убранство. Кругомъ базиливи всякаго рода пристройки налѣзли до такой степени, что видна только одна свинцовая крыша ея средняго корабля. Исторія бѣдствій, претерпѣнныхъ монастыремъ въ теченіи его 1500 лѣтъ существованія, и многолѣтнихъ осадъ, имъ выдержанныхъ,

одна можетъ объяснить намъ это скопленіе всякихъ построекъ и надстроекъ, надобившихся вдругъ, когда въ стѣны монастыря стекалось все христіанское населеніе полуострова. И какъ тогда, во времена жестокаго халифа Эль-Гакема въ XI вѣкѣ, и въ XIV в., когда землетрясеніе развалило нѣкоторыя стѣны, и въ XVI вѣкѣ, когда, при покореніи Египта Турками, монастырь на время почти опустѣлъ, такъ и нынѣ Синайское монашество устроивается какъ то временно, мало заботясь о будущемъ и своемъ удобствѣ. И еслибы среди монастыря не возвышалась недавно построенная модная колокольня, то, право, трудно было бы указать что либо новое противъ того, что видѣлъ Титмаръ и Трофимъ Коробейниковъ. Не то, что бы всѣ налѣпленные кельи или савли были древни, — многія изъ нихъ сдѣланы, можетъ быть, въ послѣдніе годы, но ихъ хилость, убожество, ветхозавѣтные приемы ихъ постройки такъ удивительно гармонируютъ съ исторически древними стѣнами, что взоръ невольно принимаетъ и ихъ въ среду древности. Одинъ изъ монаховъ поправилъ недавно южную стѣну, и его циклопическіе контрфорсы удовлетворяютъ самаго притязательнаго туриста — археолога; поправки, сдѣланныя при генералѣ Клеберѣ, выглядываютъ, напротивъ, модернизациею. Отъ всѣхъ этихъ пристроекъ и навѣсовъ, внутренность монастыря скорѣе подобна люку, заваленному кипами товаровъ; узкіе переулки, ходы, лѣстницы составляютъ такую путаницу, что путешественнику нѣсколько дней требуется имѣть съ собою проводника, чтобы найтись въ этомъ лабиринтѣ. Среди всего выдѣляется длинная базилика, а рядомъ съ нею полуразрушенный минаретъ, нынѣ обращенной въ амбаръ, мечети, которую, по преданію, велѣлъ выстроить султанъ Селимъ, чтобы обезопасить монастырь отъ нападенія мусульманъ. Невольно вспоминаешь при видѣ этой мечети о дипломатическихъ переговорахъ Синайскихъ монаховъ съ самимъ Магометомъ, о дарованномъ имъ будто бы *Синаюахтинамѣ*, и еще болѣе понятенъ становится здѣсь аскетизмъ, возникающій прежде всего изъ небреженія жизни, которая въ подобныхъ тяжелыхъ условіяхъ пе-

рестаетъ быть самымъ дорогимъ даромъ для человѣка. Но, когда бывало поднимаешься на одну изъ верхнихъ террасъ или въ лунный вечеръ стоишь у парапета, въ видѣ хилой рѣшетки своего корридора, то заснувшій и погруженный во мракъ монастырь получаетъ совсѣмъ иной, глубокой смыслъ. Какъ-то особенно ясно, рѣзко чувствуется его гармонія съ окружающимъ міромъ; легко понимаешь, что жизнь съ ея сутолокою были бы здѣсь болѣе, чѣмъ неумѣстны. Такъ, развалины древнихъ зданій тѣмъ величественнѣе намъ кажутся, тѣмъ больше говорятъ намъ о своемъ великомъ прошломъ, чѣмъ менѣе суетится около нихъ повседневная жизнь; если бы римскій форумъ или Колизей помѣщались на парижскомъ бульварѣ, — на нихъ врядъ ли вѣдиль бы глядѣть весь свѣтъ. А здѣсь кругомъ монастыря нѣтъ даже и лачугъ, и за стѣнами его царитъ таже дикая пустыня; горы, надъ нимъ нависшія, имѣютъ таковой торжественно-строгий, почти мрачный характеръ; отвѣсныя склоны горы Св. Моисея или Хорива бѣлѣютъ при лунномъ освѣщеніи и на голубоватомъ свѣтѣ неба представляются какимъ-то волшебнымъ, чуднымъ зданіемъ, а свалившіеся съ нихъ утесы и скалы очарованными его обитателями изъ временъ давно минувшихъ. Безжизненно — мрачный видъ монастыря при дневномъ свѣтѣ, съ его убогою, едва дышащею жизнью, съ томительнымъ сѣрымъ колоритомъ всего окружающаго, смѣняется въ лунную ночь какою-то туманною, но привлекательною картиною. Извѣстно, что и вообще всѣ виды восточныхъ городовъ, исключая развѣ Константинополя, производятъ сильное впечатлѣніе лишь послѣ заката солнца, и нельзя сказать, что бы отсутствіе растительности было въ этомъ случаѣ исключительною или даже и главною причиною. Причина эта кроется, повидимому, въ субъективности нашего созерцанія и художественнаго наслажденія.

Когда, на другой день, поднятые частыми ударами въ бѣло, раннимъ утромъ мы пошли обозрѣвать монастырь, начавъ съ базилики, то впечатлѣніе задержанной, затаенной жизни стало еще сильнѣе. Все, что было замѣчательнаго, восходило

болѣе или менѣе ко временамъ Юстиніановымъ, къ VI — VII столѣтіямъ, къ той эпохѣ въ жизни восточной церкви и византійской имперіи, когда та и другая совместно стремились къ уложенію, обособленію. Первые чистые порывы религиознаго воодушевленія прошли и уже выродились въ явленія безпорядочнаго, тревожнаго характера. Національная рознь уже обозначилась и прорвалась при первомъ движеніи мусульманства на Египеть; на далекихъ окраинахъ греческаго христіанства являлись обособленныя церкви. Въ эту эпоху Синайскій монастырь дѣлался самъ по себѣ оплотомъ національнымъ и церковнымъ, и распорядливость, сообразительность Грека находила здѣсь матеріалъ въ искренней, жгучей вѣрѣ обращеннаго Араба. Синайскій монастырь явился, такимъ образомъ, если не оплотомъ, то вѣрнымъ пріютомъ православія на мусульманскомъ Востоку, и если не игралъ никакой исторической роли послѣ эпохи уложеній и уставовъ, то сумѣлъ сохранить свое значеніе даже до настоящаго времени. Забудьте нѣкоторыя, оскорбляющія васъ подробности, попробуйте взглянуть поверхъ будничныхъ условій и ея обстановки, и все въ немъ напомнитъ вамъ бывшее.

Массивныя стѣны базилики изъ тесаннаго, золото-коричневаго гранита просты и лишены всякихъ украшеній; одно узкое окошечко западнаго фаса въ формѣ креста да двѣ пальмы, исполненныя барельефомъ по сторонамъ, напоминаютъ церкви центральной Сиріи и Грузіи. Но, пройдя узкій нартексъ или преддверіе, вы видите колоссальную дверь изъ кипариса, всю рѣзную, съ изображеніемъ различныхъ эмблемъ и символовъ — работу VIII—IX столѣтій; монахи — любители старины — прибили на ней плитку съ лимонскими эмалями. Напрасно, однако, ожидали бы мы встрѣтить внутри церкви драгоценныя древности: все, что было когда то, пошло въ разныя времена на выкупъ монастыря отъ хищничества Арабовъ и Турокъ. Послѣ того Синайское монашество много разъ, конечно, пыталось по своему исправить дѣла и украсить храмъ; съ потолка теперь висятъ множество лампъ серебряныхъ и мѣд-

ныхъ, по стѣнамъ развѣшаны ряды иконъ Аѳонскаго и Московскаго производства; гранитныя стѣны, колонны и ихъ орнаментированныя капители приличнымъ образомъ оштукатурены.

Въ алтарѣ находится массивная серебряная рака для мощей великомученицы Еватерины, и надпись говоритъ, что въ 1689 г. «великіе Государи цари Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая Государыня Софія Алексѣевна . . . извѣстіе пріемше отъ присланнаго къ намъ и оныя святыя горы отъ Преосвященнаго архіепископа Іоанникія архимандрита Кирилла, яко оно святое тѣло (вм. Еватерины) не имать серебряныя раки, тѣмъ же воусердствовахомъ блохотнѣ и царскимъ нашимъ желаніемъ взжелахомъ тощнѣ оному святому тѣлу сію серебряную и позлащенную раку изъ нашея царскія казны» и пр. и пр. Однако, и доселѣ мощи великомученицы находятся въ низкомъ мраморномъ саркофагѣ, древнемъ, простомъ и изящномъ, и нельзя, увидавъ серебряную раку, не похвалить за то монаховъ. Но время архіепископа Іоанникія было для Синая своего рода эпохою процвѣтанія: прекрасныя образа иконостаса, амвоны, наои и киворіи, украшенныя перламутровою мозаикою по дереву и по черепахѣ, исполнены искусствомъ и усердіемъ самихъ монаховъ въ концѣ XVII вѣка. Смотри на эти работы, истинно вздыхаешь: такъ близко уже время, когда и это восточное производство, вслѣдъ за многими другими, отойдетъ въ область древности, археологіи. Уже въ самомъ Каирѣ кустарныя промыслы мозаистовъ прекратились и замѣнены фабричными издѣліями, грубѣющими болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ и привлекающими къ себѣ только англичанъ. И опять Синайскій монастырь, въ простотѣ и неизмѣнности своихъ вкусовъ, запасся настолько этими издѣліями, что будетъ весьма естественно, когда именно сюда пріѣдетъ будущій изслѣдователь восточныхъ мозаическихъ рисунковъ. Когда мы попросили на дворѣ одного монаха дать изъ своей келіи какой либо стулъ, то онъ вынесъ намъ кресло съ инкрустациями столь торжественнаго характера, что любитель-парижанинъ пришелъ бы въ энтузіазмъ и хорошо поплатился бы за него въ

отелѣ Друб. Но надъ всѣми драгоцѣнностями восточнаго искусства возвышается покрывающая полу-куполь алтаря древняя мозаика Преображенія, обрамленная медальонами и орнаментами, работы VII—VIII столѣтій. Изъ своего отдаленія, какъ бы пропавшее среди пустыни произведеніе древняго художества съ давнихъ поръ уже тревожить покой археологовъ, пытливо гадавшихъ о времени его происхожденія. Пышно, по восточному, убрана капелла Неопалимой Купины, находящаяся за алтаремъ; стѣны ея облицованы въ концѣ XVII вѣка синими кафлями съ цвѣтными разводами на нихъ, а полъ, на который вступаютъ, снявъ всякую обувь, покрытъ старыми восточными коврами; мѣсто явленія Купины, приходящееся въ срединѣ капеллы, у подножія алтаря, закрыто серебрянымъ помостомъ, на которомъ вычеканены иконы. По своимъ размѣрамъ и устройству, капелла столь походитъ на подобныя сооруженія въ Визелемѣ, Римѣ, что, ея позднее убранство не должно смущать какъ поклонника святыни, такъ и изслѣдователя старины.

Не подалеку отъ базилики, повернувъ отъ нея на право, проходишь затѣмъ подъ сводами, образующими длинный, непомѣрно длинный корридоръ, въ родѣ катакомбъ, и, вновь поднявшись по наружной каменной лѣстницѣ, входишь въ крохотную церковку, и наконецъ, уже по деревянной лѣстницѣ, въ залъ, надъ дверьми котораго читалась еще недавно надпись: *ἱατρῶν φουχῆς*—*лѣчебница души*. Если вѣрно, что подобная надпись появилась впервые надъ гробницею Озимандіаса при Рамзесѣ II, то врядъ ли Синайскіе монахи понимали ее такъ, какъ знаменитый угнетатель Евреевъ и, конечно, не думали о той ироніи, которая будетъ звучать въ этихъ словахъ. Эта мнимая лѣчебница есть знаменитая библіотека рукописей, тотъ богатѣйшій складъ древнихъ пергаменныхъ кодексовъ, къ которому уже съ XVI вѣка устремляются одинъ за другимъ изслѣдователи, палеографы и библіоманы Европы. Венеціанская библіотека *Марціана* обогатилась изъ этого склада, а наша публичная библіотека украсилась изъ него дивнымъ *Си-*

наискимъ кодексомъ Евангелій, который, хотя бы и не былъ столь древень, какъ утверждалъ привезшій его лейпцигскій библиологъ Тишендорфъ, все же драгоценность, можно сказать, величайшая. Ничего подобного, быть можетъ, не найдутъ въ нашемъ столѣтїи по древней палеографїи, и увы! ничего такого именно въ Синайскомъ монастырѣ. И, однакоже, одна масса рукописей его стоитъ вниманїя: около полутора тысячъ греческихъ, семьсотъ арабскихъ и грузино-армянскихъ и т. д. Есть свитки пергаменные, развернувъ которые, надо держать нѣсколькимъ человѣкамъ. Есть и Псалтырь микроскопическаго письма, убравшаяся вся въ шесть страничекъ въ 12-ю долю. О. ризничій рассказывалъ мнѣ, что одинъ англійскій лордъ, увидавъ писанное золотомъ Евангелїе съ богатою живописью миниатюръ, судилъ за него монастырю суммы отъ 1000 фунтовъ и выше, но Синайское монашество твердо помнитъ завѣты своихъ предковъ, налагающіе осужденіе за продажу рукописей, и это, несомнѣнно, дѣлаетъ ему большую честь. Конечно, съ XVI вѣка, когда въ Синай поступила масса рукописей, вывозившихся изъ Константинополя и Крита, и когда сдѣланы на нихъ едва ли не послѣднія помѣтки самими монахами, ихъ любовь къ древнимъ манускриптамъ превратилась въ платоническую. Великолѣпные и рядомъ же стившіе, или истлѣвшіе манускрипты кучами разложены по ящикамъ и мирно покоятся тамъ до тѣхъ поръ, пока не прїѣдетъ любитель. Толстый, добродушный о. эконоомъ принесетъ тогда связку ключей въ полпуда вѣсомъ, отоменетъ завѣтные дарцы и начнетъ носить вамъ, трудясь истинно въ потѣ лица своего, груду за грудой. Рукописи, положимъ, и понумерованы, да номеровъ нельзя никакъ добиться: все сложено по формату въ ларцы, а шкаповъ сдѣлать не на что. Рукописи находятся притомъ въ трехъ мѣстахъ, перемѣшаны съ инкунабулами; инья сохраняются только потому, что ихъ никогда не трогаютъ, а тронь, такъ распынется мелкимъ мусоромъ, — такъ она истлѣла. Какъ во времена Тишендорфа, двадцать лѣтъ назадъ, такъ и теперь есть и корзины съ листьями, только ихъ не употребляютъ уже

на приманку для удочекъ и не даютъ туристамъ. Синайскій кодексъ, вѣдь, былъ открытъ на днѣ подобной корзины. Какъ начнешь рыться въ такой корзинѣ, такъ просто дѣлается дурно отъ затхлости, и о. эконокъ упрасиваетъ оставить хламъ: ему самому непріятенъ этотъ духъ, и онъ старается держаться ближе къ окну; десятки насѣкомыхъ и паучковъ торопливо разбѣгаются, потревоженные въ своихъ жилищахъ. И, конечно, мало пріятнаго видѣть древніе, едва держашіеся папирусы завернутыми въ тряпку, или смотрѣть на выставку наиболѣе любопытныхъ листовъ унциальнаго письма, наколоченныхъ гвоздиками на доски, но вѣдь причиною этого варварства та же бѣдность. Конечно, у Синайскихъ монаховъ остается одно, такъ сказать, историческое право на владѣніе всѣми этими сокровищами и никакого, повидимому, нравственнаго права держать ихъ въ такой дали отъ всѣхъ центровъ науки и въ такомъ убожествѣ, хотя бы эти рукописи и составляли ихъ неотъемлемую юридическую собственность. Мало того: у англичанъ и нѣмцевъ изытіе тѣмъ или инымъ способомъ рукописей изъ монастыря, гдѣ ими горшки заклеиваютъ, или на кусочки пергамена рыбу ловятъ, считается вѣдь спасеніемъ древности и заслугою для науки. Но, Боже мой, какъ рѣдко, въ дѣйствительности, разграбленіе подобныхъ историческихъ складовъ дѣлается для науки, а не для удовлетворенія тщеславія, суетнаго самодурства, и какъ много рѣдкостей, восхищавшихъ восточнаго туриста и оторванныхъ отъ своего гнѣзда и обезображенныхъ, попадаетъ затѣмъ въ владѣніе лорда—маніака и тамъ подѣ поѣровомъ цивилизаціи на многія столѣтія пропадаетъ для науки. Потому ужъ пожелаемъ лучше Синаю и Аѳону хранить свое вѣковое достояніе: настанутъ когда либо лучшія времена, и разумное право будетъ приложено къ незамѣнимымъ сокровищамъ науки и древностей Востока. А пока, конечно, тѣ, кто нынѣ распоряжаются Востокомъ, держать на откупъ Египетъ, правятъ сами или черезъ другихъ въ Турціи,—англичане, однимъ словомъ, закупаютъ и забираютъ, не стѣсняясь ничѣмъ, все, чѣмъ можетъ похвалиться чудовищный

Кенсингтонскій музей, или что можетъ быть скрыто въ подвалахъ Британскаго музея; и текутъ туда по прежнему греческія и славянскія рукописи, и лежатъ оцѣ тамъ десятками лѣтъ, пока французъ, или нѣмецъ, или русскій ученый не придутъ ими заняться. Пока же тѣ ученые, которые жаждутъ покинуть на время перетолченныя матеріалы своей науки и вмѣсто того, чтобы перевертывать этотъ тришкинъ кафтанъ, вздумаютъ запастись свѣжимъ и влить немного молодого вина въ мѣхи старыя, вынуждены странствовать, искать, и иногда искать не положеннаго, или давно взятаго. Однихъ приводитъ пытливость изъ Лейпцига и Берлина (Тишендорфъ, Эберсъ, Гардтгаузенъ), другихъ изъ Загреба (Гейтлеръ), и сидятъ иныя по цѣлымъ мѣсяцамъ, разбирая и дешифрируя мелкія глаголическія рукописи Псалтыри и Служебника, или записи греческихъ манускриптовъ.

Да и что же другаго дѣлать въ Синайскомъ монастырѣ? Развлеченій въ немъ крайне мало. Ночью еще, часу въ пять, васъ пробуждаетъ церковное било, на которомъ дробно и громко выбиваетъ ключарь призывъ въ службу. Утренняя тянется часа полтора или два, если есть какой либо праздникъ мѣстный, или поминованіе одного изъ синаитовъ; тянется медленно, монотонно, заунывное пѣніе смѣняется чтеніемъ, въ которомъ не разберешь ни одного слова; разъ даже я видѣлъ, какъ упалъ задремавшій въ своемъ мѣстѣ монахъ. Послѣ службы монастырь разсыпается по своимъ занятіямъ: кто плотничаетъ и столярничаетъ, кто мелетъ хлѣбъ, кто готовитъ трапезу, стираетъ бѣлье, шьетъ и чинитъ. Послѣ трапезы, обильной, но тяжелой и мало прихотливой, изъ чечевицы, бобовъ, кореній, овощей, — козье мясо подается только гостямъ, да и то не часто, — монастырь укладывается отдыхать. Въ половинѣ четвертаго опять служба, и только въ шесть часовъ монахи и калогеры или послушники освобождаются отъ обязательныхъ дѣлъ и могутъ предаться своимъ любимымъ занятіямъ; кто ухаживаетъ за своимъ садикомъ, разведеннымъ на крышѣ или балконѣ своей кельи, кто идетъ работать въ садъ. Мо-

настырскій садъ—единственное мѣсто прогулки въ Синайскомъ монастырѣ; имъ гордятся монахи и его лелѣютъ и берегутъ, пище всего остального. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ этого стоитъ, но вовсе не потому, чтобы онъ былъ красивъ и великъ, а потому, что онъ питаетъ монастырь, скрашиваетъ монахамъ ихъ однообразную пищу и еще болѣе однообразную жизнь. Нѣтъ ни одного между ними, который бы не имѣлъ своего уголка въ саду, спеціально имъ завѣдуемаго и обрабатываемаго. Вечеромъ, когда всѣ соберутся въ саду, начнутъ пускать воду по грядкамъ, ошипывать и полоть, цапать и подвязывать, всѣ эти угрюмые и молчаливые отшельники словно преображаются: слышны шутки, смѣшки, окрики, и только присутствіе отца ризничаго сдерживаетъ разгулы веселья. Днемъ нашъ мѣтръ-д'-отель Косма, молча подающій намъ кушанье, вино и кофе, глядитъ такъ сдержанно и мрачно, и когда мы начинаемъ его спрашивать, или съ нимъ разговаривать, ограничивается тревожнымъ взмахомъ руки и однимъ отвѣтомъ на все: кало, кало! Вечеромъ этотъ самый отецъ неузнаваемъ: такъ любовно лавить онъ по рядамъ артишоковъ и огурцовъ и съ такимъ дѣтскимъ энтузіазмомъ сажаетъ арбузы и дыни. И не даромъ любятъ всѣ монахи свой садъ — онъ имъ достается тяжелымъ и неусыпнымъ трудомъ. Синайскій монастырь лежитъ на высотѣ 5000 футовъ надъ уровнемъ моря; по ущелью его вѣчно тянетъ утромъ въ одну сторону, вечеромъ въ другую вѣтеръ; въ ущельѣ рѣдко бываетъ жарко, но часто холодно; два мѣсяца свирѣпствуетъ зима; весна поздняя и теплое лѣто кратко. Климатъ, хотя и суровый, горный, мало или вовсе не влажный, благодаря обилію солнца, однако же довольно благоприятенъ для растительности. Но для нея, кромѣ солнца, надобна вода, и провести ее изъ глубокихъ родниковъ, распределить всюду, оросить все, отъ громадныхъ смоковницъ до кочана капусты, трудъ не малый. Все бы ничего, если бы не было постоянного и страшнаго врага — полой воды съ горъ весною, которая уноситъ издалека навоженную землю, роетъ ямы и канавы, разрушаетъ иногда треть и половину сада; противъ этого

врага трудолюбіе калогеровъ и сербалъе (б. крѣпостныхъ Арабовъ) монастыря выставило цѣлыя циклопическія сооруженія, стѣны, террасы, рвы и канавы. Здѣсь, какъ и на почвѣ Зеландіи, малѣйшее несмотрѣніе и небрежность готовятъ гибель культурѣ: прорвалась стѣна, хлынулъ страшными массами потокъ, и въ два, три часа на мѣстѣ плодороднаго сада воцаряется пустыня, и многолѣтняго труда будетъ стоить убрать горы наваленныхъ камней и песку и создать вновь производительную почву. Саранча, хотя и рѣдко попадаетъ на Синай, также обижаетъ монаховъ; столѣтніе кипарисы сада стоятъ отъ нея и доселѣ, подобно обглоданнымъ метелкамъ; вся кора на нихъ съѣдена. Финики здѣсь расти не могутъ, за то процвѣтаютъ смоввы, яблони и груши, абрикосы, вишни и сирень; виноградная культура слабая, и монастырь все вино свое получаетъ съ Крита и изъ Малой Азіи. Вообще же Синайскіе монахи, видимо, удержали еще Гомеровскій взглядъ на природу: ея красота для нихъ въ полезности, производительности и богатствахъ, даруемыхъ человѣку; поэтому въ саду нѣтъ уголка, назначеннаго единственно для удовольствія. На одной сторонѣ сада длинный двойной склепъ назначенъ для храненія останковъ умершихъ монаховъ: кости, руки, головы, ребра расположены по стѣнамъ и составляютъ разные рисунки; но впечатлѣніе этой камеры мертвыхъ уныло и скудно, и она совершенно не идетъ въ сравненіе съ подобными кладбищами монастырей Италіи и Сициліи. На другой сторонѣ сада ветхая башня служила когда-то темницею; черезъ люкъ верхней камеры нѣкогда опускали монаховъ, осужденныхъ за большія вины, на лишеніе пищи и свѣта деннаго, въ нижнюю глухую тюрьму, подобную знаменитой мамертинской въ Римѣ. Варварство это давно вышло изъ употребленія, да и монахи стали, говорятъ, болѣе самостоятельны; едва только выговорить кому либо ризничій, какъ тотъ уже и разсердился: «давай, говоритъ, верблюда,—я въ міръ хочу». Да и монаховъ-то немного: всего 18 человѣкъ, а монастырю жить становится тяжеле и труднѣе съ каждымъ годомъ; ему нужны свои рабочія руки, а къ нему

приходятъ лишь увѣчные и убогіе, и неграмотные. На самомъ Синаѣ пришлось оставить пустыми всѣ капеллы и большой монастырь 40 мучениковъ; дѣла стоятъ по цѣлымъ годамъ безъ движенія, какъ напр. поправки, починки и постройки; покупать же издалека стоитъ дорого. Каждая доска, привезенная изъ Триеста и доставленная на верблюдѣ, обходится въ полтора франка. Монахи всѣ изъ Грековъ, и одинъ только русскій, отецъ Симеонъ, изъ отставныхъ, котораго при насъ не было, — онъ ушелъ въ Тифлисъ. Почтенный архіепископъ, встрѣчаясь съ нами, часто намъ объ о. Симеонѣ рассказывалъ, какой тотъ умный и ловкій, и какъ онъ его намѣренъ въ іеромонахи произвести, хотя онъ и неграмотный. Живутъ монахи на Синаѣ долго, доживаютъ до 120 лѣтъ и больше; иные ходятъ согбенными до земли и совсѣмъ впадаютъ въ дѣтство, а все таки просятъ постоянно въ отлучку, въ Каиръ, Александрію, на Критъ, гдѣ монастырь имѣетъ свои подворья, имѣнія или иное имущество, управлять коими посылаютъ самыхъ умныхъ и вѣрныхъ. И это страстное желаніе поглядѣть на Божій міръ усиливается еще болѣе потому, что онъ, этотъ міръ, такъ далекъ, и между нимъ и монастыремъ легла десяти дневнымъ путемъ мертвая пустыня; отсюда и Суецъ, и даже Эль-Торъ представляются монаху раемъ, ибо тамъ приволье, свобода, а не эта клѣтка — монастырь. Мы поняли скоро, отчего Синайское монашество высыпаетъ вечеромъ на стѣны и въ садъ. Молодые чувствуютъ свою ссылку сильнѣе и глубже, и держатъ себя поэтому мрачно и сосредоточенно, тогда какъ старики спрашиваютъ васъ съ большимъ удовольствіемъ и о томъ, какая въ Россіи зима, и растутъ ли тамъ финики и смоквы, и какъ русскіе задавали макаронны туркамъ, т. е. о послѣдней войнѣ.

Такіе милые старики — подобнаго добродушія старыхъ людей въ монашествѣ часто найдешь и нынѣ — сами заманиваютъ васъ на прогулки внѣ стѣнъ, и на Хоривъ, и въ монастырь Сорока мучениковъ. По отвѣсной стѣнѣ Хорива, по неправильнымъ, частью природнымъ, частью же искусственнымъ

ступенямъ, устроеннымъ отшельниками, здѣсь въ стѣнахъ горы съ III-го вѣка жившими; тамъ, гдѣ восходилъ Моисей, мимо источника свѣжей воды, вымоленного когда-то святымъ, капеллы Маріи и пещерныхъ капеллъ Иліи и Елисея, мимо вѣковаго, одинокаго кипариса, черезъ двое вратъ, паломники достигаютъ вершины святой горы, и кромѣ прелестныхъ видовъ, открывающихся здѣсь во всѣ стороны, уносятъ отсюда въ сердца своемъ отзвукъ дивныхъ повѣствованій. Вотъ одно изъ нихъ. Убивъ пророковъ Ваала, служителей нечестивой Иезавели, пророкъ Илія (III кн. царствъ, XIX, 9—13) «бѣжалъ изъ Іудей; онъ шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей до горы Божіей, Хорива. И вошелъ онъ тамъ въ пещеру и ночевалъ въ ней. И вотъ, было къ нему слово Господне, и сказалъ ему: что ты здѣсь, Илія? Онъ сказалъ: возревновалъ я о Господѣ, Богѣ Савваоѣ; ибо сыны Израилевы оставили заветъ, Твой, разрушили Твои жертвенники, пророковъ Твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее. И сказалъ: выйди и стань на горѣ предъ лицомъ Господнимъ. И вотъ, Господь пройдетъ, и большой, и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы предъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь. Послѣ землетрясенія огонь, но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня *вляніе тихаго вѣтра*, и тамъ Господь...» Число ступеней до вершины считаютъ разное, отъ трехъ тысячъ и больше; самая же вершина подымается до двухъ съ половиною тысячъ футовъ высоты надъ монастыремъ, такъ что приходится на 7300 англ. футахъ надъ моремъ и даетъ удивительные виды на эти безслѣзные Альпы Синайскаго полуострова. Мѣсто равно священное для Евреевъ, Христіанъ и Мусульманъ, ибо послѣдніе твердо вѣрятъ, что пророкъ ихъ дважды посѣщалъ монастырь, и слѣдъ верблюда, несшаго пророка, показывается на срединѣ пути. Восторженными отзывами о впечатлѣніяхъ этого восхожденія наполнены и переполнены дневники Эберса, Фр. Штраусса, Робинсона, Стефенса, Фрааса, Станлея, гр. Лоттенъ де Лаваль,

Норова, арх. Порфирія и пр. и пр.; иные изъ нихъ называютъ день восхожденія счастливейшимъ днемъ своей жизни. Впрочемъ, для англичанъ счастье заключается въ самомъ процессѣ восхожденія, и какъ нѣтъ той горы на свѣтѣ, куда бы ихъ туристы не слазили, такъ и здѣсь ихъ инженеры вычислили, а гдѣ Робинсона собралъ размѣры всѣхъ высотъ Синайскаго полуострова: Хоривъ или Джебель Муса—гора Моисея имѣетъ 7359 англ. футовъ; Расъ есъ Сафсафъ — другая вершина на сѣверъ отъ нея—6830 ф., и гора Св. Екатерины—8526 ф. и т. д. Но если всѣ измѣренія горъ исполнены съ крайнею точностью, то самая произвольная, отчаянная путаница овладѣла теперь важнѣйшимъ вопросомъ о библейскихъ именахъ этихъ вершинъ, хребтовъ и долинъ. Одни изъ ученыхъ и богослововъ: де-Лабордъ, Фр. А. Штрауссъ, Тишендорфъ, арх. Порфирій опираются въ этомъ вопросѣ на преданіи, притомъ на преданіи Христіанскомъ, такъ какъ всѣ мѣстности Синая, стоящія въ связи съ библейскимъ повѣствованіемъ, получили свои имена и различными капличками и часовнями были окрещены еще у древнѣйшихъ обитателей Каменистой Аравіи въ первые вѣка христіанства. Другая партія, которая считаетъ между своими приверженцами такихъ ученыхъ, какъ Лепсіусъ, Бругшъ, Эберсъ, исходя изъ того взгляда, что это преданіе не стоитъ въ непрерывной связи съ временами Исхода Евреевъ и, напротивъ, находится въ противорѣчій съ указаніями географовъ и путешественниковъ VII вѣка, — эта партія подвергаетъ сомнѣнію всѣ общепризнанные пункты и въ личныхъ наблюденіяхъ ищетъ основанія для непреложныхъ опредѣленій. Поэтому, самый видный результатъ всѣхъ этихъ споровъ и состязаній былъ пока тотъ, что они внесли теперь путаницу, такъ сказать, въ самое преданіе: монахъ-проводникъ не рѣшается теперь вамъ сказать прямо: вотъ Синай!, а скажетъ обинякомъ: говорятъ, что это и есть самый Синай, а, можетъ быть, и нѣтъ! Такъ напугали ихъ ученые англійскіе богословы. Споръ вертится, вотъ уже сорокъ лѣтъ, на томъ, гдѣ искать Синай или *гору закона*: возлѣ Хорива (иначе самаго

монастыря) и притомъ въ крайней съ Юга или Сѣверной вершинѣ хребта, именуемаго горою Моисея, центръ которой составляетъ Хоривъ? Или же видѣть Синай со всѣми священными мѣстностями въ уединенной горѣ Сербаль, на день пути въ сѣверномъ направленіи отъ монастыря, тамъ, гдѣ обширное и водное уади Фейранъ съ развалинами города можетъ быть сочтено за долину Рафидимъ, пріютившую станъ Евреевъ противъ подножія Синая, на три дня, на срѣтеніе Богу? Не рѣшая вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону, замѣтимъ, однакоже, что, прежде чѣмъ разрушать или оспаривать преданіе, должно его во всѣхъ подробностяхъ изучить — таковъ приемъ современной науки. Отъ дней Исхода до Христа, въ синайскомъ преданіи, конечно, есть перерывъ и громадный, но прежде нежели это преданіе стало руководить христіанъ, оно было извѣстно Евреямъ. Ибо во дни царя Давида малолѣтній царевичъ Адеръ спасся въ Синайскій городъ Фаранъ, а Соломонъ и Иорамъ строили на берегахъ Синайскаго полуострова свои флоты и отсюда торговали съ Офиромъ, а затѣмъ явились туда Греки, эти собиратели преданій и мѣвовъ, передавшіе ихъ своимъ потомкамъ христіанамъ. Возможно, что самъ Ап. Павелъ въ своемъ путешествіи изъ Дамаска въ Аравію въ 40 году по Р. Х. посѣялъ здѣсь сѣмена новой вѣры; вѣрно затѣмъ, что уже во времена Траяна христіанство имѣло здѣсь много истинныхъ и еще больше рьяныхъ того послѣдователей, а въ 285 году, гдѣ-то на берегу Краснаго моря поселился Св. Антоній, знаменитый другъ Аванасія. Согласимся затѣмъ, что для первыхъ поселенцевъ-христіанъ былъ столь же извѣстенъ Хоривъ — гора Божія, около которой селились отшельники, и при Юстиніанѣ между 527 и 557 годами на предполагаемомъ мѣстѣ явленія Купины, построенъ монастырь, какъ знакомъ и единственный городъ на полуостровѣ и епископская резиденція — Фаранъ. Какъ же будемъ понимать мы тогда опредѣленія Синайскихъ мѣстъ, данныя отцомъ церковной исторіи Евсевіемъ Памфиломъ? По его свѣдѣніямъ, Рафидимъ — мѣстность въ пустынѣ у *Хорива*, тамъ, гдѣ совершилось чудесное изведеніе

воды, — мѣсто искушенія, гдѣ, *вблизи Фарана* Иисусъ Навинъ побѣдилъ Амалека. Итакъ, Рафидимъ есть долина у подножія Хорива, и Синай долженъ быть тамъ же, въ одномъ ряду съ нимъ, только особой вершиною этого ряда или хребта, какъ и гора Св. Екаторины. Къ тому же мы знаемъ, какихъ трудовъ и какого времени требовало передвиженіе громаднаго стада Евреевъ въ пустынныхъ долинахъ Синайскаго хребта: «въ третій мѣсяць по исходѣ сыновъ Израиля изъ земли Египетской, пришли они въ пустыню Синайскую. И двинулись они изъ Рефидима и пришли въ пустыню Синайскую, и расположились тамъ станомъ въ пустынѣ; и расположился тамъ Израиль станомъ противъ горы». Съ своей стороны я не знаю картины болѣе грандіозной, какъ видъ Синая съ юга изъ долины Себайэ и потому присоединяюсь къ старому мнѣнію.

Кто пожелаетъ, въ бытность свою на Синаѣ, еще болѣе погрузиться въ эти безплодныя гаданія о библейскихъ его мѣстностяхъ, тотъ пусть совершитъ и вторую прогулку изъ монастыря пѣшкомъ, или на верблюдѣ, въ уади Леджа, къ уединенному и нынѣ совсѣмъ пустынному монастырю *сорока мучениковъ*. Обычная дорога ведетъ на сѣверъ по склону долины Шу'эйбъ въ широкое уади Эль-Раха, проходитъ подъ отвѣсными стремнинами Расъ-ель-Сафсафъ или сѣверной вершины Хорива, огибаетъ затѣмъ мимо сада бывшаго монастыря Апостоловъ, гдѣ текущій источникъ принимается за изведенный чудесно Моисеемъ, и вступаетъ налѣво въ узкую ложину, замыкаемую этимъ монастырькомъ. Вся мѣстность образуетъ около хребта Хорива родъ подковы, и чего только не показываютъ монахи и Бедуины на этомъ пути: и ямочку, въ которой отлить былъ Евреями телець, и скалы, съ которыхъ Моисей сбросилъ скряжали, и тотъ самый камень, изъ котораго онъ извелъ воду; онъ испещренъ надписями, старыми и новѣйшими. Этотъ камень, и засыпанный пескомъ, раза въ четыре выше человѣка; на одной сторонѣ онъ имѣетъ въ порфировой жилѣ, проходящей сверху до низу двѣнадцать природныхъ или искусственныхъ ступенекъ и вмѣстѣ углубленій и, вѣроятно, въ глубо-

чайшей древности служилъ фетишемъ, какъ догадывается еп. Порфирій. Но, не смущаясь этимъ родомъ преданій, должно сосредоточить свое вниманіе на чудномъ строеніи горъ, въ которыхъ потрескавшійся гранитъ представляетъ то зеркальныя желтоворичневныя стѣны, то подымается зубцами наверхъ, подобно золотымъ колоссальнымъ сталактитамъ. Отсюда всходятъ — трудный и головоломный путь установленъ англичанами — на мрачнѣйшую гору Св. Екатерины, и оттуда, съ высоты какихъ либо семи тысячъ футовъ созерцаютъ на мгновеніе острую пирамиду Синая — Синая монашескаго, приходящая въ южномъ углу подковы. Влѣзши на гладкій желтоватый утесъ, имѣя подъ собою пропасть, покрытую острыми, разодранными и сокрушенными скалами, а направо тутъ же, какъ бы рядомъ, гранитную гору, видишь Синайскую вершину въ яркомъ розовомъ колоритѣ. Подобно древней шапкѣ Казанскаго или Сибирскаго царства, она усталилась тонкимъ пикомъ въ небо; опушкою ей служатъ колоссальныя вертикальныя утесы, а стремнины внизу уходятъ куда-то вглубь, между горъ. Можетъ быть, кого либо убѣдить и то обстоятельство, что единственно эта вершина сводится въ острый пикъ, уподобляющій ее вулкану, и что Сербаль подобнаго пика нигдѣ не имѣетъ, а гл. 19-я книги Исходъ говоритъ: «Гора же Синай вся дымилась отъ того, что Господь сошелъ на нее въ огнѣ; и восходилъ отъ нея дымъ, какъ дымъ изъ печи, и вся гора сильно колебалась». Долина Леджа обильна водою, но совсѣмъ напрасно сомнѣвается и остритъ Эберсъ надъ тѣмъ, что монахи въ ней то и помѣстили чудо изведенія воды въ безводной пустынѣ: вѣдь еслибы, наоборотъ, преданіе указывало на безводное мѣсто, то острили бы еще болѣе. Въ той же долинѣ на скалахъ находится нѣсколько и знаменитыхъ Синайскихъ надписей, о которыхъ поднялось такъ много спору изъ за догадокъ, кому онѣ принадлежатъ, прежде, чѣмъ онѣ прочитаны и поняты. Монастырекъ 40 мучениковъ или Эль-Арбаинъ, въ память пострадавшихъ при Діоклеціановомъ гоненіи въ 305 году, построенъ на подобіе монастыря Св. Екатерины,

но гораздо меньше, уютнее и красивее его; при немъ прекрасный садъ съ маслинами; нинѣ самый монастырь повинутъ на двухъ арабовъ, и въ немъ нѣтъ ни одного монаха. Вообще же, всѣ Синайскія святныя мѣста окончательно опустѣли; часовни и церкви разваливаются, пещеры засыпаются пескомъ и камнями, и въ такомъ видѣ показываютъ паломникамъ даже мѣста, гдѣ потрудился Іоаннъ Климакъ, или гдѣ обиталъ пророкъ Іидія. Тѣ паломники и туристы, которые прѣзжаютъ сюда, поглядѣвъ на многоязычную толчею Іерусалима, горько жалуются и наполняютъ свои дневники описаніями Синайской запущенности; имъ бы хотѣлось, вѣроятно, чтобы въ каждой пещерѣ сидѣлъ монахъ и своимъ пребываніемъ свидѣтельствовалъ наглядно, что здѣсь могъ жить и жилъ такой-то отшельникъ полторы тысячи лѣтъ тому назадъ. Пусть каждый, по своему личному вкусу рѣшаетъ, что лучше и что хуже, а мы предпочитаемъ эту пустынную и запущенность.

Правда, однако же, и то, что эти стороны Синайскаго пейзажа и жизни не всегда дѣйствуютъ благотворно на человека, примиряя его съ дѣйствительностью, заставляя его находить и открывать въ ней многое, къ чему уже притупился пресыщенный взглядъ современнаго чада европейской культуры, и цѣнить то, чѣмъ привыкли пренебрегать. Продолжительное пребываніе въ Синайскомъ монастырѣ дѣйствуетъ на туриста — говоримъ по собственному опыту, проживъ тамъ до трехъ недѣль — угнетающимъ образомъ. Вѣдь и Евреи, приведенные сюда Моисеемъ на срѣтеніе Богу и претерпѣвшіе свое странствіе по пустынѣ, ради приготовления къ закону, готовились въ будущемъ наследовать землю обѣтованную. А если высокіе духомъ отшельники стремились сюда, на Синай, чтобы каждый часъ ихъ жизни походилъ на часъ смертный, и находили здѣсь полное удовлетвореніе своимъ требованіямъ, то какъ должна дѣйствовать ихъ неизмѣнившаяся въ тысячелѣтіе обстановка на живаго человека? Здѣсь человекъ работаетъ усиленно, спѣшитъ; здѣсь мысль объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ не приходитъ никому въ голову, и рѣдко услышите вы въ мо-

настырь оживленный разговоръ. Рядомъ съ нами, въ кельѣ томится больной епископъ съ Крита и въ долгія бессонныя ночи слушаетъ монотонное чтеніе молитвъ или миней; но и этотъ разбитый на ноги девяностолѣтній старикъ радуется, какъ дитя, когда, по нашему совѣту, воспаленіе его глазъ проходитъ отъ примочекъ холодною водою. И онъ держится за ниточку, привязывающую его къ жизни. Монахи съ большимъ рвеніемъ помогаютъ намъ въ фотографическихъ работахъ и живо интересуются ихъ успѣхомъ. При фотографированіи темныхъ дверей и погруженныхъ во мракъ мозаикъ, намъ, уже отчаявавшимся добиться какого либо толку, вспало на мысль, что можно было бы освѣтить ихъ отраженіемъ черезъ зеркало отъ лучей, бившихъ въ окно, но разомъ другая мысль: гдѣ же тутъ, у монаховъ найти зеркала? Однако же нашлись и были принесены, и зеркальца эти имѣли видъ владимірскихъ издѣлій, весьма бывшихъ въ употребленіи. Туристы любятъ подмѣчать подобныя слабости у монаховъ: по нашему малодушію, непременно требуется хотя какъ нибудь подкопаться подъ другою челоуѣка, если онъ на насъ не похожъ, или почему либо стоитъ выше насъ. Но подъ конецъ нашего пребыванія въ монастырь намъ было не до этого невиннаго занятія, и мы охотно готовы были признать за Синайскимъ монашествомъ ту силу духа, которая дала имъ довольство своимъ положеніемъ и завоевала мирнымъ путемъ каменистую Аравію. Потому что, дѣйствительнымъ, — хотя не особенно счастливымъ — владѣтелемъ этой пустынной страны, населенной двумя, тремя тысячами Бедуиновъ, является теперь монастырь. И то правительство, которое догадалось бы подарить монастырю пароходикъ для регулярныхъ сообщеній Суеца съ Эль-Торомъ, легко пріобрѣтало бы своего рода протекторатъ надъ всѣмъ Синайскимъ полуостровомъ или Петрѣю. А вѣдь это что нибудь да значить по сосѣдству съ тою частью Британскихъ владѣній, которая носитъ названіе Египта! Пока же Синайское монашество, копошась въ своемъ ульѣ, собирая и сберегая, едва сводитъ концы съ концами, но въ монастырь, а не къ англійскому консулу притекають толпы

Бедуиновъ, прося хлѣба. Находясь въ постоянномъ общеніи съ Бедуинами, монахи мало по малу усвоиваютъ себѣ и строгіе нравы этихъ сыновъ пустыни. Немногіе изъ нихъ пожелали сняться въ нашемъ фотографическомъ аппаратѣ и только на наши просьбы, что мы хотимъ сами имѣть ихъ портреты, согласились позировать. Дѣло удалось легко съ самими монастырскими Бедуинами, но стоило страшныхъ хлопотъ съ тремя бедуинками, которыя пришли къ монастырю вслѣдъ за своими мужьями; уговоры, деньги, приказанія монастырскаго начальства лишь черезъ нѣсколько часовъ сломили неукротимую натуру и консерватизмъ арабскихъ дамъ. И надо было видѣть, затѣмъ, какъ сидѣли онѣ передъ аппаратомъ, ежеминутно срываясь съ мѣста, укрывшись своими дырявыми голубыми покрывалами до того, что были видны только уголки глазъ, да бронзовые кружочки, унизывавшіе ихъ *буру*; это родъ цилиндра на переносицѣ, въ который пропущенъ вязанный вуаль, закрывающій сверху лобъ, а внизу подбородокъ и вообще нижнюю часть лица и грудь.

Дорога съ Синая въ Суецъ.

Работа наша кончалась, и чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе хотѣлось уйти: къ тому же побуждалъ и прямой расчетъ: еще недѣля, и жары должны были стать нестерпимы. Томительная скука овладѣвала нами, какъ только не было подъ руками экстреннаго дѣла, и не надо было спѣшить и торопиться; прискучили до нельзя и садъ, въ которомъ приходилось вертѣться каждый день по однимъ и тѣмъ же градусамъ, боясь выглянуть изъ него, чтобы не увидеть знакомой картины пясчаной пустыни, съ которою скоро приходилось ознакомиться еще поближе. Нашъ вѣрный шейхъ — его звали Сабба — уже приходилъ узнать, когда ему явятся съ верблюдами, и послѣ долгихъ настояній, удалось вырвать отъ него обѣщаніе, что онъ постарается доставить насъ въ Суецъ въ пять сутокъ, если только мы будемъ идти такъ, какъ онъ потребуетъ. Мы рѣ-

шались на усиленный маршъ черезъ пустыню, зная отчасти всё его пріятности, во первыхъ для того, чтобы понасть въ сроку отхода русскаго парохода изъ Александріи, а также для того, чтобы возможно скорѣе совершить то путешествіе, для котораго мы нисколько не были приготовлены: легче выпить чашу горечи разомъ, чѣмъ по глоткамъ. Обыкновенно изъ монастыря до Суеца идутъ отъ 7 до 8 дней, съ большими роздыхами днемъ и остановками на всю ночь — десять дней; намъ надо было отказаться вполнѣ отъ первыхъ и отчасти отъ вторыхъ.

Добрые монахи наложили намъ громадный мѣшокъ хлѣбовъ для насъ самихъ и Бедуиновъ, свѣжаго овечьяго сыру и вина; большой боченокъ налили водою, и мы отправились, конечно, не безъ опозданія на нѣсколько часовъ противъ назначеннаго срока. Мы замѣтили, что одинъ изъ монаховъ, наиболѣе живой человѣкъ, бывалый и даже говорившій по-итальянски, ремесломъ плотникъ и столяръ, не вышелъ насъ провожать: еще не укротилось, знать, его сердце, и ему тошно было видѣть, какъ люди уѣзжаютъ, а онъ остается. Съ нами было четыре бедуина, три старые знакомые: шейхъ Сабба, оборванецъ Муса и юноша изъ состоятельной семьи Фарраджъ; четвертымъ былъ пожилой Гассанъ, у котораго грудь и спина была искривлена, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ, горбами, и одна нога была короче другой. Видъ его и неумолчная болтовня, вѣчная возня и заботы о своемъ пропитаніи и доставленіи себѣ удобствъ, живо напоминали извѣстный типъ конюха-горбуна изъ «Тысячи и одной ночи». Но, вмѣсто условленныхъ четырехъ верблюдовъ мы видѣли пять, и при одномъ изъ поворотовъ насъ нагналъ затѣмъ и пятый Бедуинъ и пошелъ рядомъ съ прежними. Въ этой сторонѣ чужой человѣкъ чуть не врагъ, но мы напрасно сначала добивались узнать, кто этотъ Бедуинъ и зачѣмъ онъ присталъ къ каравану; лишь по усиленной и тревожной каноннадѣ восклицаній, окриковъ видѣли, что произошла кака-то путаница въ наймѣ верблюдовъ. Истощивши, очевидно, въ спорахъ всё средства убѣжденія и

отчаявшись разрѣшить дѣло семейнымъ образомъ, Бедуины обратились къ намъ уже вечеромъ. Дѣло оказалось очень несложно, просто, но хитро задумано. Монастырь нанялъ для насъ четырехъ верблюдовъ съ проводниками, но какъ у одного изъ послѣднихъ—оборванца Мусы—не было своего верблюда, то ему пришлось нанять у знакомаго Бедуина. И вотъ, когда уже мы были далеко отъ монастыря, Бедуинъ явился самъ и съ другимъ верблюдомъ, требуя двойной платы за двухъ, и грозя въ противномъ случаѣ увести и того верблюда, какого прежде далъ. Серьезно выговаривалъ ему, оспаривая наглые требованія, шейхъ, ежеминутно призывалъ Аллаха и Магомета хромой Гассанъ, но ничто не дѣйствовало на хитреца. Такъ таки добился онъ своего, получивъ приплату за второго верблюда, котораго тотчасъ же увелъ, какъ только получилъ деньги. Споры кончились бы, конечно, и раньше, но намъ хотѣлось убѣдиться, не подстроили ли эту каверзу намъ сами Бедуины, и убѣдившись послѣ, что они сами были жертвою обмана, мы готовы были просить прощенія у нихъ за свои сомнѣнія. Наши проводники представляются мнѣ теперь вдали людьми особаго нравственнаго разряда, и ужъ, конечно, не мусульманство и Коранъ, изъ котораго они знали лишь двѣ, три молитвы, и не утренняя звѣзда, которой они молятся, сдѣлали ихъ таковыми. Тяжкая бѣдствіями и лишеніями, горькая и убогая жизнь сына пустыни воспитала его, закалила его житейскія и несложныя нравственныя понятія; ничто не смущало его убѣжденій, сложившихся еще въ дѣтствѣ, и опытъ лихорадочной погони, столкновений съ людьми, легкаго очарованія и тяжелаго раздумья не развратилъ его. За всю тяжелую дорогу, со всѣми ея трудностями, ложившимися на Бедуиновъ, мы, и страдая, и терпя всяческія невзгоды, не нашли ни одного случая, чтобы придратъся къ нашимъ проводникамъ, выместить на нихъ горечь нашего существованія. Мы могли и должны были теперь познакомиться поближе съ Бедуинами—предстояло вѣдь прожить съ ними дней пять, шесть, а можетъ быть, и болѣе. Пока во время первой стоянки налаживался

разговоръ, и мы приучали Бедуиновъ къ чаю, мы узнали, что нашъ обоюдный лексиконъ обогатился еще ихъ свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ. Фарраджъ напр. зналъ слова: батѹшка, матѹшка, вода, нога и пр., наслышавшись ихъ отъ паломниковъ; съ гордымъ сознаниемъ своего превосходства и опытности шейхъ подносилъ намъ такія фразы: «*ora* стой, давай *magiag* верблюды, *тѣ проѣ*, *проѣ* пошелъ» — то есть: часъ стоять, чтобы покормить верблюдовъ, а потомъ рано, рано пошелъ впередъ! Когда намъ встрѣтился разъ караванъ уже въ концѣ дороги— всего только и было встрѣчь — то шейхъ объяснялъ намъ: «Араби, давай антика Суеэзъ» — т. е. арабскій караванъ, везущій рѣдкости на продажу въ Суецъ, и т. под. Одинъ только Гассанъ до конца не хотѣлъ признать нашего незнанія и всегда болталъ намъ что-то по арабски и затѣмъ смѣялся намъ въ лицо. На какомъ-то привалѣ онъ выказалъ и явныя наклонности къ гастрономіи; не довольствуясь уже черствымъ хлѣбомъ, онъ, какъ пекарь въ нашемъ караванѣ, сталъ готовить свой тахх'юнъ — опрѣенокъ въ видѣ лепешки изъ дурѣй; перевернувшись на своемъ собственномъ сѣдалищѣ въ песокъ, сдѣлалъ ямку, наложилъ въ нее сухой травы и верблюжьего кала и запалилъ; затѣмъ, смочивъ слегка дурѣ въ чашкѣ, сдѣлалъ изъ нея какое-то мѣсиво, распласталъ и засыпалъ въ ямкѣ готовую лепешку пескомъ. Эта полугорѣлая, полусырая и горькая сѣдь была затѣмъ ровно разрѣзана на четыре части и съѣдена съ водою; мы пробовали съѣсть кусочекъ, но онъ рѣшительно не шелъ въ горло.

Нашъ путь лежалъ вдоль широкаго уади Шейхъ въ уади Селафъ къ горѣ этого же имени; это былъ путь наторенный, обычный при возвращеніи съ Синая. Ровнымъ, незамѣтнымъ уклономъ спускается широкая долина; ее пересѣкаютъ съ боковъ, поперекъ и вкось рядъ другихъ, иногда еще болѣе широкихъ ложбинъ и ущелій. На лѣво виднѣется масса Зербала. Мѣстами обильная растительность съ главнымъ ея представителемъ манновымъ деревомъ — тарфá, съ котораго здѣсь собираетъ монастырь черезъ Арабовъ свою ежегодную весеннюю

провизию манны. Изъ старинныхъ разсказовъ Вуркгардта, наблюдавшаго лично процессъ собиранія манны, извѣстно, что она въ видѣ бѣлыхъ крупинокъ усынаетъ густую хвою манноваго кустарника; по аналогіи съ происхожденіемъ манны въ южной Европѣ заключаютъ, что эти крупинки образуются на деревѣ отъ укула особой породы цикадъ, но, кажется, никто доселѣ этого не наблюдалъ на самомъ Синаѣ. Та манна, которую, какъ «благословеніе» εὐλογισμός въ жестянкахъ по $\frac{1}{3}$ фунта раздають въ монастырѣ, имѣетъ видъ полужидкаго, густаго меда, который въ сухомъ мѣстѣ твердѣетъ и крошится какъ кусокъ смолы; вкусъ имѣетъ сладковатый.

Но, и не смотря на растительность, почва этихъ долинъ вся покрыта пескомъ, по которому тянутся гребни камней и раздробленныхъ скалъ, указывая дорогу воды; мѣстами, на цѣляхъ версты видны мыльные разливы известняка съ пескомъ, покрытые отвердѣлою коркою. По сторонамъ дороги горы то обрываются отвѣсными стѣнами, то отклоняются, образуя холмы; стѣны изрыты, источены, по сѣрокоричневому фону тянутся черныя и красноватокирпичныя жилы; по холмамъ во всѣхъ направленіяхъ расходятся еще болѣе невзрачныя гребни, иззубренные и раскрошенные до того, что удивляешься, какъ вся ихъ масса не катится внизъ. Днемъ въ этихъ долинахъ господствуетъ жара и духота, доводящая до одурѣнія; ночью холодно. Съ перваго же дня мы настояли, не смотря на всѣ протесты лѣнившаго Гассана, чтобы имѣть переходы въ 7 часовъ, отъ 5 утра до 12 и отъ 2 до 7 пополудни; затѣмъ, дождавшись луны, которая появлялась между 8 и 10 часами вечера, идти еще часа два, три при лунномъ освѣщеніи. Иногда семичасовой переходъ оказывался намъ не по силамъ; слѣзши съ верблюда часовъ черезъ пять, я пробовалъ идти пѣшкомъ часъ, полтора, но силы окончателно измѣняли въ глубокомъ пескѣ; Бедуины же все время, кромѣ Гассана, шли пѣшкомъ, ширингою, и слушали пѣніе Шейха. Такъ прошли мы, направляясь на С. З., уади Шейхъ, Себайэ, Ахдаръ, Беррахъ, Барахъ, оставляя влѣво плодоносную долину Фейранъ,

гдѣ древнія развалины свидѣтельствуютъ о существовавшей нѣкогда культурѣ. На другой день налились свѣжею водою и напоили верблюдовъ: впереди вода была не ближе, какъ черезъ двое сутокъ. Привалы наши днемъ наиболѣе насъ затрудняли: иногда уже совсѣмъ пора бы остановиться и сдѣлать роздыхъ, а негдѣ, потому что ни клочка тѣни кругомъ, а мы не соглашались, какъ дѣлаютъ Бедуины, сидѣть на припѣкѣ: еще еслибы можно было сѣсть въ тѣни отъ верблюда, но ни одинъ изъ нихъ, разъ онъ развьюченъ, не постоитъ и минуты, всѣ или бродятъ, или валяются. Одинъ разъ мы проискали тѣни съ часъ, все идя впередъ, пока Гассанъ не нашелъ мѣста: надо было, правда, лѣзть вверхъ и карабкаться по камнямъ, но все же нашли подъ расщелиною мѣсто тѣнистое на часъ, на два; оно все было усѣяно козымъ пометомъ. Другой разъ — дѣло было къ вечеру — мы слѣзли уже съ верблюдовъ, но насъ прогналъ провзительный вѣтеръ изъ боковаго ущелья — въ этихъ долинахъ иногда тянетъ настоящій сквознякъ — опять шли до полной тьмы, отыскивая, гдѣ бы лечь, и шли пѣшкомъ, довѣрившись слову Гассана, что онъ знаетъ прекрасное мѣсто вблизи, а когда, наконецъ, дошли, то шатались, какъ пьяные.

Къ вечеру втораго дня пути горы кругомъ стали болѣе и болѣе понижаться; мѣстами это были еще тѣже гранитныя стѣны, а затѣмъ пошли холмы известковныя, цвѣта поблеклой вохры. Въ послѣдней уади Тарфá — съ этимъ названіемъ видѣли цѣлый рядъ мѣстъ — растительность вся была оципана верблюдами и имѣла видъ крайне жалкій, но за то мимо нашего каравана стрѣлою пролетѣлъ спугнутый заяцъ. Въ этотъ же вечеръ мы имѣли самый пріятный ночлегъ, особенно, когда сравнишь его съ послѣдующими; мы ночевали какъ будто въ громадномъ дортуарѣ. Солнце уже закатилось за горы, но отраженіе его лучей отъ освѣщенныхъ вершинъ наполняло мѣстность розово-шоколаднымъ колоритомъ; мы остановились въ глуби боковаго ущелья, куда то поворачивавшаго направо; передъ нами съ трехъ сторонъ, словно нефы громаднаго храма, сходились къ овальному центру широкіе корридоры; мы были

въ защитѣ отъ вѣтра и наслаждались полнымъ покоемъ; полы залъ были устланы песчанымъ ровнымъ ковромъ, такимъ нѣжнымъ и мягкимъ, словно пухъ; угловая скала выдавалась широкою плитою и послужила намъ для сервировки ужина. Полчаса не сводили мы глазъ съ картины, затѣмъ все потухло, и смотря на искрившіяся отовсюду звѣзды, приготовлялись хорошо выспаться, такъ какъ, по случаю этихъ прелестей, мы рѣшились сами у себя выторговать на этотъ разъ нѣсколько часовъ отдыха.

Утро третьяго дня было такъ свѣжо, мимо насъ проходили одна за другою такія чудныя перспективы, что наше путешествіе представляется теперь какою-то мечтою, а въ то время восхищало насъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; известковыя скалы то суживаютъ долину, оставляя на проходѣ лишь нѣсколько шаговъ, то раздвигаются. Вотъ въ сторонѣ видится словно ованенный городъ и крѣпость съ башнями по угламъ, вотъ какъ будто разрушенный домъ съ окнами, и все это сталактитовое издѣліе воды вдругъ пропадаетъ при поворотѣ. Въ концѣ цѣлаго ряда изворотовъ, которымъ нѣтъ и не было никогда имени, находилось широкое уади Хамиле и мы знали, что влѣво отъ него въ долину имѣются памятники египетской древности, уцѣлѣвшія отъ храмовъ и поселковъ лучшаго времени, когда египетскіе фараоны разрабатывали въ горахъ у Краснаго моря руды. Въ наши времена англійскій полковникъ пробовалъ заняться тѣмъ же, но дѣло не пошло, и предприниматель кончилъ полнымъ раззореніемъ. Мы, повидимому, все спускаемся, потому что жаръ становится все невыносимѣе; руки, неосторожно выставленныя на солнце, краснѣютъ и пузирятся; приходится надѣть на нихъ чулки — перчатки были бы нестерпимы, — а въ чулкахъ прекрасно. Мы ежеминутно смотримъ на часы; ѣдешь, ѣдешь, кажется больше часу ужъ прошло, а посмотришь — три минуты, а чтобы выполнить маршрутъ, надо итти еще три часа. Мой спутникъ все вздыхаетъ о морѣ: «гдѣ оно, да скоро ли мы его увидимъ; кажется, если бы мнѣ видѣть море, мнѣ было бы легче;

я вѣдъ говорилъ, что надо ѣхать ближе къ морю», упрекаетъ онъ. Но море гдѣ-то тамъ далеко — «одинъ день, два день — море», говорятъ Бедуины. Мы все крутимся въ различныхъ ходахъ и логахъ; вотъ теперь начали почему-то опять подыматься по песчаному ложу, между двухъ стѣнъ; но стѣны понижаются болѣе и болѣе и, задумавшись надъ чѣмъ-то, я вдругъ вижу себя вѣ горѣ; сзади — какъ будто ворота крѣпости — стоятъ по обѣ стороны четыре утеса, а передъ нами разстилается на громадную даль равнина. Дѣйствительно, передъ нами обширное плоскогорье Деббетъ ель Рамль, замыкаемое справа цѣнью невысокихъ холмовъ: куда непривлекательная картина! Верблюды грузнуть въ песокъ, и при каждомъ погруженіи ихъ передней ноги сотрясается грузъ, и сѣдокъ получаетъ толчекъ сильнѣе обыкновеннаго; но нечего и пробовать итти пѣшкомъ, — не пройдешь и версты. Вотъ спустились совсѣмъ низко, горы сзади обрисовались уже въ неопредѣленныхъ контурахъ и окрасились въ сѣро-фіолетовые цвѣта. Впереди, справа выросла новая цѣнь скалистыхъ горъ и потянулась на Западъ, какъ бы преграждая намъ дорогу; подъ стѣною ихъ внизу видна какъ будто вода и пятна садовъ — миражъ! А моря не видать и признаковъ. Опять подымаемся черезъ оврагъ наверхъ и около двухъ часовъ идемъ по обнаженнымъ известковымъ наливамъ, гдѣ песокъ держится только въ разсѣлинахъ; сильный вѣтеръ уноситъ съ моей каски одинъ платокъ за другимъ. Дѣлаемъ привалъ подъ прикрытіемъ двухъ утесовъ; одинъ лежитъ, но изъ подъ его основанія вода вымыла давно весь песокъ, и камень едва держится, упираясь тремя углами въ площадь; другая скала упала на него и уперлась концомъ; кажется, едва держится она, а между тѣмъ, залѣзши внутрь, между камней, позавтракавъ и соснувши въ прохладной — сравнительно — тѣни, мы благополучно уѣхали, а камни остались въ томъ же видѣ до новаго посѣщенія. Ночное путешествіе въ эти третьи сутки памятно мнѣ странными картинами, которыя рисовалъ нашъ утомленный взглядъ и настроенное воображеніе. Мы проходили болѣе двухъ часовъ узкимъ

уади Гам'ръ или Ум'ръ, спускающимся поперекъ нашего пути къ морю; тотъ же ровный корридоръ параллельныхъ стѣнъ, тѣже причудливыя очертанія известковыхъ холмовъ, но при лунѣ намъ казалось, что мы ѣдемъ по улицамъ восточнаго города. Когда, проѣхавъ мимо Амманъ-Фаруна, мы подошли еще ближе къ морю и услышали его прибой, то при свѣтѣ луны, бившемъ въ бѣлые намывы известняка, — картина восточнаго, мертваго города смѣнилась видомъ провинціального мѣстечка на Югѣ Россіи; забившись въ средину разгруженнаго вьюка, чтобы сколько нибудь защититься отъ вѣтра, мы забылись на два, три часа. Моря не было видно, но оно было близко, и мы были теперь убѣждены, что ужь какъ нибудь попадемъ въ Суецъ въ свое время. Насъ смущала только рана на ногѣ нашего шейха, о которой мы только что допытались; еще двѣ недѣли назадъ шейхъ ранилъ себѣ щиколку одной ноги остриемъ сандалии другой, такъ какъ подошва этой сандалии до того изнасилась, что стала острою; образовавшуюся рану, когда она начала гноиться, онъ закрывалъ хлопкомъ и присыпалъ порошкомъ, но рана не только не проходила, но увеличилась до размѣровъ пятака и проникла до кости; промывая эту рану, мы не знали, чему больше дивиться, терпѣнію ли Бедуина, или его натурѣ. Въ этомъ отчаянномъ пеклѣ неосторожный обрѣзъ можетъ родить гангрену, а тутъ была рана, покрытая пескомъ; и хотя шейха была сильная лихорадка, но не было и признаковъ воспаления—очевидно, этотъ народъ спасаетъ худоба: у нихъ нѣтъ мяса, нѣтъ и искушенія, нѣтъ и многихъ болѣзней нашихъ; хотя вообще Бедуины скоро старѣются и рано умираютъ, но еще надо знать, отъ какихъ причинъ. Помочь шейху мы ничѣмъ не могли, кромѣ глицерина и чулка, въ которомъ онъ отиный и странствовалъ, да еще требованіемъ сидѣть на верблюдѣ и не идти пѣшкомъ, чего, конечно, онъ не исполнялъ!

По печальнымъ мѣстамъ, ныряя изъ одного оврага въ другой, и сбивая ноги себѣ объ острые камни на спускахъ и подъемахъ, шли мы на другое утро съ 4 до 12 въ уади

Гарандэлю; вмѣсто мрачныхъ, но грандіозныхъ картинъ горной природы передъ нами была, казалось, самая убогая мѣстность, какая только существуетъ гдѣ либо, именно убогая и жалкая до послѣдней степени; вся она была окрашена въ цвѣтъ бѣлесоватой, грязной охры, и рѣзала глаза при блескѣ солнца; трава въ оврагахъ была или попалена уже въ это время, или затянута грязными, мыльными намывами; такіе виды имѣютъ мѣстности, окаймляющія большое ржавое болото гдѣ нибудь на сѣверѣ Россіи. Да и самое уади Гарандель, — библейскій Элимъ, есть тоже болотистая долина, въ которой держится съ весны вода, текущая изъ горъ Этти, что на Востокъ тянутся длинною грядою; мѣстами, по наклонамъ вода здѣсь бѣжитъ довольно сильнымъ ручьемъ, мѣстами же застаивается и образуетъ широкіе разливы, покрытые тростникомъ и питающіе богатую растительность финиковъ, смолистыхъ акацій и манноваго дерева, или вовсе пропадаетъ въ песокъ. Конечно, Евреямъ, пришедшимъ сюда изъ Дельты, отъ котловъ съ мясомъ, мѣстность эта, напоминавшая имъ покинутый Гозень, могла нравиться, и по всѣмъ расчетамъ, она то и есть пресловутый Элимъ, гдѣ Израиль нашелъ 12 источниковъ и 75 финиковыхъ деревьевъ. Но очень понятно также, почему, не желая ученой точности, жители Синая предпочитаютъ видѣть Элимъ въ живописныхъ садахъ Моисеевыхъ близъ Эль-Тора. Для насъ Гарандель былъ пунктомъ тяжелыхъ и своеобразныхъ расчетовъ; мы были сильно утомлены своимъ маршемъ въ теченіи трехъ сутокъ съ половиною, — *marche des forçats*, и бессонницею; и жаромъ, и неудобствами, и мало надѣялись на себя дальше; между тѣмъ на картѣ видѣли, что осталось сдѣлать еще добрую треть пути. Жгучій вопросъ, не по напрасну-ли будутъ всѣ наши усилія попасть къ сроку! Мы имѣли полдень Вторника, а самый крайній срокъ — утро Четверга. Шейхъ былъ въ лихорадкѣ и несъ околѣсную; Муса предводительствовалъ караваномъ и распорядился нашими остановками. Мы стали вычислять, сколько часовъ придется намъ еще итти, принимая въ расчетъ, что верблюды уже устали и что они обыкновенно идутъ не

болѣе 6—7 верстъ въ часъ; но вычисленія не давали ничего утѣшительнаго, а помѣщеніе наше подъ кустами тарфы, на отчаянномъ вѣтрѣ, который два раза сваливалъ мой чайный аппаратъ, не имѣло ничего привлекательнаго. Поднялись съ трудомъ и опять пошли, изъ оврага въ оврагъ, по плоскогорьямъ, гдѣ вѣтеръ рѣзалъ лицо и глаза, черезъ уади Амара или «горькія воды», гдѣ предполагаютъ стоянку Евреевъ въ Мерра — что значитъ тоже самое. Глубокая тьма заставила насъ остановиться, и мы раскинули привалъ свой у груды песку; вѣтеръ крутилъ песокъ и засыпалъ вьюкъ и насъ самихъ; кусокъ хлѣба, намоченный чаемъ, едва подносился ко рту, какъ забивался пескомъ; вздумали разбить черную фотографическую палатку, но едва успѣли въ ней устроиться, какъ вѣтеръ сорвалъ ее, не смотря на всѣ наложенные камни; пришлось ложиться въ песокъ и дожидаться, пока онъ настолько насъ по крайней мѣрѣ покроетъ, что не будетъ холодно. Надо отдать, однакоже, должное и пустынѣ: усталость, даже изнеможеніе въ ней не дѣйствуетъ на нервы; какъ бы ни было неудобно, едва легъ, засыпаешь сейчасъ же, и трехъ часовъ такого сна довольно, чтобы возстановить силы. Ночью, еще не брезжило, поднялись мы, при свѣчахъ собрали вьюкъ и нагрузили верблюдовъ; поѣздка въ эту темь оказывалась крайне непріятна и тяжела; верблюды шагаютъ въ какомъ-то невѣдомомъ пространствѣ, и когда спускаются, то кажется, что верблюдъ подъ тобою падаетъ; мы потеряли дорогу и долго ее искали; Бедуины уронили часть вьюка, у меня упала спичечница. Кончилось тѣмъ, что рѣшили ждать свѣта. Изъ слѣдующаго семичасоваго перехода нечего припомнить, кромѣ томительной скуки и физическихъ страданій; сидѣніе на верблюдѣ стало истинною пыткой; сидѣть верхомъ à califourchon больно, сѣсть бокомъ еще больнѣе, потому что такимъ образомъ развинченная уже спина ноетъ еще сильнѣе; нѣкоторое облегченіе получалось, сидя верхомъ, въ томъ, чтобы перебрасывать на шею верблюда то одну, то другую ногу; какъ жестка эта шея, и какъ, вѣсть съ тѣмъ, непреклонна его страсть водить шею справа налѣво

и обратно, я узналъ, когда пятка моихъ кожаныхъ башмаковъ оказалась послѣ протѣртокъ насевозъ о верблюжью шею. Съ часъ искали мы около полудня, гдѣ бы остановиться, и наконецъ нашли лучшее мѣсто: это былъ жидкій кустъ тарфы, который пришлось покрывать плодами, чтобы устроить защиту ходя для головы. Вздыхаемый вѣтромъ и заносившій насъ песокъ прогналъ насъ и оттуда. Нашимъ страстнымъ желаніемъ, единственною, ясно сознаваемою теперь цѣлью, было достигнуть Аювъ-Муса или источниковъ Моисеевыхъ, отъ которыхъ, какъ мы знали, не болѣе четырехъ часовъ пути до Суеца; разговоры и даже споры объ Аювъ-Муса не прекращались, но напрасно каждую минуту этого восьмичасоваго перехода мы, — говоря высокими слогами — вопрошали горизонтъ; ни одного пятюшка не видѣлось на небосклонѣ впереди, за то знакомый уже желтый пологъ затягивалъ окраину неба; уже темнѣло, когда мы завидѣли, наконецъ, финиковыя сады первой стоянки Евреевъ въ пустынѣ аравійской. Сады эти обширны, имѣютъ видъ рощъ, и разбиты на участки, принадлежащіе суезскимъ негодіантамъ; это обычное ихъ гульбище и сборный пунктъ для пикниковъ. Ключи, бьющіе въ садахъ, солоноваты и горьки на вкусъ, отъ обильно фильтрующей здѣсь морской воды; и когда мы раскинулись тутъ на послѣдній привалъ, то были немедленно облѣплены мокрымъ пескомъ. Влажность почвы, виѣстѣ съ ночнымъ туманомъ оковывала и цѣпила члены; было опасно оставаться здѣсь долго, но, чтобы подняться, пришлось отлить заснувшего Гассана холодною водою. Еще пять часовъ, томительно считая каждую минуту, тащились мы вдоль морскаго берега; силы измѣнялись, и, боясь упасть съ верблюда, мы плелись пѣшкомъ часть дороги; намъ надо было попасть выше Суеца на мѣсто переправы черезъ каналъ; уже мы совсѣмъ отчаялись его видѣть, какъ вдругъ, при сѣромъ свѣтѣ брезжащаго утра, словно вынырнули передъ нами рыбачьи хаты. Верблюды грузно хлопнулись на песокъ, вьюкъ перенесли на барку, насъ перетасили по водѣ туда, же и медленно поплыли мы мимо пройденнаго берега, въ Суецъ.

Через нѣсколько часовъ мы уже прощались на поѣздѣ, отходившемъ въ Александрію, съ своими Бедуинами, а около полудня того же дня, не безъ удовольствія созерцали, какъ неся страшный самумъ и слѣдомъ за нимъ ливень мимо насъ, туда, назадъ, въ повинутую нами пустыню. . .

1881 г. Декабрь.
Одесса.

Н. Кондаковъ.

ДРЕВНОСТИ СИНАЙСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Памятники монументальнаго искусства и христіанской древности, сохранившіеся въ Синайскомъ монастырѣ, были предметомъ любознательности многихъ ученыхъ и образованныхъ путешественниковъ, но ихъ краткія замѣтки и общія соображенія, лишеныя научной археологической критики, не доставили доселѣ матеріала, которымъ могла бы пользоваться историческая наука. Замѣтки эти только указывали на существованіе памятниковъ, а соображенія общаго характера имѣли цѣлью представить ихъ историческую важность и древность происхожденія. Благодаря счастливымъ и поразительнымъ открытіямъ — мозаикѣ Преображенія, какъ бы найденной впервые Лабордомъ и отнесенной къ Константину Великому, и кодексу Евангелія, вывезенному Тишендорфомъ, мало по-малу сложились въ европейской наукѣ легендарныя гаданія о древностяхъ Синайскаго монастыря. Его историческія судьбы подкрѣпляли эти чаянія. Въ самомъ дѣлѣ, Синайскій полуостровъ или каменистая Аравія представляетъ собою ту мѣстность, гдѣ издревле сходились и сжѣшивались двѣ важнѣйшія культуры древняго міра: египетская и сирійская. Египтологи и семитологи находили для себя любопытный матеріалъ въ развалинахъ египетскихъ храмовъ и арамейскихъ надписяхъ полуострова. Въ христіанскую эпоху Синай есть мѣстность, выступившая вмѣстѣ съ Оиваидомъ въ исторіи православнаго монашества на Востокѣ и запечатлѣвшая свою дѣятельность древнѣйшими его уставами и монументальными сооружениями. Къ тому же, эта исторія христіанскаго

Синая въ древнѣйшую эпоху была, такъ сказать, задержана мусульманскимъ завоеваніемъ Сиріи и Египта. Уже въ 633 году изъ войскъ четырехъ Эмировъ, отправленныхъ Абубекромъ для завоеванія Палестины, Египта и христіанской Аравіи, отдѣльные отряды проникли на Синай (по свидѣт. Теофана) и положили тамъ начало брани, междоусобіямъ и пропагандѣ новой вѣры. Въ 636 году былъ взятъ мусульманами Дамаскъ, а въ 639, послѣ четырехмѣсячнаго обложенія, Александрія. Царствованіемъ Гераклія какъ бы заканчивается, такимъ образомъ, связь Синая съ Византією и его участіе въ общихъ политическихъ судьбахъ и религіозной жизни Восточной Имперіи. Знаменитая своею древностью и сватынями обитель вынуждена, для своего сохраненія, или искать поддержки въ иноземномъ владычествѣ, или же покупать себѣ права на существованіе дарами и дипломатическими уступками. Тяготѣніе къ центру православія прервано, и съ XI вѣка аббаты Синая собираютъ свою милостыню въ Волонь и Венеціи, а римскіе папы — жалуютъ монастырю грамоты, укрѣпляющія за нимъ его имѣнія въ Сиріи. Такимъ образомъ, связи Синая съ Византією и затѣмъ со всѣмъ православнымъ Востокомъ возобновились уже въ довольно позднюю эпоху, но сдѣлались болѣе тѣсными лишь съ Россією, и то въ XVII вѣкѣ.

Эти данныя, какъ-бы они ни были скудны для построенія собственной исторіи Синайскаго монастыря, казались, однако, достаточными для опредѣленія археологическихъ, въ особенности произносимыхъ не спеціалистами, но любителями древности, тамъ, гдѣ, по самой отдаленности, оторванности этихъ памятниковъ, требовалась бы строгая критика. Привитое любителями старины пристрастіе относить открытыя на Востокѣ произведенія искусства къ глубокой древности, только въ ней видѣтъ достоинство ихъ, и простирающееся отсюда неумѣніе отличать стили, эпохи, находить интересъ именно въ позднѣйшихъ періодахъ, однимъ словомъ, всѣ существенные недостатки византійской археологіи отражались, поэтому, всегда въ сужденіяхъ по преимуществу западныхъ ученыхъ, посѣщавшихъ

Синайскій монастырь. Но, конечно, и здѣсь не скоро еще преувеличенныя надежды и бесплодныя гаданія уступятъ мѣсто дѣйствительнымъ фактамъ, добытымъ и утвержденнымъ наукою.

Между тѣмъ, и число памятниковъ древности въ Синайскомъ монастырѣ куда какъ незначительно, и самые вопросы о нихъ могли бы легко разрѣшиться, если бы къ попыткамъ ученыхъ, вѣдвшихъ взглянуть на эти памятники, присоединились удовлетворительные снимки, которые столько же способствуютъ разсвѣнью различныхъ заблужденій, сколько и дѣлаютъ памятники предметомъ общаго научнаго достоянія. Не имѣя въ своемъ распоряженіи средствъ для изготовленія подобныхъ снимковъ, кромѣ какъ для тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые составляли главнѣйшую цѣль моей поѣздки, я считаю, однакоже, нужнымъ обозрѣть вратцѣ всѣ сохраняющіеся въ Синайскомъ монастырѣ памятники древности, прежде нежели перейду къ этимъ важнѣйшимъ.

Благодаря извѣстію Прокопія (*De aed. Just.* V, 8), пополняемому также извѣстною греко-арабскою надписью на вратахъ монастыря, знаемъ, что какъ стѣны монастыря, такъ и его главнѣйшее зданіе — базилика, построены въ царствованіе Юстиніана между 527 и 557 годами. Церковь имѣетъ три нефа, отдѣленные двумя рядами гранитныхъ колоннъ, по шести въ каждомъ; высота средняго нефа почти въ $2\frac{1}{2}$ раза превышаетъ боковыя; потолокъ плоскій, въ которомъ промежутки между стропилъ зашиты досками, образующими т. наз. кассетты; весь потолокъ заново орнаментированъ, въ подражаніе старому, который видѣлъ еще Пококъ, по античному шаблону, исполненному зеленою и красною красками и золотомъ. Передъ церковью имѣется узкій нартексъ съ 3 дверями (одна заложена), ведущими внутрь церкви, изъ которыхъ средняя, т. наз. царская, сохранилась отъ древности и украшена рѣзбою. Вдѣланный здѣсь въ стѣну недавно фіаль для омовенія не замѣняетъ древне-христіанской купели, стоявшей прежде въ срединѣ передняго двора, а явился въ силу обычая, существующаго и въ Грузіи. На В. сторонѣ церковь имѣетъ боль-

шую открытую абсиду и двѣ малыхъ, которыя нынѣ отдѣлены стѣнами; изъ правой (древній діакониконъ) дверь на лѣво приводитъ въ капеллу Неопалимой Купины, находящуюся, такимъ образомъ, за стѣною главнаго алтаря. Въ этомъ типѣ древне-христіанской базилики; наиболѣе сходной съ ц. Аполлинарія во Флотѣ въ Равеннѣ, обращаютъ на себя вниманіе сильно повышенныя, не плоскія и широкія арки, стягивающія колоннаду, и самыя колонны. Онѣ грузны, имѣютъ низкіе базисы съ четырьмя выпущенными листьями, и разнообразно орнаментированныя капители; теперь эти капители заштукатурены и покрыты темнозеленою окраской (колонны же голубою) и потому особенно кажутся тяжелыми и безвкусными. Между тѣмъ, въ ихъ массивной орнаментикѣ, издалека берущей главнѣйшія черты коринтскаго ордена, есть своего рода величавость: особенно замѣчательны капители съ завернутыми наискось волютами, которыя напоминаютъ типъ капителей Геркулесовой базилики въ Равеннѣ. Въ отличіе отъ общаго плана и архитектурнаго типа, детали указываютъ на преданія древнѣйшія. Самая базилика, кромѣ трехъ нефовъ, видимо, много претерпѣла измѣненій, въ видѣ пристроенныхъ сбоку капеллъ, распредѣленія алтарей и пр. Въ главной абсидѣ имѣется двойной поясъ мраморныхъ ступеней, и стѣны облицованы мраморомъ; она освѣщается однимъ узкимъ окномъ. Кромѣ мозаики въ сводѣ алтаря и на аркѣ надъ нимъ, также свода въ капеллѣ Купины всѣ остальные стѣны церкви и нартекса покрыты штукатуркою, (кромѣ этой же капеллы, стѣны которой покрыты фаянсовыми изразцами въ XVII в.) и въ монастырѣ не сохранилось никакихъ воспоминаній о томъ, какъ были и были ли украшены эти стѣны иначе въ старину. Невысокій иконостасъ (1672 г.) надстроенъ еще колоссальнымъ Распятіемъ, по католическому типу; нижній поясъ большихъ мѣстныхъ иконъ замѣчательнаго письма Іереміа Критянина 1612 г. и другихъ конца XVII и XVIII столѣтій¹⁾; надъ ними недавно же установлены въ два ряда мелкія иконы Праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ.

¹⁾ См. собранныя арх. Поревріемъ надписи, Второе пут., 242 — 266.

Равно и по отдѣлу церковной утвари, древностей сохранилось очень мало: амвонъ, балдахинъ надъ престоломъ, замѣчательные своею инкрустаціею изъ перламутра и черепахи, не восходятъ далѣе XVII и даже XVIII стол.; большинство работъ относится ко временамъ архіеп. Іоаннія между 1675—1682 гг. и исполнены самими монахами. Множество иконъ, кромѣ того, и нѣсколько Святцевъ Лицевыхъ на доскахъ, — письма аеонскаго и московскаго прошлаго столѣтія — развѣшаны по стѣнамъ базилики, ея придѣлаиъ и многочисленнымъ капелламъ монастыря. Великолѣпный складень иконы Неопалимой Бупины въ капеллѣ этого имени съ Календаремъ или Лицевыми Святцами на боковыхъ доскахъ, такъ же какъ изображеніе самаго монастыря на архіепископскомъ креслѣ и иконы, украшающія высвй амвонъ или каеодру, по своему изящному и тонкому миниатюрному письму, заслуживаютъ вниманія передъ всѣми прочими, но также принадлежатъ началу и концу XVIII столѣтія.

Монастырь столько разъ лишался всего своего достоянія, т. е. по преимуществу церковной утвари изъ драгоценныхъ металловъ, что и въ этомъ отношеніи не представляетъ вещей особенно древнихъ, или замѣчательныхъ по художественной работѣ. Нѣсколько напрестольныхъ съ окладами изъ серебра Евангелій и крестовъ не восходятъ ранѣе XV вѣка (по крайней мѣрѣ, изъ вещей, которыя мнѣ привелось видѣть), но и тѣ довольно грубой западной работы. Наибольше интереса представляютъ четыре большіе свѣтильника, которыхъ подножки въ видѣ львовъ гйратическаго стиля показались Эберсу (стр. 283) древнѣе христіанской эры.

Ръзная изъ кипариса дверь, ведущая изъ нартѣкса или преддверія въ церковь, представляетъ замѣчательное произведеніе старины и искусства¹⁾. Порфиновый архитравъ или всякъ покрытъ на передней сторонѣ тремя медальонами съ

¹⁾ Упомянута въ соч. *Lenoir*, l'Archit. monastique, стр. 308 и Эберса l. с. р. 279.

крестами (равноконечными) внутри, — на подобіе древнихъ щитовъ, и надписью уставомъ: Καὶ ἐλάλησεν Κύριος Μωϋσῆ ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ λέγων: ἐγὼ εἰμὶ ὁ Θεὸς τῶν πατέρων σου, ὁ Θεὸς Ἀβραάμ καὶ ὁ Θεὸς Ἰσαάκ; ἐγὼ εἰμὶ ὁ ὦν. Внизу, т. е. по исподней сторонѣ надпись: Αὕτη ἡ πόλις τοῦ Κυ; δίκαιοι εἰσελεύσονται ἐν αὐτῇ. Боковые устои, изъ дерева, украшены на-передѣ бѣгущею вверхъ виноградною лозою, а по бокамъ акантовыми листьями. Затѣмъ оба полотнища или створы двери раздѣлены тремя тонкими лентами и подѣлены на 4 полосы, и каждая изъ нихъ содержитъ по 7 тябелъ или кессоновъ съ изображеніями, притомъ таѣ, что малыя тябла чередуются съ большими—въ видѣ одной полосы изъ четырехъ малыхъ, другой—большихъ, и т. д. внизъ. Рамки кессоновъ раздѣланы гзымзами и багетками, и только внутренняя рамка украшена пальметтами. Такимъ образомъ, устройство двери и тябелъ тождественно съ дверью въ базиликѣ Св. Сабины въ Римѣ, другимъ и доселѣ единственнымъ памятникомъ древности этого рода, но если въ этомъ отношеніи подаетъ поводъ въ сравненію обоихъ, то различіе сюжетовъ, орнаментики и вообще стила ихъ указываетъ на совершенно инныя эпохи и инныя начала въ искусствѣ.

Мы имѣемъ въ Синайской двери образецъ византійской рѣзбы, въ которой пластика отрѣшается отъ своихъ существенныхъ чертъ и переходитъ въ живопись; это есть рѣзба вглубь контуровъ, при чемъ все изображеніе и самая доска сохраняютъ свою поверхность, и ни одна часть не выступаетъ надъ нею рельефомъ. Углубленные контуры какъ бы въ живописи заполняются гипсомъ, разцвѣченнымъ въ красную краску (цвѣта вина), для уподобленія верхнему косяку изъ порфира. Такимъ образомъ, техника этой рѣзбы близка съ техникою византійскихъ бронзовыхъ дверей, на которыхъ—по темной бронзѣ—контуры заполняются серебряными нитами (памятники XI и XII вѣка въ Италіи и въ Россіи); разница однакоже, та, что кромѣ контуровъ при работѣ на деревѣ углубляется и весь фонъ.

Далѣе, Синайская дверь, въ отличіе отъ этихъ монументальныхъ памятниковъ съ религіозными сюжетами, исполнена вся въ одномъ *декоративномъ* направленіи, и въ ея орнаментахъ только слабо сквозитъ привычная символика христіанскихъ эмблемъ и религіознаго искусства. Въ самомъ дѣлѣ, сюжеты, которыми украшены всѣ табла, не имѣютъ другаго значенія, кромѣ орнамента: въ первомъ поясѣ малыхъ табель изображены орлы; въ третьемъ, таковомъ же, козлы, каменный козель; въ пятомъ—два зайца, павіанъ и козуля (?); въ нижнемъ седьмомъ—пѣтухъ, куропатка, неизвѣстныя птицы и, по-видимому, сирена (птица съ человѣческой головою). Въ большихъ таблахъ: втораго рада — античныя чаши съ растущею изъ нихъ виноградною лозою; въ четвертомъ — подобныя же чаши съ растеніями, которыхъ плоды вкляютъ голуби, также два павлина, или же дерево съ 2 птицами; наконецъ, въ шестомъ изображены смоковницы, плоды которыхъ вкляютъ птицы. Заключенные въ сюжетахъ символы, очевидно, затерты орнаментикою, какъ и въ многочисленныхъ пальмахъ, и крестахъ «процвѣтшихъ», ромбахъ и медальонахъ, которыя изображены въ 28 соответствующихъ таблахъ на задней сторонѣ двери.

Но всѣ рисунки исполнены чрезвычайной стилистности, выдержанной не только въ растительныхъ орнаментахъ, но и въ фигурахъ животныхъ и птицъ, исполненныхъ натурально и живо. Типы орнаментовъ этихъ развились въ послѣдствіи и извѣстны намъ во всей подробности въ византійскихъ миниатюрахъ IX—XI вѣковъ: зубчатые лепестки розъ (трилистники), мелочной рисунокъ аканта и винограднаго листа, жемчужныя повязки по каймамъ, фоны для животныхъ изъ листьевъ и условныхъ цвѣтковъ, каннелированныя чаши и фонтаны, все это знакомо намъ изъ рукописныхъ заставокъ. Рѣщикъ выполнилъ эти орнаменты грубо, неуклюже, но передалъ еще пошибъ ранняго типа, не отступилъ ни на шагъ отъ вычурной декораціи, усвоенной живописью.

Этотъ стиль рисунковъ, эта смѣшанная декоративная манера заставляетъ отнести Синайскую дверь къ разряду любо-

пятидесятых памятниковъ эпохи, непосредственно слѣдующей за иконоборческимъ періодомъ, когда орнаментальное направление, усвоенное по преимуществу скульптурѣ, рѣзбѣ на драгоценныхъ металлахъ, по дереву и слоновой кости, было еще сильно и свѣжо. Лабартъ¹⁾ указываетъ на два изящные образца этой орнаментаціи между работами по слоновой кости: окладъ рукописи *Liber Sacramentorum* въ Монцскомъ соборѣ — работы конца IX или начала X столѣтія, и триптихъ или тройной складень Ватиканскаго Музея, изд. *Gori* въ его *Thest. vet. dipt.*, III таб. 25; исключительными темами для рѣщика послужили здѣсь растительные орнаменты съ фигурами львовъ, птицъ и фантастическихъ животныхъ, или же съ разукрашенными крестами. Предѣломъ этого направленія въ произведеніяхъ скульптуры и глиптики служить появленіе тѣхъ инкрустированныхъ бронзовыхъ дверей съ религіозными сюжетами, самые ранніе образцы которыхъ на Западѣ относятся къ концу XI вѣка, но которыя на Востокѣ должны были появиться, конечно, гораздо ранѣе. Такимъ образомъ, для нашего памятника, уже на этихъ основаніяхъ, почерпавшихъ поддержку въ стилѣ, получаемъ періодъ его происхожденія между IX и концомъ X столѣтія. Къ сожалѣнію, если характеръ буквъ въ надписяхъ двери, типы медальоновъ и крестовъ и подтверждаютъ вновь это опредѣленіе, то среди многочисленныхъ надписей, покрывающихъ дверь и начерченныхъ разными паломниками, не оказывается все таки столь древней, которая бы давала еще болѣе точныя основанія, равно какъ нѣтъ имени мастера и года работы, столь аккуратно сообщенныхъ на позднѣйшихъ памятникахъ Синайскаго монастыря. На двери имѣются также древніе бронзовые кресты (четверогонечные и равногочечные), которыхъ типъ древнѣе обычнаго въ X стол., и эмальированный диптихъ XIII вѣка Лиможской работы съ изображеніемъ Христа въ Славѣ среди эмблемъ Евангелистовъ. Наконецъ, дверь прекрасно сохранилась и, очевидно, никогда не была реставриро-

¹⁾ *Histoire des arts industr.*, 1864, I p. 47—8, pl. VIII.

вана, а различныя части запоровъ, застежекъ изъ желѣза и свинца представляютъ много любопытнаго по древности и оригинальнымъ типамъ. Всѣ врѣзанные въ дверь кресты съ кольцами вмѣсто ручекъ имѣютъ форму, предшествующую известному типу четвероконечнаго креста съ удлиненною нижнею вѣтвью IX—X столѣтій. При крайней сухости климата, кипарисовое дерево, изъ котораго сдѣлана дверь, сохранило крѣпость и плотность, тогда какъ рухлость кипарисовой двери въ базиликѣ Св. Сабины въ Римѣ была причиною многихъ переделокъ съ V—VI вѣка, когда эта дверь была исполнена.

Мозаика Синайскаго монастыря.

Мозаика Преображенія въ абсидѣ или алтарѣ церкви Синайскаго монастыря — его важнѣйшій памятникъ — представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній христіанской древности на Востокѣ и византійскаго искусства въ древнѣйшемъ его періодѣ. Но неизвѣстность этого памятника, зависящая отъ того, что доселѣ ни одинъ изъ специалистовъ археологовъ не видалъ его самолично, и отсутствіе сколько нибудь удовлетворительныхъ снимковъ были причиною того, что произведеніе это оставалось бесплодно для археологической науки. Хотя, со времени путешествія де-Лабурда въ двадцатыхъ годах¹⁾, привезшаго съ собою небрежный очеркъ какой-то туманной картины, до крайне невѣрнаго рисунка, изготовленнаго спутникомъ Авр. Норова²⁾, записки путеш-

¹⁾ Литература по вопросу о мозаикѣ Синайс. м-ря (см. списокъ путешествій въ предисловіи), представляющая нѣсколько болѣе обыкновенныхъ замѣтокъ каждаго его посетителя, не обильна: *de Laborde, Voyage dans l'Arabie Pétrée*, pl. XX; рис. повторенъ въ изд. *Rohault de Fleury, l'Évangile*, pl. XLIII, 1, и въ изд. о. *Гарручи, Storia della arte cristiana nei primi otto secoli di chiesa*, Prato, vol. IV, p. 75, tav. 268, fol. Далѣе *Эберс*, 1. с. изд. 1872 г., стр. 273—7, и 2-е изд. 1881 г., p. 283—7.

²⁾ *Норова, Авр.* Иерусалимъ и Синай. Записки втораго путеш. на В. М., 1879, съ атл. Рисункъ мозаики сдѣланъ г. Поливановымъ.

венниковъ, какъ и ни одно изданіе по исторіи искусствъ, не обходились безъ нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ мозаикѣ, но всѣ эти замѣтки, какъ и оба рисунка, не давали вовсе прочной почвы для научныхъ изслѣдованій. Рисунокъ де-Лабурда не давалъ ничего, кромѣ контуровъ, которые позволяютъ угадывать сюжетъ, и потому понятно вполне, оставлялъ полный просторъ для всякаго рода догадокъ о стилѣ, эпохѣ и значеніи памятника: одни относили его ко временамъ Константина, другіе — Юстиніана, третьи въ VII вѣку и произвольно сопоставляли съ мозаиками Рима. Рисунокъ, сообщенный въ соч. Норова, передаетъ въ хромолитографіи, повидимому, всѣ детали памятника, но смущаетъ всякаго археолога, знающаго черты древнихъ типовъ и стилей византійскаго искусства; и въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о различныхъ непонятныхъ въ древнюю эпоху формахъ и деталяхъ, на этомъ рисункѣ — всѣ головы пророковъ въ медальонахъ явно скопированы съ итальянскихъ гравюръ или современныхъ иконъ. И потому, г. проф. Усову¹⁾ въ своемъ почтенномъ трудѣ, основанномъ исключительно на данныхъ этого рисунка, пришлось идти путемъ догадокъ и ощупью отыскивать тотъ древній памятникъ, который долженъ былъ скрываться подъ новою оболочкою, накинутою на него неопытнымъ рисовальщикомъ — иконописцемъ: Намъ помнится, затѣмъ, то чувство сомнѣнія и удивленія, какое овладѣвало всѣми специалистами и знатоками, видѣвшими этотъ рисунокъ; отправляясь на Синай, я полагалъ даже возможнымъ, что подъ именемъ древняго памятника скрывается грубая и поздняя реставрація или даже цѣликомъ новая работа.

Тѣмъ болѣе пріятно было лично констатировать и убѣдиться, что древній памятникъ дѣйствительно существуетъ и сохранился въ главнѣйшихъ своихъ частяхъ, хотя многихъ другихъ уже нѣтъ, благодаря передѣлкамъ. И, хотя намъ, не-

¹⁾ Усова, С. А. Мозаики въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины на Синаѣ. М. 1879. 18 стр. съ рис., оттискъ изъ «Древностей или Трудовъ Моск. Арх. Общ.».

смотря на всѣ наши усилія ¹⁾, не удалось получить такого фотографическаго снимка, который - бы могъ послужить для убѣжденія другихъ и для полного воспроизведенія мозаики въ рисунокъ, но послѣдующее описаніе по личному наблюденію дастъ, можетъ быть, новыя свѣдѣнія о важномъ памятникѣ.

Мозаикою, какъ извѣстно, украшены слѣд. части алтаря:

1) полукруглый сводъ абсиды или алтарной ниши — самая конха или раковина съ картиною Преображенія и каймою изъ серебряныхъ медальоновъ на пурпурно-фіолетовомъ фонѣ, содержащихъ погрудныя изображенія Пророковъ; 2) оба полупаруса стѣны до верхняго карниза, отдѣленные отъ внутренняго свода узкою каймою изъ звѣздочекъ и другою широкою изъ золотыхъ медальоновъ съ птичками на малиновомъ фонѣ; по угламъ два серебряные же бѣлой величины медальона съ погрудными изображеніями, а надъ ними два ангела, летящіе съ вѣнками, и 3) двѣ картины подъ потолкомъ, по сторонамъ двойнаго окна, изображающіе Моисея передъ кущиною и Моисея же, приемлющаго скрижали; арки оконъ окаймлены малиновою каймою съ звѣздчато-лиственными орнаментами; та же кайма отдѣляетъ также и всю мозаическую декорацію отъ боковыхъ стѣнъ.

По причинамъ, которыя уяснятся тотчасъ же, намъ приходится начать съ этой третьей части или картинъ, представляющихъ Моисея у подошвы Хорива и его же на Синаѣ. Обѣ эти картины *цѣликомъ* представляютъ *позднѣйшую работу*, и по счастливому стеченію обстоятельствъ, рисунокъ г. Поли-

¹⁾ Алтарь освѣщается двумя окнами (новой работы) надъ аркою и однимъ окномъ внутри арки, внизу; свѣтъ бьетъ прямо въ аппаратъ и препятствуетъ снимку; мы должны были прибѣгать къ пособію зеркалъ, чтобы хотя отраженіемъ отъ этихъ лучей освѣтить боковыя части, что также плохо удавалось; наконецъ, снимокъ издали невозможенъ, благодаря иконостасу. Памятникъ, между тѣмъ, заслуживалъ бы быть исполненъ въ натур. величину камнями, какъ-то дѣлается французскими, мозаическими мастерскими для мозаикъ равенскихъ; но для этого надо бы было дѣлать лѣса. Даже для точнаго описанія требовалось бы устроить подмости, такъ какъ за бьющимъ свѣтомъ трудно разсмотрѣть верхнія части, въ особенности сцены подъ потолкомъ, что и было сдѣлано напр. г. Полявановымъ.

ванова передаетъ довольно близко этотъ типъ. Впрочемъ, черты его бросаются въ глаза и таковы, что не могутъ быть достаточно скрыты, чтобы не быть признанными. Слева отъ оконъ Моисей въ розовой (отъ огней купины) туникѣ, поставивъ на скалу лѣвую босую ногу и смотря вверхъ передъ собою, видимо, распутываетъ повязки недостающей сандалии; за нимъ скала (недоходящая до земли), передъ нимъ купина въ видѣ большого зеленого куста, въ листьяхъ котораго видны огни; левая (sic) Десница указываетъ однимъ пальцемъ, выходя изъ голубаго сегмента неба. Направо пророкъ, стоя между такихъ же двухъ скалъ, но одѣтый поверхъ туники въ блое покрывало, принимаетъ отъ Десницы (на этотъ разъ правая рука) скрижали въ видѣ двухъ закрученныхъ наверху сѣрыхъ досокъ. Всѣ особенности этихъ картинъ, или необычныя, или прямо неизвѣстныя въ древней живописи, указаны и г. Усовымъ, но, видимо, не доверяя рисовальщику, онъ полагалъ возможнымъ найти, такъ сказать, подъ его картиною древне-христіанскій остовъ. Между тѣмъ всѣ эти особенности указываютъ только на новую работу, которая, можетъ быть, имѣла своею точкою отправленія разрушенный отъ времени древній оригиналъ, но не оставила отъ него, по нашему убѣжденію, ни одной части древней мозаики ¹⁾. Отсюда именно объясняется и характеръ цѣлаго, и всѣ детали. Типъ Моисея выбранъ изъ новѣйшей греческой иконописи; скалы съ своими разнообразными тонами, коричневыми, зелеными и пр., представлены такъ, какъ бы въ плохой масляной картинѣ; Купина явилась въ видѣ пышнаго куста ²⁾; Десница явилась слева въ видѣ лѣвой руки, и наконецъ скрижали приняли ту форму, какую онѣ имѣютъ только съ XVI вѣка. Далѣе, мы считаемъ также подозрительною древность двойнаго окна, котораго орнамента-

¹⁾ За отсутствіемъ подмостей, я не могъ констатировать даже, что это мозаическія изображенія, а не фресковая живопись, — таковъ характеръ этихъ работъ.

²⁾ Ср. изобр. Купины въ мов. у. Св. Виталия, въ ркп. Космы Индо-плова, фрескахъ кат. Калликста, у Perret, Catac. I pl. 57, и пр.

ція уподоблена кайму арки съ медальонами изъ различныхъ птицъ и боковыхъ стѣнъ; въ рисунокѣ же Поливанова и вообще малиновый фонъ всей каймы не передаетъ точно пурпура, употребленнаго въ оригиналѣ. Мы не хотимъ, однакоже сказать этимъ, чтобы затѣмъ детали самой орнаментики были новыя, и, несомнѣнно, основной орнаментъ каймы — условная звѣзда изъ лепестковъ, извѣстная по многимъ раннимъ памятникамъ византійскаго искусства, принадлежитъ здѣсь древнему образцу.

Но реставрація, или вѣрнѣе, модернизация древней мозаики проникла и дальше, а именно въ орнаментальную группу двухъ летящихъ ангеловъ, помѣщенныхъ надъ самою аркою. Эта часть, столь тѣсно связывающая памятникъ Синая съ мозаиками Равенны, въ которыхъ мы находимъ такія изящныя по своей античности фигуры ангеловъ, увѣличивающія алтарныя арки ц. Св. Виталія и друг., казалась бы, на первый взглядъ, несомнѣнно древнею, но что же представляютъ намъ детали и самый рисунокъ фигуръ въ Синайской мозаикѣ?

Во первыхъ, фигуры обоихъ ангеловъ отличаются такимъ удлинненіемъ пропорцій, какого нельзя ни предположить себѣ возможнымъ въ древнѣйшую эпоху византійскаго искусства (до икопоборцевъ), ни объяснить себѣ напр. неумѣлостью провинціального художника или мозаиста; по нашему мнѣнію, это преувеличеніе произошло отъ передѣлки верхнихъ частей въ фигурахъ, почему и явились также детали, вовсе не соответствующія стилю и характеру основной абсидальной мозаики. Таковы голубоватая крылья ангеловъ, въ тѣневыхъ частяхъ зеленые, съ павлиньими глазками на концахъ, таковы и непонятныя драпировки гиматія, который на протянутыхъ рукахъ ангеловъ образуетъ родъ рукава. Но другія, болѣе мелкія детали, надѣмся, будутъ болѣе убѣдительно свидѣтельствовать для всякаго специалиста о своемъ позднѣйшемъ происхожденіи. Ангелы держатъ въ вытянутой рукѣ по *вѣнку*, а не по *вѣнцу*, — какъ мы видимъ безусловно на всѣхъ древнихъ памятникахъ; это вѣнки маленькія и представляютъ ободокъ вѣтки съ

листьями; они и изображены, такъ сказать, en face, не въ профиль. Очевидно, въ исчезнувшемъ оригиналѣ оба ангела или держали большіе вѣнцы, или же поддерживали большой медальонъ съ монограммою Христа, какъ-то видимъ на мозаикахъ равеннскихъ. Здѣсь мѣсто этого медальона занялъ небольшой кружокъ съ крестомъ внутри, образованнымъ изъ тѣхъ же лепестковъ на голубомъ фонѣ, и мы считаемъ совершенно бесполезнымъ пытаться объяснить себѣ этотъ убогій орнаментъ и искать въ немъ эмблему монастыря, Св. Екатерины и т. д. Именно въ этой части мозаики мы замѣтили крайне перебитые слои кубовъ и грубую работу, но въ тоже время, верхній бюстъ того ангела, который летитъ слѣва (отъ зрителя), представляетъ прекрасную и антично юношескую фигуру; составляетъ ли только эта часть остатокъ отъ древняго оригинала, рѣшить не беремъ. Наконецъ, мы можемъ не нуждаться въ остроумныхъ доводахъ г. проф. Усова, пытавшагося оправдать появленіе на головахъ ангеловъ чего-то въ родѣ пестрой чалмы съ полосами,—послѣ нашего осмотра, оказавшейся здѣсь плодомъ досужаго воображенія рисовальщика. Но за то въ рукахъ ангеловъ, дѣйствительно, находятся длинныя и тонкія жезлы съ крестиками на концахъ: въ этой формѣ мѣрила извѣстны не ранѣе XI вѣка въ миниатюрахъ, и мы считаемъ эту часть передѣлкою. Мы назвали наконецъ верхнія одежды ангеловъ гиматіями, и не находимъ нужнымъ измѣнять какъ либо это обыкновенное наименованіе; но рисовальщикъ снимка въ атласѣ Норова такъ исказилъ покрой этой одежды, что ее, пожалуй, легко смѣшать съ различными церковными облаченіями.

Что касается двухъ медальоновъ съ погрудными изображеніями, находящихся подъ ангелами, въ углу парусовъ, то мы совершенно раздѣляемъ мнѣнія Эберса и проф. Усова, что въ нихъ никакимъ образомъ нельзя видѣть портретовъ Юстиніана и Θεодоры, съ которыми эти типы не имѣютъ рѣшительно ничего общаго. Въ рисунокѣ г. Поливанова медальоны переданы сравнительно вѣрнѣе и представляютъ: лѣвый — фи.

гуру мужчины съ черною бородою и густыми всклооченными волосами; правый — женскую фигуру въ голубомъ покрывалѣ, напоминающую типъ Богородицы. Затѣмъ, изъ предложенныхъ двумя учеными догадокъ, что фигуры эти изображаютъ: Моисея и Св. Екатерину (Эберсъ), или же Иоанна Крестителя и Богородицу (Усовъ), — мы выберемъ послѣднее, какъ наиболее вѣроятное. Такимъ образомъ, мы, дѣйствительно, будемъ имѣть здѣсь, какъ вѣрно заключаетъ проф. Усовъ, по сторонамъ центрального образа Христа въ славѣ, представленіе иконы *Деисуса*, весьма извѣстной въ позднѣйшей византійской и русской иконографіи. Наше разногласіе будетъ, однакоже, заключаться въ томъ, что оба эти медальона кажутся намъ также весьма позднего происхожденія и, во всякомъ случаѣ, по своему рисунку, краскамъ, ничего не имѣютъ общаго съ центральною аркою. Самую икону Деисусъ мы не знаемъ, кстати, ранѣе XI столѣтія и въ первый разъ встрѣтили ее въ рукописи I. Блимака Синайской библіотеки XII вѣка (см. ниже).

Въ отличіе отъ этихъ частей синайской мозаики, которыя, по нашему мнѣнію, ясно представляютъ или и вовсе позднѣйшую работу, или же передѣлку и реставрацію, центральный отдѣлъ, т. е. самая мозаика Преображенія, съ окаймляющимъ ее бордюромъ изъ медальоновъ, оказывается столько же древнимъ, сколько и замѣчательнымъ памятникомъ ранняго византійскаго искусства, заключающимъ въ себѣ важнѣйшія данныя для иконографіи: достаточно указать на одинъ общій фактъ — *отсутствіе нимбовъ* (кромя Христа), чтобъ понять ихъ значеніе. Лишь очень немногія сравнительно части реставрированы, но передѣлка здѣсь рѣзко выдѣляется отъ общаго тона и самыхъ словъ и потому можетъ быть, если не прямо узнана, то отгадана.

И, однакоже, наблюдая вообще стиль всего цѣлаго, нельзя не замѣтить извѣстнаго различія въ типахъ медальоновъ съ главнымъ изображеніемъ, а именно: тогда какъ первые стоятъ замѣчательно близко къ равеннскимъ оригиналамъ, второе, видимо, удаляется отъ нихъ. Мы начнемъ, поэтому, съ

первыхъ. Рисунокъ г. Поливанова ¹⁾ (кромя немногихъ, сравнительно вѣрнѣ переданныхъ верхнихъ медальоновъ) въ данномъ случаѣ только вводитъ всѣхъ въ заблужденіе, и я, въ частности, отправляясь на Синай, ожидалъ именно въ этой части найти совершенно новую работу, — *итальянщину*, какъ говорятъ иконописцы. По нижнему поясу кайма содержитъ 17 медальоновъ съ изображеніями 4 большихъ и 12 малыхъ пророковъ съ Давидомъ въ центрѣ; по каймѣ расположены 12 медальоновъ съ Апостолами по сторонамъ золотого, равноконечнаго креста въ кругу; наконецъ, въ углахъ сходящихся коймъ находятся медальоны Іоанна діакона (слѣва) и Логгина игумена (справа). Всѣ медальоны имѣютъ серебряный фонъ и отдѣлены другъ отъ друга внизу—стилизованннми линіями,—вверху, по аркѣ—стилизованнми же пальметтами; орнаментъ представляетъ двѣ цвѣтныя чашечки по ту и другую сторону стержня или смыкающей багетки; образцы этого орнамента въ болѣе сложной, но менѣе ясной архитектурической формѣ встрѣчаются въ каймахъ равенскихъ мозаикъ ц. св. Виталія. Затѣмъ фонъ нижней каймы золотой, арочной — лилово-зеленый, т. е. древняго пурпура; всѣ изображенія снабжены надписями по сторонамъ головъ.

Легко понять порядокъ размѣщенія Апостоловъ: по сторонамъ креста помѣщены медальоны Андрея и Павла, причемъ Андрей заступилъ мѣсто Петра,—котораго изображеніе дано въ картинѣ—, какъ братъ, какъ первозванный и второй Апостолъ въ спискѣ Ев. Маттея; остальные расположены по тому же списку, при чемъ наблюдается соотвѣтствіе той и другой стороны; Іуда замѣненъ Маттеємъ; перечень фигуръ удобнѣе начинать слѣва. Первое изображеніе *Луки* представляетъ оригинальную черту въ иконографіи: извѣстно, что изъ всѣхъ Евангелистовъ онъ изображается обыкновенно наиболѣе молодымъ, съ маленькою черною бородкою; здѣсь же, напро-

¹⁾ Самъ Норовъ 1. с. стр. 87 замѣчаетъ, что не ручается за вѣрность рисунка въ этой части.

тивъ того, мы видимъ Луку *сѣдымъ*, и типъ его напоминаетъ близко Ап. Петра. И, однако, этотъ самый типъ мы находимъ и въ мозаикахъ ц. св. Виталія и ц. св. Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ¹⁾, гдѣ тоже округлое лицо, также небольшая, сѣдая борода. Ап. *Симонъ Зилотъ*—тяжелый, грузный мужчина съ продолговатою бородою. *Иаковъ Алфеевъ*—молодой и черноволосый, борода только опушаетъ лицо—подобный типъ въ медальонахъ церкви св. Виталія и капеллы св. Петра Хризолога въ Равеннѣ²⁾. *Маркъ*, съ длинною сѣдою бородою, какъ у египетскихъ отшельниковъ; въ ц. св. Виталія также сѣдъ, но борода круглая. *Варроломей* въ типѣ полного мужчины, съ темнокаштановою густою бородою; напротивъ того, въ церкви Виталія и въ капеллѣ Хризолога видимъ молодого и пріятнаго лицомъ Апостола съ коротко-остриженными волосами и легкою бородкою. Апостоль *Андрей* сѣдъ, волосы развѣваются кругомъ головы: замѣчательное тождество этого любопытнаго типа представляютъ медальоны въ ц. Виталія и въ той же архіепископской равеннской капеллѣ, на которыхъ волосы Апостола, какъ бы поднявшіеся дыбомъ, окружаютъ своего рода ореоломъ оригинальный варварскій типъ³⁾. Считаемо вообще указанный типъ наиболее осмысленнымъ въ иконографіи Апостола. Справа отъ креста Ап. *Павелъ* ближе всѣхъ подходит къ обычному типу, но не имѣетъ лысины; одутловатая фигура; борода темнокаштановая. *Филиппъ*, на оборотъ, имѣетъ остроконечную черную бороду, тогда какъ обыкновенно онъ изображается или юнымъ и вовсе безбородымъ, или же съ небольшою бородкою, какъ напр. въ медальонѣ упомянутой капеллы; но, опять таки, въ ц. св. Виталія, типъ Апостола тождественъ съ сипайскимъ⁴⁾. Далѣе, *Томъ* юнъ и безбородъ; оригинальное лицо совершенно тождественно съ медальономъ въ ц. св. Виталія (также фотогр.) но во взглядѣ, брошенномъ

¹⁾ Фотографіи г. Луиджи Риччи, №№ 19 и 19, tavole aggiunte.

²⁾ Тѣ же фотографіи, №№ 15 и 29 tav. agg.

³⁾ Тамъ же, №№ 29 и tav. d'agg. 17.

⁴⁾ Тамъ же, № 17.

направо, мозаистъ послѣдняго изображенія, явно искалъ выразить нѣкоторое легкомысліе и свойственный ему скептицизмъ, тогда какъ синайскій медальонъ изображаетъ болѣе простоватаго, толстаго юношу¹⁾). Во всякомъ случаѣ, оба эти изображенія, по нашему мнѣнію, лучше другихъ въ древнехристианскомъ искусствѣ. Типъ *Матвея* Евангелиста, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, близокъ къ каноническому, грузенъ и сѣдъ, но далеко не такъ суровъ и тяжелъ, какъ въ тѣхъ же двухъ равеннскихъ церквахъ. Ап. *Фаддей* черноволосый и полный, довольно близокъ по типу съ изображеніемъ въ капеллѣ Хризолога, гдѣ фигура Апостола съ тонкими чертами лица и острою небольшою бородкою должна, конечно, считаться болѣе типическою²⁾). Наконецъ, фигура *Матѳіа* (ошиб. *Манѳіаса*) въ Синайской мозаикѣ съ большою сѣдою бородою и короткими, сѣдыми же волосами, очевидно, уподоблена извѣстному типу Ев. Матвея и отстываетъ, поэтому, отъ молодого типа капеллы Хризолога.

Много любопытнаго и оригинальнаго представляютъ также образы Пророковъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ руководства равеннскихъ мозаикъ и должны ограничиться миниатюрами рукописей, правда, или современныхъ предполагаемой датѣ синайскихъ мозаикъ, или немногими позднѣйшихъ: таковы Россанскій кодексъ Евангелія³⁾, рип. Космы Индоплова Ватиканской бібліотеки и «Пророки» Туринской біблі⁴⁾). Первая фигура слѣва въ синайскихъ мозаикахъ пред-

¹⁾ Напротивъ, въ Капеллѣ Хризолога, еот № 33 tav. agg., типъ Ап. съ чертами Варооломея странно отстываетъ отъ принятаго, но такъ какъ ниже помѣщенный Матѳіей изображенъ, какъ Фома, то полагаемъ, что здѣсь надпись была ошибочно помѣщена, или даже, вѣрнѣе, перепутаны при реставраціи.

²⁾ Въ ц. Св. Виталія, еот. № 20, типъ строже, борода гуще и длиннѣе, такъ что фигура приближается къ Синайской мозаикѣ.

³⁾ Gebhart u. Harnack, Evangeliorum codex Rossanensis. L. 1880. Проф. Усова. О миниатюрахъ и пр. М 1881. Но изъ пророковъ этой рип. вид. только 4 еиг. (Таб. III) и, повидимому, неудовлетворительно.

⁴⁾ См. мою «Исторію виз. иск. и иконогр. по миниат.», иконогр. указ. *Θ. И. Буслаева* «Общія понятія о русск. иконоп.» въ Сборникѣ общ. древнерусскаго иск. за 1866 годъ, стр. 86 слѣд.

ставляетъ *Даніила* юнаго и безбородаго, въ лиловопурпурной хламидѣ, застегнутой напередѣ золотою фибулою; на головѣ пророка шапочка (персидская митра), шестигранная, съ зеленою гранью посреди; волосы выбиваются вудрями. Тяпъ, однакоже, значительно отошелъ отъ античнаго, прелестнаго образа юноши, котораго находимъ въ Ватик. рукописи. *Іеремія* съ курчавыми волосами и небольшою черною бородою, смотритъ прямо передъ собою; замѣтимъ сходство съ типами въ указ. рукописи и мозаикѣ ц. Св. Виталія. *Малахія*—съ длинными сѣдыми волосами и окладистой бородой. *Аней* съ черноватою бородою, но лысъ; между тѣмъ въ ркп. Космы юнъ и безбородъ¹⁾. *Аввакума* курчавъ, съ бородкою, сѣдъ; напротивъ того, въ туринской миниатюрѣ видимъ изящный типъ юноши, въ ркп. Космы Аввакумъ молодъ, но имѣетъ небольшую бородку. *Іона*—грузный человекъ, лысъ и сѣдъ—тоже и въ туринскомъ спискѣ. *Іоиль* юнъ, съ темнокаштановыми волосами; наоборотъ, въ туринской миниатюрѣ, Іоиль въ типѣ пожилаго мужчины, а по русскому подлиннику, онъ «сѣдъ, аки Ілія», слѣдовательно и «восмать», т. е. въ известномъ аскетическомъ типѣ Іоанна Предтечи, Іліи, Андрея и др. *Амосъ* съ просѣдою — въ Ватиканской рукописи юнъ и безбородъ. Наибольше любопытно и важно изображеніе *Давида* посреди Пророковъ: онъ представленъ юнымъ и безбородымъ, въ родѣ известнаго типа царя Соломона; на головѣ Давида діадема изъ створокъ или граней, съ крестомъ посреди. Слѣдовательно, въ основу мозаического изображенія положенъ тотъ древнѣйшій типъ Орфея, юнаго пастыря, съ которымъ Давидъ представляется въ иныхъ миниатюрахъ псалтырей, тогда какъ обычный образъ престарѣлаго царя устанавливается уже съ IX вѣка въ монументальномъ искусствѣ и парадныхъ миниатюрахъ. *Осія* — сѣдой старикъ съ короткою округлою бородою и длинными волосами: въ ркп. Космы—молодъ, бородка какъ у Аввакума. *Михей* — приблизительно тождественный

¹⁾ Атласъ къ «Ист. виз. иск. и искон.», табл. VII.

типъ съ рукописью Туринскою — пожилаго, съ сѣдиною въ волосахъ, мужа борода остроконечная, волосы курчавы. *Авдій* и *Наумъ* — тоже; отношеніе по типамъ мозаики и реп. Космы, какъ для Аввакума; притомъ Авдій имѣетъ круглую бороду и молоде. *Софонія* — пожилой, съ лысиною; на головѣ чубъ: въ спискѣ Космы онъ безбородъ. *Захарія* — сохранилъ юношескій типъ, какъ въ туринской миниатюрѣ, тогда какъ въ Ватик. реп. пророкъ представленъ сѣдымъ: въ мозаикѣ Захарія держитъ пастушескій посохъ, а въ послѣдней рукописи около него серпъ. Типы *Исаія* и *Иезекіиля* приблизительно сходны съ изображеніями ихъ въ указанной рукописи и мозаикахъ церкви Св. Виталія, но оба пророка здѣсь много молоде. Особенно *Исаія* представляетъ замѣчательный типъ горячаго темперамента, съ рѣзкими, нѣсколько негритянскими чертами; волосы темны, шапкою. *Иезекиль* съ легкою просѣдою. Наконецъ два послѣдніе угловые медальона, любопытные въ историческомъ отношеніи, представляютъ налѣво — *Іоанна діакона* (Ἰωάννης ὁ διάκονος), по типу сходнаго съ изображеніями извѣстнаго І. Лѣствичника: продолговатое лицо, съ черною, остроконечною бородою, большимъ, открытымъ лбомъ (какъ у І. Златоуста); на головѣ его лиловокоричневый, четырехугольный кукуль¹⁾ Въ правомъ медальонѣ изображенъ Игуменъ Логгінъ, пожилой и одутловатый мужчина, въ такомъ же четырехугольномъ и подобнаго цвѣта монашескомъ кубукліи.

Оставляя пока въ сторонѣ общую постановку данныхъ объ установленіи иконографическихъ типовъ какъ Апостоловъ, такъ и Пророковъ, въ монументальномъ искусствѣ Византіи, замѣтимъ, что изъ представленнаго нами краткаго очерка от-

¹⁾ *Cuculla, cucullio*, см. Smith and Cheetham, Dict. of christ. antiqu. v. См. также П. Казанскаю, «Исторія правосл. монаш. на Востока», М 1872, стр. 11: «кукуль — дѣтская шапочка, до шеи, символъ незлобія въ V — VI вв., указ. въ патерикѣ Фотія; чернаго цвѣта». Здѣсь, во первыхъ измѣненъ цвѣтъ, во вторыхъ, недостаетъ пурпурнаго креста, нашивавшагося на верхъ. Ср. фреску Уругба въ Каппадокіи: *Tezier, Archit. byz. pl. V.*

ношеній Синайской мозаики къ равенскимъ памятникамъ того же вида и миниатюрамъ, явствуетъ: 1) сходство или близость между собою мозаическихъ изображеній, 2) античный, еще не опредѣлившійся характеръ тѣхъ же изображеній въ миниатюрахъ, 3) значительныя отступленія или движеніе впередъ въ опредѣленномъ аскетическомъ направленіи въ Синайской мозаикѣ въ особенности, и 4) перевѣсъ, который съ теченіемъ времени, пріобрѣли иконографическіе типы миниатюръ, благодаря ихъ распространенности, и переходъ ихъ въ русскую иконопись. Въ частности же, для самой Синайской мозаики путемъ этого сличенія мы приходимъ къ выводу, что ея типы уже значительно отошли по пути *историческаго* направленія живописи, установившагося въ VI—VII столѣтіяхъ, и покидая античныя, символическія формы, держатся древнихъ образцовъ, представляемыхъ Равенною, лишь въ общемъ пошибѣ. Иначе говоря, эти типы восполняютъ тотъ наиболѣе темный промежутокъ или пробѣлъ, который, подъ именемъ иконоборческой эпохи, составляетъ переходъ отъ вѣка Юстиніанова къ періоду Македонской династіи и извѣстенъ намъ лишь по слабымъ и второстепеннымъ даннымъ нѣсколькихъ лицевыхъ рукописей VIII—IX столѣтій.

Эти общіе выводы и взгляды подтверждаются, затѣмъ, содержаніемъ и стилемъ центральной мозаики. Рисунокъ г. Поливанова передаетъ довольно близко композицію фигуръ и отчасти стиль, но грѣшитъ въ деталяхъ и особенно въ типахъ лицъ, что въ данномъ случаѣ едва ли не важнѣйшее обстоятельство для сужденія о времени происхожденія мозаики Преображенія.

Христосъ, облеченный въ бѣлый хитонъ и бѣлый же гиматій съ золотыми клавами, стоитъ внутри голубаго миндалевиднаго ореола, благословляя именованно десницею передъ собою и держа въ лѣвой рукѣ свитокъ; фонъ ореола около фигуры сдѣланъ темносинимъ, для усиленія интенсивности одежды бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и отдѣленъ особою чертою; вторая полоса рядомъ голубаго цвѣта и третья, крайняя или внѣшняя—

свѣтло-голубая. Такимъ образомъ, для этого тройнаго пояса сянїи всего естественнѣе принять древнїя наименованїя *εἴδαξ* и *μερῆαι*, — какими обозначены четыре неба у подножїа Христа — Судїи въ рукописи Космы Инд.¹⁾ Далѣе, отъ тѣла Христа исходятъ шесть серебряныхъ лучей, а голова его окружена серебрянымъ нимбомъ съ золотымъ крестомъ. Типъ Христа представляетъ крайне важное посредствующее звено между древнѣйшими историческими типами, какіе знаемъ въ мозаикахъ Равенны и рукописяхъ V—VI столѣтїй, и сложившимся окончательно въ IX вѣкѣ каноническимъ изображенїемъ. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе самой серїи предшествующихъ изображенїй, замѣтимъ, какъ самое существенное, родство типа Синайскаго съ фигурою Христа въ Евангелїи Рабулы съ одной стороны и миниатюрами Хлудовской Псалтыри. Лицо еще округлое, не удлиненаго типа, глаза большіе и широко-открытые, бровы густыя, волосы, падающїе на плеча, борода небольшая, остроконечная. Разница съ указанными образцами будетъ заключаться въ темно-каштановомъ цвѣтѣ волосъ и тонкомъ, длинномъ носѣ, но существенныя черты прежняго типа еще сохранены, какъ удержано и мягкое, кроткое выраженїе лица, смѣнившееся въ мозаическомъ типѣ X—XI стол. строгостью, почти жестко-суроваго характера²⁾. По сторонамъ Христа, справа стоитъ на землѣ Илїа, слѣва — Моисей (на мозаикѣ въ ц. S. Apollinare in Classe въ Равеннѣ и другихъ памятникахъ расположенїе обратное) Фигуры пророковъ имѣютъ между собою много сходнаго, родственнаго: обѣ грузны, тяжелолаты и представляютъ пожилыхъ мужщинъ, но Илїа моложе, и волосы его не имѣютъ сѣдины, какъ у Моисея. Илїа, кро-

¹⁾ «Исторїа виз. иск.» р. 97.

²⁾ Сужденїе о типѣ Христа въ Синайской мозаикѣ, за отсутствїемъ необходимыхъ иллюстрацій, мы принуждены отложить до общаго обзора всѣхъ фазисовъ развитїа историческаго типа Спасителя. Здѣсь же замѣтимъ только, что эта важнѣйшая часть христіанской иконографїи остается до селѣ не тронутаю, и что соч. Дидрона «Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu», исследующее въ подробности всѣ типы и детали символическія, даетъ едва двѣ, три (260—2) страницы по вопросу о развитїи типа историческаго.

иъ того, представляет собою любопытный типъ аскета, нѣ- сколько грубаго характера, съ влокастою бородою; поверхъ лиловокоричневаго хитона, на немъ надѣта милоть, иъхомъ внутрь, съ покрышкою изъ матеріи того же цвѣта. Но на нашъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ нѣкоторыя черты этого типа Иліи кажется модернизациею, и подобный ему типъ аскета въ фигурѣ Іоанна Крестителя на барельефѣ (слоновой кости) ка- еедры Максимиана въ Равеннѣ рѣшительно инаго характера инаго стиля; тамъ волосы распущены по плечамъ, борода длинная и волнистая, во всемъ видна ясная простота античной манеры; здѣсь неуклюжій образъ аскета съ претензіею на эффектъ. Еще страннѣе для насъ жестъ Иліи, который лѣвою рукою держится за шнуръ пояса (?) и странная, явно позднѣйшая деталь, въ изображеніе милоти. Милоть, какъ объяснялъ еще Пахомій, была просто овечья шкура, надѣвавшаяся отъ вѣтра пастухами и прерывавшая или грудь, или спину или-же бока, и потому застегивавшаяся, смотря по обстоятельствамъ, то на груди, то на лѣвомъ плечѣ; но эта натуральная шкура—что очень понятно — надѣвалась всегда иъ- хомъ вверхъ, какъ и представленъ на упомянутомъ изображеніи Предтеча, тогда какъ на синайской мозаикѣ видимъ обратное ¹⁾. Еще болѣе затрудненій представляетъ для объясненія фигура Моисея. Во первыхъ, голова этого Моисея съ длинными сѣдыми волосами и обладистою, сѣдою-же бородою, напоминаетъ намъ даже фигуру Иліи въ мозаикѣ S. Apol. in Cl. въ Равеннѣ и невольно вызываетъ вопросъ: не произошло-ли здѣсь путаницы подъ рукою реставратора, причемъ Илія, бывшій налѣво отъ Христа, какъ въ той мозаикѣ, сталъ Моисеемъ. Во вторыхъ, правая рука Моисея, благословляющая по направленію къ Христу, явно передѣлана искуснымъ возобновителемъ: она грузна и толста до нельзя, и слои мозаики

¹⁾ Въ куполѣ известной ц. *Мартораны* или S. Maria del Ammiraglio въ Палермо находимъ изображеніе Иліи въ такой же милоти — шубѣ съ покрышкою;—мозаики эти—произведеніе 1113—1143 гг. По имѣющейся у насъ фотографіи.

кругомъ ея ясно перепутаны. Далѣе: длинные волосы пророка образуютъ такія завитки на концахъ, которымъ ужь, конечно, не найдется другаго примѣра въ древнемъ искусствѣ. Наконецъ, должно отмѣтить и то главнѣйшее обстоятельство, что во всемъ византійскомъ искусствѣ, до позднѣйшаго времени, мы знаемъ изображеніе Моисея юнымъ и безбородымъ па-стыремъ; всюду: въ мозаикахъ церквей Св. Виталія и Аполлинарія, миниатюрахъ Космы Инд.¹⁾ и пр., Моисей — ветхозавѣтный прообразъ Христа — обязательно представляется молодымъ. Однакоже, мы находимъ и примѣръ (пока единственный) изображенія Моисея пожилымъ и даже сѣдымъ въ миниатюрахъ, а именно въ рукописи IX вѣка Словъ Григорія Бого-слова въ Амвросіанской библ. въ Миланѣ (за № 49 и 50)²⁾, въ которой всѣ пророки, кромѣ Даниила, изображены старца-ми, и самъ Моисей представленъ сѣдымъ. Важность этого образа, въ сопоставленіи съ мозаикой, усиливается и тѣмъ, что иллюстраціи этой рукописи, грубо монашескаго издѣлія, копируютъ древній оригиналь, какъ мы легко можемъ усмотрѣть изъ ихъ содержанія.

Ниже Христа, — притомъ такъ, что одна фигура Петра приходится подъ ореоломъ, а двѣ остальные по его сторонамъ, въ промежуткахъ между Христомъ и Ілією съ Моисеемъ, — представлены въ живыхъ позахъ три апостола: Іоаннъ, Іаковъ и Петръ; вмѣсто обычнаго холма, представляющаго собою Оаворъ, или даже трехъ холмовъ, какъ напр. на мозаической иконѣ XII — XIII вѣка въ Луврѣ³⁾, на которыхъ размѣщены Христосъ возносящійся, Ілія и Моисей, — здѣсь, кромѣ Христа, всѣ фигуры стоятъ на ровной зеленоватой полосѣ земли. Въ той же иконѣ и фигуры апостоловъ сгруппированы и въ отдѣльности скомпонованы гораздо удачнѣе, а именно: Петръ

¹⁾ «Исторія виз. иск. и иконогр. по миниат.», мѣста по указат. имени «Моисей».

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

³⁾ Иск. Лабартонъ, Hist. des arts industriels, Atlas pl. 120; безъ достаточныхъ причинъ отнесена авторомъ къ X вѣку.

справа отъ Христа, ставъ на одно колѣно, обращается ко Христу; Іоаннъ, павъ ницъ подъ Христомъ, закрываетъ лицо свое, а Іаковъ, стоя на колѣнахъ, выражаетъ изумленіе. Но эта композиція вся соткана изъ разныхъ условностей, схемъ, принятыхъ въ художественномъ обиходѣ, непонятныхъ мастеру и имъ, поэтому, обезображенныхъ; мелкія, угловатая и рѣзущія складки одеждъ, мыльные наливны на одеждахъ, все включительно до излюбленной охры, представляетъ застывшее искусство. Въ мозаикѣ синайской композиція груба, почти также, какъ въ римскихъ и равенскихъ мозаикахъ V вѣка (ср. пророковъ и апостоловъ въ усыпальницѣ Галлы Плацидіи), но отличается еще жизнью: юный Іоаннъ и Іаковъ, взмахнувшіе обѣими руками и ослѣвленные лицезрѣніемъ преображеннаго Христа, хотя поставлены въ уродливой симметріи, живы и натуральны; въ фигурѣ Пѣтра, ползущаго (sic) по землѣ и поворачивающаго кверху голову, чтобы посмотрѣть, много простаго натурализма. Эти безхитростные приемы, свойственные искусству, перешедшему въ эпоху иконоборства въ исключительное достояніе монашества, и выработанному имъ аскетическому направленію, отражаются и въ типахъ, и въ одеждахъ. Типы апостоловъ, прекрасно сохранившіеся и явно чуждые всякой реставраціи, сохранили еще античныя контуры, данные мозаиками Равенны, и древнюю характерность; но по лицу молодого Іоанна уже прошли тѣ характерныя морщины около рта, которыя знакомы намъ въ миниатюрахъ IX—X столѣтій; носъ сталъ тоньше, суше и длиннѣе, хотя большіе глаза, мягкость чертъ остались прежнія. Одежды апостоловъ, какъ и всѣхъ описанныхъ фигуръ въ мозаикѣ сохранили также широкую античную драпировку, которая, правда, утратила красоту складокъ, покой, ищетъ уже эффектовъ въ складкахъ, прилегающихъ плотно къ тѣлу, но моделирована съ умѣньемъ и виѣсть простотою.

Итакъ, какія историческія данныя и указанія стиля почерпаемъ мы изъ самаго памятника для опредѣленія его эпохи? Мы видѣли: 1) что типы синайской мозаики, хотя находятся

еще въ тѣсной связи съ иконографіею равеннскихъ мозаикъ, однакоже удаляются отъ нихъ по пути дальнѣйшаго развитія историческихъ идеаловъ; 2) что въ этомъ развитіи замѣчается, кромѣ дифференцированія общаго античнаго типа, даннаго Равенною (мозаики въ усыпальницѣ Галлы Плацидіи), и несомнѣнное вліяніе аскетическаго принципа, внесеннаго въ искусство православнымъ монашествомъ на Востокъ, 3) но также, что въ исторіи развитія стиля синайская мозаика далеко не достигаетъ ни той схематической манеры, ни тѣхъ художественныхъ пріемовъ, которыми отличается византійскій стиль IX—X столѣтій¹⁾. Одежды имѣютъ широкую, античную драпировку, округлыя и свободныя складки, и цвѣта этихъ одеждъ носятъ еще на себѣ тотъ характеръ Юстиніанова вѣка, въ теплыхъ промежуточныхъ тонахъ, который такъ рѣзко мѣняется съ IX вѣкомъ; мы не видимъ здѣсь вовсе одеждъ голубыхъ и розовыхъ, попеременно чередующихся, а напротивъ, коричневато-лиловой пурпуръ древнихъ, бѣлый и зеленый цвѣтъ по преимуществу; простота окраски напоминаетъ еще работы V—VI столѣтій. Тому же соотвѣтствуетъ широкая моделировка, еще довольствующаяся простыми пріемами древне-христіанской мозаики.

Итакъ, по стилю и типамъ мозаика Синайскаго монастыря должна относиться *къ концу древнѣйшаго періода* византійскаго искусства. Эта эпоха, какъ нельзя болѣе ясно, представлена въ сюжетѣ и самой его композиціи.

¹⁾ Въ виду крайней малочисленности—кромѣ миниатюръ—памятниковъ собственно византійскаго искусства, въ эпоху VII—IX стол., должно и можно пользоваться мозаиками римскими, въ которыхъ уже теперь, при нашемъ отнositельно слабomъ знаніи древнѣйшаго византійскаго искусства, мы открываемъ постоянное и сильное его вліяніе. Таковы мозаики: Св. Нерее и Ахиллея (795 — 816), ораторіи папы Іоанна VII въ Ватиканѣ (706 — 7), S. Maria in Dominica (817—824), Св. Пракседы (тоже), Св. Цециліи (тоже), Св. Марка (827 — 844), Св. Маріи въ Трастевере (855 — 8) и другихъ. Синайскую мозаику должно поставить между этими памятниками и мозаиками: Аполлинарія во елотѣ въ Равеннѣ (671—7), Рима: Св. Агнесы (626—638), ораторіи Св. Венанція въ Латеранѣ (637—642), Св. Стевана Круглаго (642—9) Св. Севастіана въ ц. S. Pietro in Vincoli (680 г.).

Извѣстно, что именно въ VII—VIII стол. закончена была въ сочиненіяхъ Софронія, патріарха Іерусалимскаго и Германа Константинопольскаго ¹⁾ мистическая теорія храмовой архитектуры, и различнымъ частямъ церкви приданы соотвѣтствующія литургическія назначенія или духовный смыслъ; согласно съ этимъ осмысленнымъ типомъ церкви, совершалась и роспись ея, и вызывалось появленіе въ искусствѣ новыхъ сюжетовъ. Изъ нихъ сюжетъ Преображенія Господня замѣнилъ, какъ историческая композиція изъ Евангелія, символическое изображеніе Христа, дающаго законъ и возвѣщающаго миръ Петру и Павлу; это былъ образъ откровенія Славы Господней въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, наиболѣе приличный для украшенія алтаря. Но какъ сюжетъ этотъ, главнымъ образомъ, заключалъ въ себѣ любимую идею Восточной Церкви о примиреніи стараго съ новымъ, іудейства съ христіанствомъ, такъ и изображенія его до позднѣйшаго времени относятся прямо или косвенно къ византійскому искусству. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ сомнительнаго барельефа, изданнаго Даженкуромъ, и саркофага изъ Остіи (у Миллена)—неопредѣленной эпохи (по крайней мѣрѣ, для меня, не издавнаго самыхъ памятниковъ) ²⁾, мы имѣемъ, кромѣ Синайской мозаики, лишь два монументальныхъ изображенія сюжета: въ алтарной мозаикѣ ц. Св. Аполлинарія во флотѣ въ Равеннѣ (574—595 гг.) и мозаикѣ триумфальной арки ц. Свв. Неря и Ахиллея въ Римѣ (795—816). Кромѣ того, встрѣчаемъ сюжетъ Преображенія въ миниатюрахъ греческихъ рукописей: *Евангелія* IX—X стол. въ Имп. Пуб. Библ. за № 21 (сохранилась лишь нижняя часть сюжета), *Словъ Григорія Богослова* въ Нац. Париж.

¹⁾ Софронія п—ха (629—638), λόγος περιέχων τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἱστορίαν v. Aug. Mai Spicil. Rom. t. IV, 31 и Migne, P. gr. c. c. t. III, p. 3981—4001. Германа (715—740) Ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ καὶ μυστικὴ θεωρία, Migne ibid. t. 98, p. 384 sq.

²⁾ См. въ перечнѣ изображеній у Martigny, Dict. d. ant. chr., v. Transfiguration, при чемъ авторъ указываетъ рѣдкость изображеній сюжета на западѣ.

библ. № 510, IX вѣка и другихъ позднѣйшихъ. Остальные памятники относятся уже къ XII—XIII столѣтіямъ, но также исключительно греко-восточнаго происхожденія.

Много разъ было уже указано на символическій характеръ равеннской мозаики, въ которой Христа заступаетъ крестъ, украшенный драгоценными камнями и снабженный ореоломъ и медальономъ въ перекресть съ погруднымъ изображеніемъ Христа; Моисей и Илія представлены здѣсь, на подобіе эмблемъ Евангелистовъ, въ облакахъ, закрытые ими на половину, — это, слѣдовательно, эмблемы откровенія Ветхаго Завета. Мозаика эта, однакоже, сближается съ синайскою, въ томъ, что по сторонамъ арки, содержащей Преображеніе и Св. Аполлинарія среди агнцевъ, изображены два архангела: Михаилъ и Гавріилъ, держащіе лабарумы: тоже какъ-бы архангелъ ветхозавѣтный и новозавѣтный? Вообще же, удостоверить въ греческомъ типѣ всей композиціи этой картины можно лишь сравненіемъ съ другими равеннскими мозаиками, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить особо въ другомъ мѣстѣ. Равнымъ образомъ, только нѣкоторыя детали этой мозаики и композиціи другой въ церкви Св. Нерее носятъ на себѣ вліяніе традицій римской школы¹⁾, и, что особенно замѣчательно, по сторонамъ Преображенія въ послѣднемъ случаѣ изображены Благовѣщеніе (по гречески, съ веретеномъ) и Слава Божіей Матери съ младенцемъ на рукахъ, охраняемой Архангеломъ—т. е. повторены опять два архангела. Эти подробности имѣютъ капитальное значеніе для пониманія многихъ сюжетовъ равеннскихъ и Константинопольскихъ мозаикъ, о чемъ позволимъ себѣ также сказать въ своемъ мѣстѣ. Но изображеніе сюжета въ ц. Св. Нерее представляетъ и манеру болѣе древнюю: тема обработана въ стилѣ древне-христианскаго барельефа; всѣ фигуры помѣщены на одномъ уровнѣ, и Апостолы приближаются, только преклоняясь до земли, къ

¹⁾ Изображена (кроме фотографіи Паррелля) въ изд. *Garrucci, Storia della arte cristiana, tav. 284.*

Христу; въ Синайской мозаикѣ художникъ уже переходитъ къ раздѣленію композиціи на двѣ части: верхнюю и нижнюю, или Христа съ Пророками и Апостолами, что затѣмъ и развито окончательно въ указанныхъ миниатюрахъ, мозаической иконѣ Лувра и Флорентійской ризницы, согласно съ общимъ параднымъ стилемъ IX — X стол. «Ерминія» или подлинникъ Діонисія Фурнографіота описываетъ сюжетъ такъ: «Преображеніе. Изображается гора съ тремя вершинами; на средней стоитъ Христосъ въ бѣлыхъ ризахъ и благословляетъ. Изъ него исходитъ свѣтъ съ лучами. По правую сторону Его Моисей, держащій скрижали, а по лѣвую Илія стоятъ на вершинахъ, оба молясь, и смотрятъ на Христа. Ниже Петръ, Іаковъ и Іоаннъ припали къ горѣ, но смотрятъ вверхъ въ изумленіи». Итакъ, уже въ подлинникѣ значительно смягчено грубое выраженіе страха, которое уподобляетъ Христа съ Апостолами Императору съ его подданными, но извѣстно также, какъ изъ этого византійскаго образца Рафаэль сумѣлъ сдѣлать дивную религіозную картину.

Всѣ общія соображенія и доводы были-бы въ данномъ вопросѣ, можетъ быть, второстепенными, если-бы мы владѣли въ строчной надписи, окаймляющей снизу центральную мозаику Преображенія, и другой на правомъ концѣ фриза медальоновъ, дѣйствительно, точную дату. На самомъ дѣлѣ, этого нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, извлечь ее въ настоящее время изъ надписей не представляется способовъ.

Первая надпись читается:

EN ONOMATI $\overline{\text{прс}}$ К $\overline{\text{об}}$ КАГІС $\overline{\text{πнс}}$ ГЕГОНΕΝ ΤΟ ΠΑ-
 ΝΕΡΓΟΝ ΤΩΤΟ ΥΠΕΡ ΣΩΤΗΡΙΑΣ ΤΩΝ ΚΑΡΠΟΦΟΡΗ-
 ΣΑΝΤΟ ΕΠΙ ΔΟΓΜΙΝΣ ΤΣ ΟΣΙΩΤΗΡΕΨ ΚΗΓΣΜ:

Вторая:

СПΣΔН ΘΕΟΔΩΡΟΥ ΠΡΕΣΒ ΚΑΕΤΤ(Υ?) ΙΝΔΔΙ

Мы считаемъ первую надпись по формѣ буквъ позднѣйшаго происхожденія, противъ указанныхъ въ ней фактовъ и именъ, какъ и надпись на воротахъ, называющую игумена Ду-

*

ла при Юстиніанѣ. Всѣмъ достаточно извѣстны подобныя при-
мѣры надписей на христіанскомъ Востокѣ; факты, въ нихъ
указываемыя, иногда исторически точны, иногда-же сообщаютъ
только преданіе, хотя изъ послѣдняго обстоятельства еще не
вытекаетъ прямо ихъ недостоверность. Извѣстно также, какія
трудности и неясности представляетъ палеографія монументаль-
ныхъ византійскихъ надписей.

Но мы имѣемъ рядъ косвенныхъ доказательствъ о позд-
нѣйшемъ происхожденіи первой надписи. Эберсъ (I. с. р.
293—5) списалъ упоминаемыя Покоюмъ надписи на пре-
жнихъ балкахъ потолка, которые въ сороковыхъ годахъ были
замѣнены новыми, и въ этихъ надписяхъ, кромѣ именъ Юсти-
ніана и (покойной) Теодоры, упоминается какой-то рабъ Сте-
фанъ и архитекторъ монастыря Айлисій и неизвѣстная иначо
(его жена) Нонна. Пусть эта надпись тоже возникла нѣсколь-
ко позднѣе фактовъ, ею сообщаемыхъ; она даетъ, однакоже
пункты опоры въ годъ смерти Теодоры (548) и въ имени
Стефана, котораго тотъ-же авторъ весьма правдоподобно отожд-
ествляетъ съ извѣстнымъ святымъ аскетомъ, упоминаемымъ
у Іоанна Климака и скончавшимся около 580 г. Дѣйствитель-
но возможно, повтому, что и Айлизій строитель съ Нонною
умерли также между 560—580 годами. Такъ какъ, затѣмъ
въ этихъ надписяхъ Эберса указана только смерть Теодоры,
словами (ὄπερ μνήμης), а остальные лица: Юстиніанъ (ὄπερ
σωτηρίας), Айлизій и Нонна (σῶσον καὶ ἐλέησον) предпола-
гаются еще въ живыхъ, или, по крайней мѣрѣ, ихъ смерть
не указана, то время, данное въ надписи, а слѣдовательно, и
время окончанія самого потолка мы должны полагать между
548 и 565 (годъ смерти Юстиніана), притомъ ближе къ пер-
вой датѣ, такъ какъ смерть Теодоры почти называется недав-
ней: τῆς ἀναπαύσεως γενομένης.

Но если эти надписи указываютъ намъ на первые 550-е
годы, то какъ согласовать ихъ съ мозаикою и ея надписями?
Еп. Порфирій («Первое Путеш.» стр. 82—6) предлагаетъ
слѣд. истолкованіе ихъ: первая надпись говоритъ, что мозаи-

ка кончена при Лонгинѣ, игуменѣ и пресвитерѣ, а извѣстно, что Юстиніанъ до 553 г. присвоилъ Синайской обители достоинство епископіи, такъ какъ въ этомъ уже году игумень-епископъ Константинъ подписалъ опредѣленіе четвертаго Константинопольскаго собора. Вторая надпись свидѣлствуетъ, что пресвитеръ Θεодоръ исполнилъ ее въ 24-мъ году¹⁾ 14-го индикта, и по мнѣнію еп. Порфирія, указываетъ на 551 годъ—двадцать четвертый годъ царствованія Юстиніана, — въ который приходится, дѣйствительно, 14-й индиктъ. Объясненія эти не только остроумны, но и наиболее правдоподобны.

Но какъ объяснить себѣ тогда изображенія въ медальонахъ самого Лонгина и Іоанна діакона, который, по всей вѣроятности, и есть самъ извѣстный Іоаннъ Климакъ, жившій приблизительно до 580-хъ годовъ? Предположить, что они были изображены здѣсь еще при жизни, мы отказываемся, въ виду отсутствія подобныхъ примѣровъ въ восточно-православной древности. Можно думать, что эти два медальона прибавлены впоследствии, но тогда и первая надпись съ именемъ Лонгина дѣлается явно подозрительною.

Но существенно важное, наконецъ, и ясное противорѣчіе дать, выводимыхъ изъ надписей и указывающихъ настоятельно на 550-е годы, съ самымъ стилемъ мозаики, который, по нашему мнѣнію, носитъ на себѣ характеръ VII столѣтія (по крайней мѣрѣ, его начала), заставляетъ насъ относиться съ недоувѣрчивостью ко всѣмъ этимъ надписямъ. Странно уже то обстоятельство, что по именамъ, въ нихъ приводимымъ, мы имѣемъ конецъ VI столѣтія, а по датамъ его средину. Извѣстная неполнота надписи съ именемъ Θεодора (указаніе года безъ опредѣленія того, откуда его считать) — настолько не обычна, что можетъ быть объяснена только передѣлкою или

¹⁾ Сличая надписи собранныя въ *Cogrus inscr. gr.*, мы также полагаемъ, что ΚΑ ΕΤΥ должно обозначать ΚΑ ΕΤΟΥΣ, т. е. двадцать четвертаго года, или въ 24 году, а не двадцать четыре года, чему противорѣчило бы обозначеніе индикта въ простѣйшей формѣ, безъ всякаго указанія на счетъ индикціонныхъ цикловъ, какъ полагаетъ проф. Усовъ.

прямо реставрацію. На то же обстоятельство указывает и палеографія первой съ именемъ Донгина, рѣзко различающаяся съ начертаніемъ буквъ въ именахъ Пророковъ и Апостоловъ въ стилѣ письма V—VI стол.

Но когда могли быть исполнены эти передѣлки и реставраціи? Никакихъ прямыхъ указаній по этому важнѣйшему пункту въ изслѣдованіи всякой древней мозаики намъ найти не удалось; но, быть можетъ, тѣ, которымъ удастся разобрать акты, грамоты и счетныя книги монастыря, будутъ счастливѣе насъ. Однакоже, мозаическія работы въ Синайской обители, не ограничивались только алтарнымъ украшеніемъ. Свидѣтельствомъ этого служить мозаическое украшеніе небольшой алтарной ниши (опять только полукупольнаго ея свода) въ капеллѣ Непопалимой Купины; на золотомъ фонѣ этой ниши изображенъ равноконечный крестъ въ кругу, а съ правой стороны имѣется надпись (см. факсимиле въ соч. еп. Порфирія, стр. 245): ἐπίσκοπος ἐσταυδα εἰς τὸς Γ(?)ΝΩV (?); буквы года на столько разсыпались, что прочесть невозможно, но еп. Порфирій въ Ω видитъ 800-е годы послѣ Р. Хр. Затѣмъ, въ концѣ XVII столѣтія такъ много, видимо, обновлялось въ Синайскомъ монастырѣ, что было-бы даже трудно, зная исторію мозаикъ Сициліи и Южной Италіи, предполагать, что Синайская мозаика могла избѣгнуть передѣлокъ въ это время. Наконецъ, мы знаемъ, что Лабордъ видѣлъ ее въ такомъ законченномъ и, вѣроятно, разрушенномъ видѣ, что считалъ невозможнымъ сдѣлать съ нея ясный рисунокъ. И опять таки, припоминая себѣ безчисленныя аналогіи новѣйшихъ передѣлокъ въ мозаикахъ Италіи, мы не можемъ съ полнымъ довѣріемъ относиться къ свидѣтельству, что іеромонахъ Самуилъ при поновленіи Синайской мозаики ограничился будто-бы только тѣмъ, что «высвѣтлилъ и закрѣпилъ» ее; объ этомъ подвигѣ свидѣлствуетъ надпись золотыми буквами на мраморной дощечкѣ въ той-же нишѣ: «Ἀρχιεπίσκοπος τοῦ παναγιώτου Κ. Κωνσταντῆς Βυζαντ. διὰ χειρῶν Σαμὴλ ἱερομ. τοῦ ἐκ Ρωσσίας. 1847.

Пожелаемъ, въ заключеніе, чтобы замѣчательный памятникъ былъ когда нибудь удовлетворительно снятъ и изданъ, — что повело бы, можетъ быть, къ разрѣшенію всѣхъ сомнѣній о времени его происхожденія и дало-бы, навѣрное, въ руки археологіи драгоценный матеріалъ.

Библиотека рукописей Синайскаго монастыря.

Болѣе, чѣмъ прочимъ древностямъ Синайскаго монастыря, посчастливилось его знаменитому хранилищу рукописей ¹⁾. Правда, большинство изслѣдователей и ученыхъ, посѣщавшихъ Синайскій монастырь, руководилось и въ этомъ дѣлѣ не столько общимъ научнымъ обзорѣмъ всей библіотеки, сколько поисками по отдѣльнымъ областямъ: ими ограничился напр. извѣстный Тишендорфъ, еп. Порфирій, въ послѣднее время (по 2 глаголическимъ рукописямъ) г. Гейтлеръ изъ Загребской Академіи. Арх. Антонинъ (см. его Записки въ Трудяхъ Кіев. Акад.) перенумеровалъ всѣ греческія рукописи и составилъ рукописный каталогъ номеровъ, хранящійся въ

¹⁾ Для многихъ, вѣроятно, — какъ и для меня, до путешествія, — остается неяснымъ, какъ хранятся въ Синайскомъ монастырѣ рукописи, иначе говоря, что представляетъ изъ себя это хранилище, — пунктъ весьма, какъ извѣстно, важный для изслѣдователя. Благодаря арх. Антонину, порядокъ содержанія рукописей улучшился, но не достигъ особеннаго совершенства. Рукописи пергаменные хранятся въ описанной «лѣчебницѣ»; это одна комната при залѣ («Синодика», на Западѣ «Капитульной»), и въ ней стоятъ ящики, набитые кодексами по формату; здѣсь все лучшее и важное, кромѣ Евангелія Θεод. III, Псалтыри Кассія и Глагольскихъ рукописей, которыя хранятся у о. ризничаго. Далѣе, мембраны плохой сохранности и листки находятся въ кладовой, гдѣ въ шкапахъ стоитъ грузино-армянскія и арабскія рукописи. Наконецъ, остальные греч. рукописи находятся въ шкапахъ виѣстѣ съ книгами новѣйшими и инкунабулами и славянскими рукописями въ библіотекѣ, на другомъ концѣ монастыря. Прибавлю, — что это все тѣ мѣста храненія, которыя я самъ видѣлъ и обзорѣвалъ, но я нисколько не ручаюсь, что въ монастырѣ нѣтъ и другихъ книгохранилищъ, хотя меня положительно увѣрили, что рукописей больше нѣтъ; завѣдующіе монастыремъ могутъ сами не знать существованія другихъ складовъ.

одномъ экземплярѣ въ Синайскомъ монастырѣ. Въ недавнее время (въ 1880 году) проф. Гардтгаузенъ, извѣстный палеографъ изъ Лейпцига, авторъ лучшаго нынѣ сочиненія по греческой палеографіи, пересмотрѣлъ (какъ мы знаемъ изъ словъ самихъ монаховъ) всѣ греческіе манускрипты, но, какъ кажется, еще не публиковалъ добытыхъ имъ результатовъ. Но все это не замѣняетъ, понятно, необходимаго описанія всего состава Синайскаго книгохранилища, которое, однакоже, несмотря на всѣ хищенія, сохраняетъ много интереснаго и, конечно, заслуживало-бы имѣть по крайней мѣрѣ каталогъ, подобный тому, какой составленъ недавно для аеонскихъ библіотекъ Ламбросомъ.

Моею спеціальною задачею было обозрѣть лишь греческія рукописи съ миниатюрами, но какъ для ихъ отысканія мнѣ пришлось пересмотрѣть все, отъ перваго до послѣдняго номера, то, въ виду отсутствія какихъ либо свѣдѣній о составѣ Синайскаго библіотеки, я считаю своимъ долгомъ начать съ общаго ея обозрѣнія и указать тѣ рукописи, которыя по чему либо показались мнѣ наиболѣе заслуживающими вниманія или не упомянуты арх. Антолиномъ въ извлеченіи изъ его описанія, сообщенномъ при «Запискахъ».

Составъ рукописной греческой библіотеки въ порядкѣ слѣдованія рукописей *по номерамъ* слѣдующій: 1) Отдѣлъ общій — Ветхій Завѣтъ: а. Законъ и Пророки — 20 рукописей. б. Псалтыри — 127 номеровъ. 2) Новый Завѣтъ: а. Четвероевангелій 56 рукописей. б. Евангелій *κατ' ἀναγνώσεις* — 55. с. Евангелій съ Апостоломъ — 14. д. Дѣянія Апостольскихъ — 28. 3) Толковниковъ и схолиастовъ 17. 4) Отцовъ Церкви — 87 ркп. 5) Патериковъ и *ἀσκητικά* — 95. 6) Житій Святыхъ: похвальныхъ словъ, *Διηγήσεις, Συναξάρια* — всего 58 ркп. 7) Миней разл. рел. 90 номеровъ. 8) *Ἀνθολόγια καὶ διάφοροι ἀκολουθίαι* — 91 рукопись. 9) *Τριψύδια καὶ πεντηκοστάρια* — 42. 10) *Παρακλητικά καὶ Ὁκτώηχοι* — 62 номера. 11) *Θεοτοκάρια* — 23. 12) *Ἐρολόγια, μηνολόγια, εἰρημολόγια καὶ κοντακάρια* — 92 ркп. 13) *Εὐχολόγια* — 55. 14) Литургиче-

скихъ — 82. 15) Типиковъ 16 нум. 16) Νομικά — 27 рвп.
 17) Догматическихъ 13 рвп. 18) Κυριακοδρόμια — 30 нум.
 19) Στιῆς — 18 нум. 20) Псалтика 94. и 21) Историче-
 скихъ 11 отъ № 1183 — 1193.

Разсматривая эти отдѣлы рукописей библіотеки по нуме-
 рамъ, мы останавливались на многихъ, замѣчательныхъ или
 въ палеографическомъ отношеніи, или же по своему составу
 и содержанію, но какъ намъ (въ ряду указанныхъ въ предис-
 словіи обстоятельствъ) было невозможно изслѣдовать ихъ, то
 мы и ограничимся только указаніемъ соответствующихъ нуме-
 ровъ; отдѣлы теперь подведены подъ общую нумерацію, отъ
 1-го и далѣе до конца.

1. Осьмивнижіе съ 4 книгами царствъ XII в., въ л.

2. Пятювнижіе, со схоліями in 4°, XII или XI в.

3. Книга *Ιωα* съ толкованіями и миниатюрами (см. ниже).

14. Профитологіонъ, XII в., съ именемъ писца Георгія
 Амартола.

16. Профитологіонъ, съ записью:

Ἐγράφη διὰ ἐξόδου καὶ συνδρομῆς; Νικολάου ἀναπηῶ (?)...

23. Псалтырь съ толкованіями разл. Отцовъ Церкви,
 XII—XIII в. въ л., 756 листовъ.

32. Псалтырь въ 12-ю д., VII—VIII в., унциального
 косаго письма, съ удареніями облеченными и тяжелыми; писа-
 на на грубомъ пергаменѣ и пострадала.

34. Псалтырь греко-арабская, VII—VIII в., того же на-
 клоннаго унциального письма.

35. Псалтырь эллино-арабская, in 4°, VII — VIII в.,
 безъ удареній, того же письма.

40. Псалтырь въ 4-ю д., XIII—XIV в., съ трактатомъ
 «о спасеніи души».

55. Псалтырь въ 12-ю долю, на 16-й стр. запись съ
 1344-мъ годомъ:

+ Θεοῦ το δῶρον καὶ χαρίτωνος πόνοσ;
 ἐτελειώθη ἐν ἔτει ,σωνβ' ἰνδικτιώνος ιβ.

67. Псалтырь XII — XIII в., особенно мелкаго письма; рсп. им. 1½, вер. дл. и 1 вер. шир.

68. Рукопись Псалтыри съ Мѣсяцесловомъ, въ 12-ю д, XII в.

69. Псалтырь, на бумагѣ, XVI вѣка, съ рис., изображающимъ Давида и ангела.

Между многими позднѣйшими рукописями Псалтырей (номера отъ 101 и д.) есть до 40 XV—XVI вв., украшенныхъ цвѣтистыми и фигурными буквами по старопечатнымъ изданіямъ; наши Лицевыя Псалтыри, пошедшія въ своей редакціи отъ греческихъ оригиналовъ IX—X вѣковъ, не имѣютъ ничего общаго съ позднегреческими. Съ неизв. номеромъ рсп. *Псалтыри*, будто бы писанная Св. Кассією, вся на 6 пергам. листкахъ, мельчайшаго письма, принадлежитъ XIII вѣку.

Отдѣлъ Евангелій въ Синайскомъ монастырѣ великъ и представляетъ много замѣчательныхъ образцовъ.

№ 150. Четвероевангелію съ Мѣсяцесловомъ, XII или XIII стол., съ любопытною орнаментикою каноновъ въ примитивномъ стилѣ и раскраскою примарными красками: красной, зеленой, желтой, синею; крестъ изъ плетеной тесьмы; инициалы въ видѣ благословляющей руки. Рсп. входитъ въ среду народныхъ иллюстрацій, о которыхъ будетъ сказано ниже по поводу Евангелія Хоривскаго.

152. Четвероевангелію съ любопытною записью 1346 года.

Ἐτελειώθη ἡ παροῦσα βιβλος τοῦ ἁγίου
 τετραευαγγέλου διὰ χειρὸς ἐμοῦ
 Γεωργίου τοῦ Γαλησιώτου. ἐξ ἐπι-
 ταγῆς τοῦ περιποδήτου θεῖου κραταιοῦ
 καὶ ἁγίου ἡμῶν ἀθέντου καὶ βασιλέως,
 πανοπερζεβράστου κύρ Ἰσαακίου
 Παλαιολόγου τοῦ ἀσάν. κατὰ μῆνα
 αὐγουστον τῆς τέσσαρες καὶ δεκά-
 τῆς ἰνδικτιῶνος τοῦ ἑξακισχιλιοστοῦ
 ὀκτακοστοῦ πεντηκοστοῦ τετάρτου ἔτους¹⁾.

¹⁾ Правописание подлинника сохраняется при передачѣ всѣхъ записей.

6854 годъ = 1346 по Р. Х. и соответствуетъ 14 индиктиону. Что касается рода Асана, то, кромѣ Михаила пангиперсеваста (1341 годъ, *Murali*, Chron. Byz. II p. 582), въ Актахъ, изд. *Миклошичема* и *Миллерома* (1312 — 3, 1351 года) упоминается и Исаакъ нашей записи съ тѣмъ же саномъ: ὁ περιπόθητος θεῖος πανυπερσέβαστος κύρ Ἰσαάκιος Παλαιολόγος ὁ Ἀσάνης ἐκεῖνος.

155. Четвероевангеліе in 8, съ записью: Βροντίης (?) Θεώφανος Ἰωάννης πανάριστος: πρωτοτύκου Σοφίης ὑπεράρχων εἶρατο ἀρχήν: πρωτοφανῆ γενετήρα Θῶ... αὐτογένεθλον.

162. Четвероев. in 4°, XII в., съ именемъ писца Макарія, монаха и іеродіакона, бѣзъ года.

170. Четвероев., XII или даже XIII стол., въ малую четв., мелкаго письма, съ изображеніемъ Евангелистовъ. На тонкомъ, почти просвѣчивающемъ пергаментѣ.

174. Четвероев., въ 32-ю д., XI в. съ прекрасною миниатюрною орнаментикою каноновъ.

175. Четвероев., XII в. съ именемъ писца Арсенія.

178. Тоже, XIV в., съ дурными миниатюрами—изображенія Евангелистовъ; надъ Матѳеемъ надпись μα θεως (sic); каноны въ видѣ плетеній.

188. Евангеліе XI вѣка, хорошаго письма и красиво орнаментированное, но въ извѣстномъ уже родѣ.

193. Четвероев., со сколіями и записью 1124 года.

Ἐγράφη ἡ θεία αὕτη τῶν ἱερῶν εὐαγγελίων
βιβλος διὰ χειρὸς τοῦ εὐτολοῦς (εὐτελοῦς) καὶ ἀνωτοῦς (?) γέροντος
καλοῦ σπουδῆ καὶ προθυμίας τοῦ δσιωτάτου ἐν μο —
ναχοῦς μοναχοῦ κοσμά πόθω πολλῶ καὶ κόπῃ
ἀγωνισαμένου κτήσιν τὴν τάφου συνδελ (?):
οἱ καὶ ἀναγινώσκοντες εὐχεσθε εἰς τὸν κύριον, εὐχεσθε ὑπὲρ τῆς
ψυχῆς μου τοῦ ταπεινοῦ καλουγέροντος· λελειωθεῖσα
μὴν ἰουλίῳ κγ εἶτ' ,σχλβ'· δόξα τῷ θῶ παντ'
Ἐνεκα, αμῆν.

199. Четвероев. харатейное, хорошаго письма, съ записью 1548 года:

,αφμη'. πάπας γεάρχιος.

№ 204, которымъ начинается теперь отдѣлъ Евангелій по чтеніямъ (Εὐαγγέλια ἐκλογαδια, κατ' ἐκλογὴν, τὸ κατ' ἀναγνώσεις), представляетъ драгоценность Синайской библіотеки, такъ наз. «Евангеліе Θεодосія III», будто бы даръ этого императора монастырю, писанное золотомъ и украшенное миниатюрами. Объ этой рукописи, относящейся къ X—XI вѣку, см. въ отдѣлѣ миниатюръ.

211. Евангеліе древнѣйшаго унциального письма, VIII стол., съ удареніями, писецъ рабъ В. Леонтій.

213. Менѣе драгоценная, но болѣе замѣчательная въ историческомъ отношеніи рукопись такъ наз. «Хоривскаго Евангелія» 967 года, замѣчательнаго унциального письма, съ любопытными инициалами и заставками. См. ниже.

216. Евангеліе XII вѣка, съ нѣсколькими миниатюрами обычнаго типа.

218. Евангеліе Апракосъ, гр. in 4°, им. 700 листовъ, великолѣпнаго письма и орнаментировано роскошно въ XII стол. Выходная заставка изображаетъ 2 павлиновъ по сторонамъ источника. Зачала въ крестахъ, исполненная золотомъ, окаймленная богатыми пологами. Инициалы обычнаго типа изъ суставчатыхъ растительныхъ формъ, наведены золотомъ по контурамъ, но не иллюминированы красками, какъ и въ Ев. Θεодосія.

220. Новый Завѣтъ, въ л., 1167 года, съ любопытною записью, указывающею, можетъ быть, на извѣстный въ древности монастырь Пророка Иліи близъ Вилеема¹⁾, гдѣ принялъ схиму писецъ нотаріусъ Василій:

Ἐπληρώθη τὸ παρὸν ἅγιον εὐαγγέλιον διὰ χειρὸς βασιλείου ἀμαρτωλοῦ νοταρίου τοῦ σκν . . . (?); καὶ ἥ τις τῷ ἀναγινώσκῃ εὐχῆσθαι μοι ψυχὴν σῶσαι μοι τῷ ἀμαρτωλῷ; ἵνα εὐρω ἔλαιως

¹⁾ Монастырь этотъ *Маръ Емаса*, существующій и теперь, основанный, по преданію, пророкомъ, на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, іер. патриархомъ Иліею († 518), былъ разрушенъ при Франкахъ землетрясеніемъ и возстановленъ Имп. Эммануиломъ Комненомъ около 1160 года. См. Serp, Jerusalem и. d. Heilige Land, 1873, I p. 535—8. Слово κελαι = κελαιῶτον или κελαιωτῶν?

(sic) ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ὁμοίως καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες αὐτῶ σὺν τῷ αὐθέντι τοῦτο τημιωτάτω καθηγουμένω τῆς ἐν τῇ ἀγία βιβλίᾳ ἐν τῇ ἀγία σεβασμῖα (?) μονῇ τοῦ ἀγίου (τῶν ἀγίων?) κελλι (?); μηνὶ φεβρουαρίῳ ἰνδ. ιε τοῦ ,σχος' ἔτους.

225. Евангеліе XIV в., любопытнаго, по близости къ болгарскому полууставу, письма; заглавныя буквы простѣйшаго типа, раздвѣчены красною и зеленою красками. Въ концѣ воззванія: εὐχεσθαι παρακαλᾶ διὰ τὸν κύριον ὅπερ τοῦ γράφαντος στρατηγῶ (?), ταπεινοῦ καὶ ἁμαρτωλοῦ, но ни имени, ни года не дано. Подобная ркп. № 224.

227. Евангеліе съ мѣсяцесловомъ XI в.; инициалы прервосходнаго рисунка, не окончены.

228. Великолѣпная ркп. Евангеліе XI в., въ л., образцоваго письма въ два столбца; какого немногіе образцы находятся и въ европейскіхъ библіотекахъ. Заставки и инициалы исполнены по наведенному особо золотому фону, нервныя, однако же, сухаго и скуднаго рисунка (стрѣловидныя листья и цвѣтки въ кружкахъ); вторныя по тонкости работъ соперничаютъ съ лучшими кодексами XI в. константинопольскаго происхожденія.

231. Евангеліе въ л., съ записью, 1032—3 года:

καὶ τοῦ γράφαντος αὐτὴν μοναχοῦ Γερασίου καὶ ἁμαρτωλοῦ μοναχοῦ ἁμοῦ καὶ διακόνου; ἐπὶ βασιλείᾳ εὐσεβεστάτων καὶ αὐτοκρατόρων τῶν ρωμαίων μιχαήλ καὶ ζωῆς; ἔτους ἀπὸ ἀδάμ ,σφμα' ἰνδ. ιε; ὡσπερ ξένοι ἐγλίχοντο πατριδα δ περισθῆναι (?) οὕτω καὶ οἱ γράφαντες βιβλίου τέλος.

Имя писца Герасима, но другаго (?) столѣтія, см. въ спискѣ *Гардтаузена*, *Griech. Palaeogr.* стр. 232; тамъ же см. кончный стихъ, въ иной редакціи, стр. 378.

Годъ σφμ=1032 и соотвѣтствуетъ инд. 15-му. Но этотъ 1032 годъ есть пятый годъ царствованія Романа Аргиропуло, тогда какъ царствованіе Михаила и Зои, упоминаемое въ записи, относится (по Муральту) къ 1034—1041 годамъ. Поэтому мы полагаемъ возможнымъ читать годъ σφμα=1033, считая 15-й индиктъ уже пропущеннымъ. Въ Апрѣлѣ 1034 года,

слѣд. по византийскому счету, еще въ 1033 году Романъ былъ задушенъ Михаиломъ, и этотъ послѣдній женился на его женѣ, известной Зоѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ вопросъ объ этомъ годѣ оставить открытымъ для рѣшенія болѣе компетентными судьями.

234. На послѣднемъ листѣ этого Евангелія читается запись съ 1155 годомъ:

Νόμοις σοῖς καὶ δόγμασι
καὶ ὑποθήκαις:
ταῖς ἐνθάδε κειμέναις
ἀναξ ἀνάκτων:
παρασκευάσον σὺν-
εἶναι καὶ εἶκεν:
διατηρεῖν τε ἄχρι τέρ-
ματος ζωῆς:
χθαμαλὸς λεόντιος
δεῖται σοὶ ταῦτα:
ὁ καὶ τῆς ἡδὲ κτήτωρ
σεπτῆς πτωκτίδος:
ἦ τις καὶ ἐγράφη ἐν τῷ σχηγ'
ἔτει, εἰς δόξαν τῆς μακαρίας
καὶ πανομν. τριάδος: πρς, υῦ καὶ ἀγ. πνς.

238. Въ рукописи имѣется много инициаловъ растительныхъ формъ, изящнаго пурпурнаго цвѣта.

239. Евангеліе съ записью 1374 года, инд. 12:

Θεῶ τὸ δῶρον καὶ ἰωασάφ πόνος;
Ἐταλειώθη ἐν ἔτει σωπβ' ινδ. ιβ μηνι νοεμβρ. κδ.

242. Рукопись, повидимому, XIV в., съ любопытными инициалами въ примитивномъ типѣ.

274. Дѣянія Апостольскія съ подробнымъ оглавленіемъ, толкѣ Θεодорита, XIII в.

302. Θεοφιλάκτα Болгарскаго схолиа къ 4 Евангеліямъ, мелкаго письма въ два столбца, съ записью и 1306 годомъ:

Ἐπληρώθη σὺν θῶ ἡ θεόπνευστος βίβλος δι' ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου καὶ ἀγιωτάτου ἡγουμένου (?) τοῦτο μῆσιον (?) τοῦ κῦρ λουκά; ἐν μηνι μαι, ινδ. δ, τῷ σσιωδ' ἔτει.

319. Соч. Діонисіа Ареопагита, in 4, 1048 года, которому соотвѣтствуетъ 1-й индиктъ, съ слѣд. записью, содержащею новое указаніе на студійскій монастырь, мѣстонахождение многихъ писцовъ и каллиграфовъ съ VIII—XII стол., и нашего писца Христофора. Молитвенное обращеніе данной формы повторяется не разъ въ записяхъ, снятыхъ Монфокономъ; обращикъ у Гардтгаузена ib. стр. 377—8.

Ἐτελειώθη σὺν Θεῷ ἡ ἱερά καὶ ψυχοφελῆς καὶ θεολογικωτάτη βιβλος τοῦ ἐσίου πατρὸς ἡμῶν διονυσίου μηνὶ ἰουλίῳ ᾧ ἡμέρα κυριακῆ, ἔτ. ,σφνς' ἰνδ. α̅. Γραφε (ἴσα διὰ) χειρὸς χριστοφόρου ἐλαχ (ιστου) καὶ ἀναξίου διακόνου; ἐπὶ μιχαήλ τοῦ ἐλλαβεστάτου ἡγουμένου μονῆς τοῦ Στουδίου. Δυσωπῶ δε πάντας τοὺς ἐντυγχάνοντας ἐναυθὰ ἵνα εὐχεσθε ὑπὲρ τῆς ταπεινῆς καὶ ἀμαρτωλοῦ μου ψυχῆς, ὅπως εὐροίμι ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρα (κρ)ίσεως τοῦ Θ̅υ ἰ̅ς χ̅υ διδόντος ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἴδια ἔργα.

339. Слова Григорія Богослова, въ л., изящнаго письма, со многими миниатюрами; см. ниже объ этой замѣчательной рукописи.

342. Слова Григорія Богослова, съ указаніемъ 1052-го года написанія.

352. Слова св. Григорія Богослова въ л. со схоліями Никиты Серрона. Въ концѣ запись киноварью изъ 46 стиховъ:

Ἦ πάρινε, δέσποινα, μηρ̅ χ̅υ τοῦ Θ̅υ μου
 Οὐν ταῖς ἄνω δυνάμεσι, χειροῦβλιμ σεραφήμ τε
 Οὐν ἀποστόλοις ἅπασι καὶ σὺν τῶν ἱεράρχων
 Οὐν γυναικῶν ἁγίων τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων
 Δάρησε λύσιν καὶ συχώρισιν πολλῶν σφαλμάτων
 Καὶ ἱκεσίαν ποιήσον τοῦ σοῦ οἰκτροῦ ἰκέτου
 Πρὸς τὸν ὄν σου καὶ θῖ ἐμοῦ τοῦ παναθλίου
 Νείλωνος λέγω μοναχοῦ τοῦ σοῦ οἰκτροῦ ἰκέτου
 Πρωτοσυγκέλ8 δόσεως. τοῦ καὶ χαλκεοπούλου
 Ἄλλὰ καὶ τὸν συγγράψαντα, φύλαξεν εἰς αἰώνας
 Ἰωάννην τ' ὄνομα τὸ ἐπίκλην μαγκλαβίτης
 Καὶ πάντας τοὺς προϊτρέχοντας τῇ σῆ σκέπη παρθένε
 Καὶ τοὺς ὁμολογοῦντας σε μ̅ρα τοῦ ὀψίστου
 Μεσίτριαν σε εὐβρομεν ἐν τῇ μελλούσῃ κρίσῃ

Ἐν τῇ μεγάλῃ καὶ φρυκτῇ δευτέρᾳ παρουσίᾳ
 Ὁ σὸς υἱὸς φανήσῃται κρίναι τὴν εἰκονομένην
 Ἀΐτωθώμεν καὶ ἡμεῖς, ἐκ δεξιῶν σταθῆναι
 Ῥουθειήμεν ἀριστερᾶς μερίδος τῶν ἐρίφων
 Δέσποινα, πάντων δέσποινα, πρέσβεβε ὑπὲρ πάντων.
 Ἐγράφην ἡ παροῦσα βίβλος αὕτη διὰ χειρὸς
 Ἐμοῦ τοῦ παναθλίου καὶ οἰκτροτάτου τάλανος
 Ἰωάννου δὲ τ' ὄνο, τοῦ μαγκλαβύτου λέγω,
 Περιπατεῦντος ἔτους ἀπὸ συστάσεως κόσμου
 Ἐως νῦν τὴν σήμερον μηνὸς Ἰαννουαρίου
 Εἶπεν (sic) ἑξακισχίλιοι σὺν τοῖς ὀκτακοσίους
 Πλὴν καὶ ἐπάνωθεν τούτων εἴκοσι ἕκτῳ λέγων;
 Θέλωμεν καὶ τοὺς ἑκατὸν εβδομήκοντα καὶ δύο
 Ἴνα ὁ αἰὼν ὁ ἕβδομος καὶ αὐτὸς πληρώσῃ
 Καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ ἑβδόμου αἰῶνος
 Ἐμενεν εἰς τὴν ποιητὴν καὶ κτίστην τῶν ἀπάντων
 Οὐδεὶς γινώσκει ἀδελφοί, τί δόξει τῷ κυρίῳ
 Μόνον ἀγωνισώμεθα ἀγάπην ὑπὲρ πάντα.
 Μὴ λοιδοροῦμεν ἀδελφοὺς, μὴ φθονοῦμεν ἀλλήλους
 Καὶ ἐάν ἔχωμεν ἀγάπην, ὁ φθόνος να λείπει
 Ἐλπίζομεν εἰς τὸν χῦ οἱ πάντες να σωθοῦμεν
 Ἐγὼ δε καὶ πορεύομαι ἐν ἀσωτία πάσα.
 Καὶ σφάλω ἐν τῇ βίβλω μου ἐνθυμούμενος ταύτην
 Σκοτίζονται οἱ ὀφθαλμοὶ καὶ αἱ χεῖραι μου τρέμου
 Καὶ ὄνοός μου ἐπαίρεται, εἰς ἀπόγνωσιν πίπτω
 Διὰ τοῦτο νῦν παρακαλῶ καὶ δέωμαι πάντας
 Οἱ ἀγαπῶντες τὸν χῦ μὴδὲν (sic) με βλασφημεῖτε
 Ἄλλ δ τι σφάλμα εὑρηται, διορθώσατε τούτω.
 Καὶ δε τις κόψει δὲ χαρτὴν ἀπὸ τὴν βίβλον ταύτην
 Μητὰ γραμμάτων ἀριθμὸν καὶ λέξεων παντοίων
 Ἐχέτω τὴν καταραν σου καὶ πάντων τῶν ἀγιῶν
 Τοῦ παντοκράτορος ὀργὴν καὶ δεσπότητος τῶν ὄλων.

Писецъ указываетъ на годъ 6828 отъ сотв. м. («до 7000 л. надо прибавить 172») = 1320 г. по Р. X. и называетъ себя *Иоанномъ Манглавитомъ*. Имя этого писца изъ Вѣнскаго рвп. I. Златоуста, приобрѣтенной нѣкогда Бузбекіемъ въ Константинополь и имѣющей слѣд. запись:

ἡ βίβλος αὕτη τῆς μόνης τοῦ Προδρόμου, τῆς καμένης ἕγγιστα

τῆς Ἀιατίου, ἀρχαίη δὲ τῇ μονῇ κληῖσις Πέτρα. Ἰωάννης γέγραφε τὸν Μαγκλαβίτης. Эту рукопись *Монфоковъ*, Pal. Gr. p. 59 и 100, на основаніи тождества мѣста написанія, т. е. монастыря Пётра или I. Предтечи близъ цистерны Аэція въ Константинополѣ, съ другою рукописью Пар. библ., писанной въ 1127 году, отнесъ къ тому же времени. Но теперь, въ виду нашей записи ясно, что и Вѣнскій кодексъ долженъ относиться къ XIV стол., а не къ XII. Меурсій, Дюбанжъ и Ламбецій согласно объясняютъ происхожденіе имени *Манклавитъ* отъ срв. латинскаго *manuclavita* = *janitor aulae impregatoriae*, но возможно, что въ данномъ случаѣ оно обозначало и специально одинъ патриціанскій родъ, котораго членъ, и поступивъ въ монашество, сохранилъ имя какъ прозвище.

402. Тоже, прекраснаго письма X вѣка.

410. Дидаскалія Варсонофія и Іоанна, XIII в., in 4.

Между 350—450 нумерами есть много заслуживающихъ вниманія списковъ словъ, рѣчей и сочиненій: *Максима Омолога* (περὶ ἀγάπης — 399), *Палладія* (431 — Лавсаиконъ), *Марка Подвижника* (436), *Нила* (437), I. *Мосха* (Лимонарій, 34 гл., 208 л., XII—XIII в. № 438), *Панөөкты Антиоха* (439), I. *Схол.* и *Марка Филокалія* (455). Подъ 485 замѣчательный сборникъ: «Κοινὰ τῆς γραφῆς καὶ τῶν ἔξω σοφῶν», in 4°, XII—XIII в.

456. Εὐεργετικός, въ 4, съ записью: Ἐπληρώθη τὸ παρὸν βιβλίον ἐν ἔτει ,σωη' = 1300 годъ.

Но самое замѣчательное въ этомъ отдѣлѣ собраніе (до 15) списковъ «*Льствицы*» *J Климка*, особенно полное и различныхъ вѣковъ, отъ IX по XIV вѣлчительно. Изъ нихъ № 417, in 4°, съ толкованіями, изящной скорописи VIII или начала IX стол., замѣчательнъ своими инициалами, въ видѣ геометрическихъ фигуръ изъ плетеной тесьмы, наведенныхъ преимущественно зеленою, голубою и отчасти красною красками; не смотря на всю свою грубую простоту, рисунки эти отличаются своеобразною, древнею красотою. Одна изъ миниатюръ представляетъ самого автора съ воздѣтыми руками. См. ниже.

418. Рув. I. Климава, въ малую 4-у, XII в., со многими миниатюрами. См. ниже.

421. Тоже, въ малую 4, IX вѣка, прекрасной скорописи, съ оглавленіями унциальнаго письма безъ удареній (ср. Лобковскую или Хлудовскую Псалтырь, по факсимиле, изд. Арх. Амфилохіемъ). Въ началѣ приложены посланія Іоанна игумена Раны къ Климаву и обратно. Буквы заглавныя, въ видѣ рыбъ, завитковъ, искусно сконпонованныхъ, расцвѣчены красною и желтою красками.

422. Ркп. «Лѣствицы», съ записью 1100 года на посл. листѣ:

πόριζε χε λόσιν πλημελημάτων:
 λουκᾶ μοναχῷ καὶ ἱεροαζύγῳ:
 γράψαντι τήνδε τὴν πανίερων βίβλον: ἐν ἔτει ,σχη'.

448. Патерикъ съ слѣд. записью 1004 года, инд. 2:

Ἐτελειώθη ἡ βίβλος αὐτῆ μηνὶ ἰουλίῳ ἰθ', ἡμέρα β, ἰνδικτιῶνος β, ἔτους ,σφιβ', γραφεῖσα διὰ χειρὸς λέο... ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ. εὐχεσθε διὰ τὸν Θεὸν ὑπὲρ τοῦ γράσαντος οἱ ἀναγινώσκοντες. Имя Льва, клирика изъ *Египта*, въ ркп. съ 1001 годомъ, см. Gardthausen p. 328.

456. Εὐεργετικὸς, съ записью 1300 года: ἐπληρώθη τὸ παρὸν βιβλίον ἐν ἔτει ,σωη'.

500. Λόγοι πανηγυρικοὶ за Ноябрь мѣсяцъ, съ миниатюрою (см. ниже). Съ послѣднихъ номеровъ пятой сотни идетъ рядъ большихъ *Четій-Миней* или *метафрастовъ* (57) за отдѣльныя мѣсяцы или за два, три мѣсяца, а въ концѣ шестой сотни много *антологій* или праздничныхъ миней; изъ первыхъ арх. Антонинъ ¹⁾ указываетъ, какъ замѣчательную рѣдкость въ своемъ родѣ, четыре рукописи унциальнаго письма IX, можетъ быть, даже VIII вѣка, содержащія сборники словъ на празд-

¹⁾ «Изъ записокъ Синайскаго богомольца», Труды Киев. Дух. Акад. 1873 г., Сент., стр. 334. Авторъ, къ сожалѣнiю, во всѣхъ своихъ статьяхъ не сообщалъ *номеровъ* рукописей, какъ и въ данномъ случаѣ. Намъ же, просматривавшимъ всю библиотеку, но не порядку, какъ было объяснено выше, номера эти не попались, а исать ихъ въ грудѣ оказалось не возможнымъ.

нии, легенды, а также житія Саввы молчальника, Авраамія еп. Кратинскаго и др. Всѣ остальные относятся къ XI—XII столѣтіямъ. Изъ «Словъ» обращаютъ на себя, затѣмъ, вниманіе слова Льва Мудраго (№ 522), рукопись, писанная въ Италіи, въ Каламитскомъ монастырѣ Св. Николая, м. Лаврентіемъ; есть и позднѣйшаго времени списки житій Θεοδωρα Едесскаго, Андрея Юродиваго, Василія Новаго и пр.

541. Житіе и пренія Григентія, архіеп. Гомиритскаго съ іудеями, in 4°, 1180 года. Въ концѣ рукописи находится неграмотная записъ: Ἐτελιώθι ἡ βίβλος αὐτῆ δια χειρὸς μιχαήλ διοῦ ἐπιφανίου τῶ τοῦ σπιῖδι: μήν. φεῦ. ᾠ ἰνδ. ἰγ, ἔτους, σϕπῆ; οἱ ἀναγινώσκονταὶ εὐχεσθὲ μοι διὰ τῶν κύριον, ὅπως λαβῶ λίστην τῶν ὀφλημάτων.

Изъ Миней слѣдуетъ отмѣтить также тѣ рукописи, которыя имѣютъ годъ или имя писца, или замѣчательны по письму, сравнительно раннему. Такъ: № 580—Миней за Сент. и Окт. писаны какимъ-то Евстаѳіемъ; № 595: Январскія съ годомъ, σφνζ' = 1049; 596 — унциальнаго письма X вѣка и 607,—можетъ быть, даже IX столѣтія.

Отдѣлъ триодей замѣчательнъ нѣсколькими рукописями съ годами. Изъ нихъ: № 736 съ записью 1029 г., инд. 12: μνησθι, κύριε, τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ καὶ ἀναξιολόγου ἰωσήφ τοῦ μετὰ.... καὶ σπουδῆς γράψαντος τότε τὸ ἱερὸν τριωδίων... ἐν ἔτει σφλζ' ἰνδ. ἰβ.

742. Триодионъ, замѣчательный по своей записи 1090 года:

Ἐγράφη ἡ ἱερὰ αὐτῆ βίβλος τῶν τριωδίων καὶ κανόνων καὶ λοιπῆς πάσης ἀκολουθίας τῆς ἀγίας τεσσαρακοστῆς, καὶ τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης ἑβδομάδος τῶν ζωοποιῶν παθῶν τοῦ σωτήρος ἡμῶν Ἰῶ Χῶ τοῦ διοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ Θεῶ, ἐν τῇ σεβασμίᾳ λαύρα τοῦ ἀγίου σάβα τῆς (?) ἐν ἱεροσολύμοις. χειρὶ τοῦ εὐτελοῦς καὶ ἀμαρτωλοῦ θρασίου (Γερασίου) τοῦ ἀντιοχίτου. καὶ τῇ ζεῦσῃ σπουδῇ τοῦ τιμιωτάτου μοναχοῦ καὶ δευτερέοντος τῶν πρεσβυτέρων τῆς ἐν ἀσκά (?) καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κύρ Ἰωάννου, λόγω

τοῦ σεβασμίου ναοῦ τοῦ ἐνδόξου μεγαλο-
 μάρτυρος γεωργίου ἐν αὐτῇ τῇ ἀσκά (?) τὸ λεγόμενον
 κατὰ τὴν ἐγγχώριον γλῶσσαν τὸ χὰδρα.
 ἀρχιεραρχοῦντος τῆς αὐτῆς πόλεως τοῦ ὀσιωτάτου
 καὶ παναγίου γέροντος κῦρ ἀντωνίου; μηνι
 ἰαννουαρίῳ κε, ἰνδ. ζ ἐν ἔτει ,σχζ'; οἱ ἐν αὐτῇ
 τῇ ἀγία βίβλῳ μελετῶντες καὶ εὐχόμενοι, εὐχάσθη
 διὰ τὸν Θῶ καὶ τὴν αὐτοῦ ἐντολὴν τοῦ γράψαντος
 εὐρεῖν αὐτὸν ἔλεος ἐν ἡμέρᾳ κρίσεως: ὁ Θς
 συγχώρη τῶ γράψαντι ταῦτα ὅσα σοι ἤμαρτεν. ἀμήν.

Запись эта требует нѣкоторыхъ объясненій, хотя бы при-
 близительныхъ. Герасимъ (?) писецъ, родомъ изъ Антиохіи, на-
 писалъ книгу триодей и каноновъ въ Лаврѣ *Св. Саввы въ Іе-
 русалимъ*, споспѣшествованіемъ *деветерарія* греческой церкви
 въ *Аскалонъ* (?) Іоанна, во славу честнаго храма великому-
 ченика Георгія въ томъ же Аскалонѣ, по мѣстному нарѣчію—
Хадра, въ управленіе епархіею этого города архіеп. *Антонія*,
 января 25, инд. 7, 1099 года.

Весьма естественное было бы, на первый взглядъ, пред-
 положеніе, что здѣсь разумѣется монастырь Св. Саввы, на бе-
 регу Кедрона, въ 12 километрахъ отъ Виедеема, знаменитый
Mâr Saba, пещерный монастырь, на границѣ пустыни Мер-
 тваго моря, древнѣйшая обитель Палестины, съ 11 столѣтія
 именуемая *лаврою* (какъ называетъ монастырь запись); нѣ-
 когда многолюдная обитель, заключавшая въ себѣ цѣлый городъ
 (по Тоблеру до 10 тысячъ монаховъ и 4000 киновитовъ) и про-
 славленная Іоанномъ Дамаскинскимъ. Но это предположеніе не
 можетъ быть принято безусловно, въ виду точнаго выраженія
 записи: лавра Св. Саввы *въ Іерусалимъ*. Кромѣ самой зна-
 менитой лавры, указывается въ хроникахъ и ея подворье или
 братскій монастырь Св. Саввы въ самомъ Іерусалимѣ на Сіонѣ,
 на Ю. отъ воротъ Давида; туда укрылась часть братіи въ
 1103 году отъ нападеній Сарацены¹⁾. Далѣе, названіе лавры
 усвоивалось не только самому монастырю, но и его отдѣль-

¹⁾ *Sepp, Jerusalem und des Heilige Land, 1873, I стр. 843.*

нымъ частямъ, такъ напр. многимъ частямъ обители Св. Саввы, тянувшейся на 14 миль до Мертваго моря. Однакоже, если мы имѣемъ много свѣдѣній какъ о литературной дѣятельности монастыря Саввы, изготовлявшаго церковныя книги для всей Палестины въ XII и XIII стол., прославленнаго своею библиотекою рукописей, то ничего не знаемъ объ упомянутыхъ подворьяхъ. Наконецъ, врядъ ли было бы умѣстно писцу именовать отдѣленіе словами: *σεβασμια λαυρα*. Итакъ, мы рѣшаемся принять мѣсто написанія за самую лавру Св. Саввы на Кедронѣ.

Завѣщаніемъ книги былъ нѣкто Іоаннъ, девтерарій, или второй по протоіереѣ пресвитеръ греческой церкви въ городѣ *Аска* (?). Имя этого города, ясно написанное писцомъ, но съ *титломъ* и *острымъ удареніемъ въ конецъ*, предполагаетъ, по нашему мнѣнію, сокращеніе; остается или добавить *ἐν ἀσκαλῶνι*, *ἀσκαλῶνι*¹⁾, или предположить иное дополненіе, намъ неизвѣстное²⁾.

Имя города, нѣкогда сильнѣйшей крѣпости, Аскалона предположить легко и потому, что запись называетъ неизвѣстную *аска* городомъ, въ которомъ живетъ епископъ, нѣкто Антоній. Аскалонъ принадлежалъ къ 1-й (по Героклесу) епархіи Палестинской, подчиненъ былъ патріархату Іерусалимскому, но имѣлъ (по Нилу Доксапатрію) автокефальнаго епископа, который и могъ быть, по этому, упомянутъ въ записи, помимо наименованія патріарха³⁾. Существенное затрудненіе состоитъ

¹⁾ Не отрицаемъ возможности и другихъ догадокъ: средневѣковая греческая номенклатура различныхъ мѣстностей и городовъ Палестины далеко не вскрыта еще изъ современныхъ описаній и хроникъ. Кромѣ имени Аскалона, ближе другихъ стоитъ Ака, Акконъ или Анкона, наз. также Акра, откуда St. Jean d'Acra, въ которой, въ эпоху крестовыхъ походовъ была церковь Св. Саввы, изъ за которой происходили раздоры между Венеціанцами и Генуэзцами, см. Recueil des hist. des Croisades, II, p. 443, b.

²⁾ Напр. *ἀσκρα* . . . , или *ἀσκα* и пр. Если только имя *аска* не есть перестановка, вмѣсто *аска*, что указывало бы опять на Іерусалимъ, гору, гдѣ магомет. святилище El аска, и часть города аска. Но это противорѣчитъ записи, гдѣ названъ *городъ*. Или даже названіе монастыря *вм. ἀσκητήριον*.

³⁾ *Hieroclis Synecdemus et Nili Doxapatrui* ex. recogn. Gust. Parthei, B. 1866, ч. Ascalon.

въ томъ, что въ томъ же самомъ городѣ указывается не только пресвитеръ православной церкви, но даже и честный храмъ во имя великомученика Георгія ¹⁾. Какъ ни много почитался Св. Георгій по Палестинскому побережью, однако, кромѣ мелкихъ капеллъ (напр. въ томъ же монастырѣ Св. Саввы), большихъ храмовъ великомученика намъ неизвѣстно, кромѣ храма (нынѣ разрушеннаго) въ Лиддѣ. Возможно, поэтому, что съ переходомъ Аскалона во власть египетскихъ халифовъ Фатимитовъ, или самое христіанское поселеніе въ Лиддѣ, или какой либо городъ по близости былъ названъ именемъ этой крѣпости (если не просто именемъ однозвучнымъ), и что подъ именемъ храма Св. Георгія запись разумѣетъ именно святилище въ Лиддѣ. Тѣмъ болѣе, что въ Аскалонѣ, съ его завоеваніемъ мусульманами, христіанство какъ бы совершенно было задушено ²⁾, древнія церкви (V — VI в.) обращены въ мечети, и съ VI вѣка неизвѣстно ни одного епископа.

Во всякомъ случаѣ, запись эта представляетъ столь много новаго и любопытнаго матеріала, что заслуживаетъ критическаго анализа. Ея содержаніе, имена и факты падаютъ притомъ на любопытнѣйшую эпоху — самый канунъ завоеванія крестоносцами Іерусалима и знаменитой битвы Готфрида съ 20000 противъ 200 (или 300) т. Египтянъ подъ стѣнами Аскалона въ 1099 же году, 12-го Августа, тогда какъ запись указываетъ на Январь этого года.

754. Тріодъ съ Пентикостаріемъ, писана рукою писца Симеона и кончена въ мѣсяцѣ Мартѣ 6685 года (1177 г.), инд. 10.

¹⁾ Имя *хадра* есть арабское имя Георгія el chadr (иногда Kirg), подъ которымъ и нынѣ извѣстны даже храмы и церкви во имя Святого, см. у Зеппа въ указ. соч., многіе пункты. Впрочемъ, въ перечнѣ Палестинскихъ епархій упоминается городъ — *Гадара*, Parthey, p. 44. Греческая передѣлка арабскаго *хадр* въ *хадра* понятна сама по себѣ. Для точности, однако, укажемъ на то, что «зеленый дворецъ» Мовинъ, основателя династии Омйядовъ, въ Дамаскѣ назывался также *хадра*, см. *Kremer, A. Culturgeschichte Orientis unter den Chalifen*, 1875, I p. 134. Но мы затруднились бы найти, затѣмъ, какую либо связь этого дворца хадры съ ц. Св. Георгія и Дамаска съ нашимъ городомъ *Аска*...

²⁾ *Guérin, Palestine, Judée*, p. II.

756. Тоже; послѣ благодарственныхъ обычныхъ стиховъ запись писца: *Ταπεινῷ μιχαήλ ἱεροσολυμήτη. ἔτος δ' ὀπῆρχεν ἡνῶκα τοῦτεγράφαι ,σφίγ' = 1205 г. 849. Θεοτοκαρίονъ или Богородичникъ съ записью, отъ которой сохранился лишь годъ ,σσιβ' — 1304.*

Между многочисленными часословами и требниками (эвхологиями) Синайской библиотеки особенно много рѣдкихъ манускриптовъ VII (?), VIII и первой половины IX столѣтiя, иногда унциальнаго письма, иногда скорописнаго; но многія рукописи весьма плохой сохранности, оттого, что были въ повседневномъ употребленiи. Таковы напр. № 864 — Горологiй, 3 в. шир. и 2 в. дл.; 870 — тоже, въ 12-ю д., писанный нѣкимъ Георгиемъ; одинъ требникъ безъ номера, косаго унциальнаго письма, безъ ударенiй; № 926 — контокарiонъ X вѣка, съ моленiемъ о писцѣ и др.

929. Ирмологiй съ годомъ — 1348 отъ исчезнувшей записи.

961 — 6 и др. — рядъ почти тождественныхъ экземпляровъ, одной руки, въ 16-ю д.

968. Евхологiй, 4°, 1426 года, съ записью:

Ἐτελειώθη τὸ παρὸν εὐχολογiὸν διὰ χειρὸς καὶ μου τοῦ ἀμαθοῦς ταπεινοῦ καὶ ἀμαρτωλοῦ βαρθολομαίου τάχα καὶ ἱερέως τὸ ἱκίλην βόσου (sic). διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου πρὸς ἡμῶν μωϋσέως διακόνου καὶ οἰκονόμου τῆς σεβασμίας μονῆς τῆς ἁγίας ἐνδόξης μεγαλομάρτυρος αἰκατερίνης ἐν τῇ νήσῳ κρήτη. Καὶ οἱ ἐντυγχάνοντες εὐχεσθαι ἡμῶν διὰ τὸν χν'.

Ἐν ἔτει ἑξακισχιλιοστῷ ,Ϡ λ δ' μηνι αὐγουστῷ ἱε'.

О формулѣ: *διὰ συνδρομῆς* см. въ соч. Gardthausen, Paläogr. 377. Здѣсь она обозначена яснѣе прибавкою: *καὶ ἐξόδου* — по заказу и на средства». Монастырь Св. Вел. мученицы̄ Екатерины̄ на о. Критѣ составлялъ отдѣленiе Синайскаго монастыря, гдѣ именно и доселѣ этотъ послѣднiй владѣеть землями, чѣмъ и объясняется легко переносъ ркп. въ Синайскую библиотеку. Годъ 6934=1426 обозначенъ безъ указанiя индикта.

Съ № 1116 по 1143 рядъ позднѣйшихъ списковъ такъ наз. *воиχά*, между ними семь—Номоканона, причеъ 1115 — Номоканонъ въ 40 параграфахъ, древнѣйшій; 1116 — Номоканонъ I. Зонары; 1117 — Θεοδώρα Βλασαμονα 'Ερημητεα на Номоканонъ: 1119 — Н. Матеея; 1121 Алекс. Аристинна Толкованіе въ 77 главахъ и друг.

Въ отдѣлѣ *σμψι*, изъ 18 ркп. мало любопытныхъ, тѣмъ менѣе важныхъ: сходн на Эврипида, различные письменники, лексиконы и пр.

Историческихъ рукописей десять; изъ нихъ:

1183. *Εβσεβία Παμφιλα* Церковная Исторія въ 10 книгахъ, 4^о, XI, в.

1185. *Νικηφορα* п—ха К. польскаго *χρονογραφικὸν σύντομον* въ 57 главахъ.

1186. *Κοσμάς Ινδοπλοῦα* «Христіанская Топографія» съ миниатюрами, XI стол, замѣчательная рукопись, о которой см. ниже.

1187. 'Ιερὰ ἱστορία, ркп. XVIII в.

1188. 'Ιστορικὸν Михайла Глики, бумаж. 338 л.

1189. «Синописисъ» философа и монаха Константина, до царств. Никифора Вотаниата, ркп. им. 265 л., писана въ 1540 г.

1191—3. Различные хронографы, доведенные до султана Селима, до 1794 г. и т. д.

Въ отдѣлѣ псалтика (большею частью на бумагѣ и позднѣйшихъ) замѣчательны:

1216. *Στιχηρὰρ* въ л., съ нотными знаками, XIII в., съ прекрасными, но только заготовленными въ контурахъ миниатюрами ко всеѣмъ Господскимъ и Богородичнымъ праздникомъ. См. ниже.

1220. Тоже приблизительно одного времени, или не позже XIV стол.; палимпсестъ въ одной части.

1221. Стихирарь съ записью 1321 г.

'Ετελεῖσθη τὸ παρὸν στιχηράριον διὰ χειρὸς ἐμοῦ μαρούλλου τοῦ χαλκοποῦλου, μηνὶ Ἰαννουαρίῳ κγ, ἰνδ. δ, τοῦ ,σικχθ' ἔτους,

διὰ χρόνου καὶ ἐξόδου ἱερομονάχου κυροῦ βαρδολαμαίου τοῦ χορινθιώτου καὶ ποτὲ ἀποστόλη (?).

Наконецъ, что касается рукописей славянскихъ, считаемъ излишнимъ сообщать нумера и содержаніе ихъ, такъ какъ именно для этого отдѣла каталогъ всѣхъ его 38 рукописей съ указаніемъ записей и иныхъ палеографическихъ признаковъ уже напечатанъ самимъ составителемъ рукописнаго каталога Синайской библіотеки арх. Антониномъ¹⁾. Но изъ этого же перечня явствуется, что въ числѣ славянскихъ рукописей нѣтъ ни особенно важныхъ по древности, ни любопытныхъ по содержанію. Единственное исключеніе составляютъ двѣ глаголическія рукописи: № 37 Служебникъ въ 16 д., безъ начала и конца, особенно тщательно мелкаго письма и № 38—*Псалтырь* (177 листовъ) въ 16-ю же д., подобнаго, но менѣе тонкаго письма и, повидимому, древнѣйшаго. Первая рукопись имѣетъ чрезвычайно любопытные инициалы, расцвѣченные слегка свѣтло-зеленою, кирпично-красною, свѣтло-зеленою и желтою (хромъ) красками²⁾; рисунокъ состоитъ изъ плетеній, съ примѣсью немногихъ растительныхъ формъ, напр. стрѣльчатыхъ листьевъ, также фигуръ, напр. руки, птичьей и змѣиной головы и т. п. Что касается содержанія первой рукописи (въ которой называется напр. «молитва о трисавицѣ»), языка и, главное, глаголическаго письма обояхъ манускриптовъ, то интересъ этихъ памятниковъ и всѣхъ вопросовъ, съ ними связанныхъ, поднятый въ послѣднее время г. Гейтлеромъ, загребскимъ ученымъ, посѣтившимъ Синайскій монастырь въ 1880 году спеціально ради изслѣдованія глагольскихъ рукописей, настолько высокъ и значителенъ, что, конечно, вызоветъ въ ближайшемъ будущемъ спеціальныя ихъ изслѣдованія, а потому и избав-

¹⁾ «Труды Кіев. Дух. Академіи» за 1873 г., Сент., стр. 348 — 354, примѣч.

²⁾ Форма этихъ инициаловъ, равно какъ и заглавныхъ буквъ другою рукописи, можетъ послужить для опредѣленія вѣка рукописей, по своей характерности, но, понятно, какъ доказательство второй руки послѣ палеографическихъ признаковъ.

леть насъ отъ нужды говорить о предметѣ, не входящемъ въ нашу компетенцію.

Въ заключеніе этого краткаго и отрывочнаго обзорѣнія Синайской библіотеки рукописей, специально-церковной по своему составу, не можемъ не остановиться на ея общемъ научномъ значеніи. Въ настоящее время, благодаря составленію каталога и приведенію въ извѣстность значительной массы рукописей, если не вполнѣ по своему содержанию, то, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, стало яснымъ, что изумительныя открытія, подобныя Тишendorфовскому, врядъ ли могутъ имѣть мѣсто. И, однакоже, кромѣ указанныхъ нумеровъ, Синайская библіотека заключаетъ въ себѣ еще много важнаго для палеографіи; таковы напр. листки древнѣйшей греческой Псалтыри (V—VI стол.), расположенныя теперь на двухъ доскахъ, отрывки другихъ рукописей, не позже VII стол., папирусы и иные листки, нынѣ бережно хранимые. Наконецъ, кромѣ этихъ рѣдкихъ драгоценностей греческой палеографіи, Синайская библіотека имѣетъ въ нашихъ глазахъ особую важность для изслѣдователя значительнымъ числомъ своихъ рукописей изъ той промежуточной и наиболѣе темной въ исторіи греческой палеографіи эпохи VII, VIII стол. и первой половины IX вѣка, которая и обращаетъ нынѣ на себя преимущественное вниманіе¹⁾. Полный мракъ, который и доселѣ окутываетъ Востокъ и его древности и скрываетъ громадную, по своей численности, Синайскую библіотеку отъ взоровъ науки, разсѣется, конечно, не разомъ, и усилиями не одного, проникшаго въ пустыню, палеографа. Тамъ, гдѣ потребны были бы для полнаго освѣщенія труды ученыхъ миссій со всѣми нужными средствами и полномочіями, частная инициатива должна ограничиваться указаніемъ и намѣкомъ.

---

¹⁾ Частнымъ образомъ на мѣстѣ мы слышали, что извѣстный палеографъ, проф. Гардтгаузенъ, посѣтившій Синайскій монастырь за годъ до насъ, изслѣдовалъ всѣ его рукописи по письму, но состоялось ли изданіе въ свѣтъ приобрѣтенныхъ имъ матеріаловъ, намъ неизвѣстно.

ГРЕЧЕСКІЯ РУКОПИСИ СЪ МИНИАТЮРАМИ

въ бібліотекѣ Синайскаго монастыря.

Подобно тому, какъ въ Синайской бібліотекѣ трудно найдѣться на палеографическую находку въ родѣ кодекса Тишендорфа, такъ и по своимъ лицевымъ, или украшеннымъ миниатюрами, рукописямъ, она не представляетъ ничего равнозначительнаго ни Россанскому кодексу Евангелій, ни Ватиканскому списку Космы Индоплова, ни даже Евангелію монаха Рабулы Лаврентіанской бібліотеки. Тѣмъ менѣе можно сравнить Синайскую бібліотеку греческихъ рукописей, хотя наиболѣе численную послѣ ватиканской, съ роскошною по составу Національной Библіотекою Парижа. Многое, наиболѣе любопытное для гуманистовъ XVI—XVII стол., было отсюда вывезено и поступило въ бібліотеки Флоренціи и Венеціи¹⁾, и въ томъ числѣ, конечно, не мало именно лицевыхъ манускриптовъ, до которыхъ всегда были охочи любители древности. И все же, не смотря на возможность многихъ случаевъ вывоза и хищеній, самый составъ Синайской бібліотеки одинъ объясняетъ достаточно, по нашему мнѣнію, ея бѣдность иллюстрированными рукописями; тамъ, гдѣ запасались преимущественно богослужебными, поучительными и настольными книгами, мало мѣста предоставлялось роскоши или даже искусству.

---

¹⁾ *Naniana* въ Венеціи обогатилась рукописями Синая, перешедшими послѣ въ *Marciana*.

Правда, общія свѣдѣнія наши по греческой палеографіи все болѣе и болѣе указываютъ намъ, что въ древнѣйшую эпоху греко-христіанской письменности и каллиграфіи мѣстомъ наибольшаго ихъ развитія были Юго-восточныя провинціи Византійской Имперіи и въ частности Александрія и ея епархія¹⁾. Если нинѣ всѣ согласны въ томъ, что масса рукописей X—XII вв., происходящихъ изъ Константинополя и его монастырей, объясняется безусловно тѣмъ, что именно тамъ сосредоточивалась письменность въ эту эпоху на потребу всего греческаго Востока, то весьма позволительно заключить отсюда тоже самое: для Александріи въ эпоху IV—VII стол. и для Сиріи въ VI—VIII столѣтіяхъ. Не естественно ли думать, что и первые иллюстрированныя списки Космы Индоплова появились въ Александріи, на родинѣ автора, и что внѣшнее и внутреннее сходство извѣстной Библии съ миниатюрами въ Вѣнской библиотекѣ, Россанскаго кодекса Евангелій и Синайскаго—не случайно? Вѣковое существованіе Александрійской библиотеки, сила традицій древней культуры, богатствъ и могущества египетской епархіи, обиліе монастырей и каллиграфовъ достаточно иллюстрируютъ фактъ развитія александрійской письменности въ эпоху IV—VII стол. и позволяютъ угадать ея характеръ и возстановить ея общія внѣшнія черты. Весьма естественно также предположеніе, что и въ синайскихъ обителяхъ господствовала таже письменность, съ ея типическою внѣшностью, направленіемъ и содержаніемъ, и что мы съ полнымъ правомъ можемъ переносить свѣдѣнія и общія понятія о письменности въ обителяхъ Нитрійской и всей Оиваиды на Синайскій монастырь. Именно здѣсь должны были изготовляться

¹⁾ Авторитетный палеографъ г. *Гардтаузенъ*, Griech. Paläogr. 1879, L. p. 407—8, не отрицая значенія александрійскихъ традицій въ дѣлѣ развитія христіанской письменности и признавая возможнымъ, что «Синайскій кодексъ» принадлежитъ къ александрійской школѣ, все же считаетъ *случайнымъ* то обстоятельство, что «древнѣйшіе образцы письменности» христіанской намъ стали извѣстны именно изъ Египта, объясняя его климатическими условіями и суевѣріемъ, способствовавшими здѣсь сохраненію рукописей.

многочисленные карманные экземпляры богослужебныхъ книгъ и Псалтыри, а полныя Библии цѣною не выше 18 солидовъ.

Но, на смѣну пышнымъ кодексамъ въ большое in 4°, на тончайшемъ свѣтящемся пергаменѣ, изящно каллиграфированнымъ и украшеннымъ миниатюрами, письменность византійскаго Востока со времени арабскаго завоеванія (638 г.) принуждена была выставить уже работы повседневныя, обиходныя. Это завоеваніе въ первыя времена не задавило ни греческаго языка, ни христіанской письменности, но оно сообщило тому и другой болѣе тѣсное, церковное направленіе и придало иной характеръ самой внѣшности производства. Пока мы не въ состояніи различить памятники письменности, возникшіе въ собственной Сиріи, въ ея городахъ или знаменитыхъ своею литературною дѣятельностью многолюдныхъ обитателяхъ (Св. Саввы), отъ работъ Синайскихъ или Александрійскихъ, мы обязаны принимать для всѣхъ существованіе одного общаго типа: таковы многочисленныя рукописи Псалтырей, паралитивъ и под. въ библиотекѣ Синая; многія изъ нихъ снабжены или арабскими оглавленіями и глоссами, или даже писаны на двухъ языкахъ. Самая скоропись греческихъ манускриптовъ VII — IX вѣка заимствовала много отъ письма арабскаго, какъ и формы рукописей, сорта пергамена, размѣры буквъ стали въ тѣсную зависимость отъ связей съ магометанскимъ міромъ, разрыва съ Византією и возникающей малограмотности. Именно эта эпоха VII — IX вѣка наименѣе благопріятствовала развитію миниатюры: мы не знаемъ ни одной рукописи этой эпохи съ художественными украшеніями; едва, едва оглавленія пишутся киноварью, да простая ленточка отдѣляетъ главы; пергаменъ грубый и толстый, письмо небрежное и грязное. Между тѣмъ, едва ли не всѣ древнѣйшія рукописи Синайской библиотеки принадлежатъ именно къ этой эпохѣ и къ этому разряду монастырскихъ издѣлій. Какой, казалось бы, интересъ художественно-историческій возможенъ въ этой области? Однако, интересъ есть и, на нашъ взглядъ, первостепенной важности въ общей исторіи христіанскаго искусства, и для его объяс-

невія матеріали існують іменно в Синайській бібліотеці (як, навѣрно, і в другихъ збіркахъ Востока)—в чей доказательствомъ послужать описуваніи нижє рукописи і сопоставленіє ихъ съ даними, уже извѣстними.

Но, прежде нежели мы приступимъ къ анализу самихъ этихъ рукописей, позволимъ себѣ сдѣлать небольшое общее отступленіе о тѣхъ художественно-историческихъ матеріалахъ, которыми мы владѣли доселѣ в сферѣ миниатюръ в частности и византійскаго искусства вообще в періодъ VIII — IX стол., иначе в эпоху иконоборства¹⁾.

Уже сдѣлалось фактомъ, что періодъ отъ конца VII по послѣднюю четверть IX столѣтія, наиболѣе темный в исторіи византійскаго искусства, есть, в то же время, и наиболѣе интересный: но онъ не только имѣетъ богатое внутреннее содержаніе, выразившееся в появленіи редакціи (Толковой по смыслу своихъ миниатюръ) Лицевой Псалтыри²⁾, а является еще подготовительною эпохою, имѣвшею рѣшительное значеніе в будущихъ судьбахъ христіанскаго искусства.

Въ самомъ дѣлѣ: если мы справедливо видимъ в древнѣйшемъ (IV—VI в.) періодѣ византійской миниатюры исключительное господство *античнаго* вкуса и древнегреческаго, т. е. еще языческаго взгляда, и затѣмъ, переступивъ черезъ эпоху иконоборства, встрѣчаемъ в концѣ IX столѣтія уже специализировавшееся *византійское* искусство, то не обязаны ли мы спросить себя, какимъ образомъ совершился этотъ переходъ и произошла такая крупная перемена не только в бытовыхъ условіяхъ, но и внутри самого искусства? Отрицающа существованіе положительныхъ направленій, будто бы данныхъ

¹⁾ О самомъ иконоборствѣ и его значеніи для искусства см. «Истор. вив. иск. по миниатюрамъ», стр. 101—9. Замѣтимъ, что самая эпоха точно определяется періодомъ отъ конца VII по конецъ IX вѣка.

²⁾ Мое изд. «Миниатюры греч. рип. Псалт. IX в. изъ собр. Хлудова в М., М. 1878 и Springer, A. Die Psalter-Illustrationen im frühen Mittelalter», VIII Bd. d. Abh. d. phil. Cl. d. K. Sächs. Ges. d. W. p. 210 — 17 Leipz. 1880.

искусству самимъ иконоборствомъ, и признавая, что оно имѣло лишь вліяніе отрицательное, какъ перерывъ въ развитіи, или преграда въѣковой античной, иначе языческой, системѣ, мы легко можемъ допустить, что самымъ противодѣйствіемъ искусству и выработаннымъ художественнымъ школамъ вызывались къ жизни загдохшіе народные элементы. Пусть даже въ X и XI стол.—въ эпоху полной спеціализаціи византіиства—рукописи наполняются копіями съ античныхъ миниатюръ (какъ увидимъ и ниже, по синайскимъ образцамъ), все же въ этихъ копіяхъ видна ясно совершенно иная художественная и религіозная мысль, чѣмъ та, которая создала самые оригиналы. Въ ней, этой мысли, заключается и смыслъ всѣхъ искаженій оригинала. Всѣ усилія придворныхъ живописцевъ и миниатюристовъ не въ состояніи, видимо, побѣдить эту мысль или тенденцію и возвратить искусство къ его высокому древнему образцу, и самыя блестящія произведенія этого времени производятъ наиболѣе ясное впечатлѣніе лжеклассическихъ имитацій. Въ то же время народный вкусъ, излюбивъ болѣе скромную, но богатую мыслями и содержаніемъ сферу, казалось, стремился направить художественную мысль вглубь задачи и выработать наиболѣе содержательныя и высокія стороны религіознаго искусства. Самый антикъ принимался здѣсь только, какъ форма, готовая для ея наполненія и выраженія чувства. Въ эпоху побѣды надъ иконоборческою ересью, какъ и во все время борьбы иконопочитатели устами своихъ вождей не переставали повторять, что искусство имѣетъ высокое назначеніе учить людей, просвѣщать невѣждъ, дѣйствовать на сердце массы, сближать ее съ божествомъ.

Почему же пусты оказались эти обѣщанія и на половину напрасны всѣ ожиданія, когда, вмѣсто развитія души въ искусствѣ, разработки идеаловъ религіи и христіанскаго чувства, византійское искусство съ конца IX стол. столь рѣшительно вступило на путь формы и внѣшности, ограничивъ все развитіе своего содержанія богословскими варіаціями на ту же тему? Отчего, вмѣсто живаго чувства и истинной экспрессіи

византійская иконопись X—XI стол. выработала только шаблонъ немногихъ условныхъ выраженій и заговорила навсегда языкомъ приторнымъ и слащавымъ? Изъ за чего, наконецъ, искусство это, покидая путь широкаго и свободнаго развитія мыслей, поторопилось, напротивъ, обезличить и то, чѣмъ доселѣ владѣло, унижая то, за что такъ долго боролось, такъ какъ отъ старыхъ импозантныхъ, хотя сухихъ мозаическихъ образовъ оно перешло теперь къ крохотнымъ эмалямъ и орнаментамъ различными заставками и инициалами подносныхъ рукописей, втискивая, такимъ образомъ, въ игрушечныя формочки то самое содержаніе, къ которому такъ недавно требовало благоговѣнія? Дѣйствовали ли здѣсь, какъ говорятъ, только привычки, усвоенныя искусствомъ во время его опалы при иконоборческихъ императорахъ, или же самому усвоенію этихъ привычекъ и проведенію ихъ въ самое сердце художественной дѣятельности Византіи способствовали иныя силы, выступившія на его поприщѣ?

Вотъ вопросы внутренней исторіи византійскаго искусства, которые, конечно, уяснятся не скоро, лишь въ результатѣ научнаго анализа всѣхъ матеріаловъ, но разрѣшеніе которыхъ, настоятельно необходимое, хотя бы и было не полно, или даже ошибочно, должно содѣйствовать интересу предмета, столь долго и намѣренно устраняемому.

Правда, мы узнаемъ лишь очень немногое объ искусствѣ этого періода изъ историческихъ свидѣтельствъ: таковы свѣдѣнія о мозаическихъ украшеніяхъ дворцовъ и церквей времени Теофила (+842; Cedr., ed. Bonn., Theoph. cont. III p. 140 — 7), о травныхъ мозаическихъ орнаментахъ стѣнъ триклинія во дворцѣ Константина Порфиророднаго (Theoph. cont. ib. p. 456) и о пестрой мозаической росписи византійскихъ мастеровъ (?) въ мечети Омиадовъ въ Дамаскѣ начала VIII стол. Но и эти немногія свѣдѣнія важны по тому единогласію, которое заключается въ нихъ и устанавливаетъ общій взглядъ на эпоху: иконоборство, стало быть, прямо или косвенно способствовало развитію вкуса къ *орнаментикѣ*. Всѣ

темы этой орнаментики, нѣкогда созданная Востокомъ и усвоенная Греціею и Равенною, затѣмъ жившія еще и въ V стол., когда синайскій подвижникъ Нилъ счелъ нужнымъ возстать противъ этой дѣтской потѣхи, съ новою силою выступили теперь въ VIII вѣкѣ, когда, выражаясь его же словами, πᾶν εἶδος ἐκφᾶσαι δέκνυται πρὸς ἡδονὴν ὀφθαλμῶν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ Θεοῦ.

Но къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ бѣдныя извѣстія о внутренней жизни лѣтописи Византійской Имперіи, приходятъ на помощь и самые памятники искусства. Конечно, монументальные памятники этого рода сохранились только отъ гораздо позднѣйшаго времени, но не менѣе ихъ живо говорятъ о новомъ художественномъ направленіи миниатюры рукописей. Уже, повидимому, во второй половинѣ VIII стол.¹⁾ и безусловно въ первой половинѣ IX вѣка находимъ нѣсколько греческихъ рукописей, иллюстрація которыхъ, не предлагая уже обычныхъ иконописныхъ или «историческихъ» миниатюръ, состоитъ исключительно изъ различныхъ заставокъ, инициаловъ, виньетокъ и пр., непременно фигурныхъ и иллюминированныхъ красками²⁾. Такъ изъ рукописей, уже ставшихъ извѣстными, укажемъ на *Евангеліе* Ватик. б. № 354, писанное нѣкимъ Михаиломъ въ 949 году, съ крайне любопытною орнаментикою каноновъ, въ простѣйшихъ краскахъ: желтой, зеленой и красной. Въ аркахъ этихъ каноновъ помѣщены крупныя медальоны съ звѣрями, оленями, слонами, зайцами, птицами, также сфинксами и драконами внутри, иногда крестами

¹⁾ Лабартъ, *Hist. des arts ind.*, t. III, p. 31—2 указываетъ только на одну рип. *Евангелія* въ нац. библ. Пар. fonds Colbert № 63, и. б. VIII вѣка. См. «Ист. виз. иск. по миниат. стр. 106.

²⁾ *Montfaucon, Palaeogr. gr.*, p. 254, по поводу фигурной азбуки изъ рип. Григ. Богосл. Пар. Нац. б. № 510 (880 года) и друг. рип. IX—XII стол. «съ VIII уже столѣтія въ греч. рип. замѣчаются большіе инициалы, искусно составленные каллиграфами изъ фигуръ людей, звѣй, птицъ, рыбъ и пр.». Но снимки М. относятся къ IX—XII стол. Ср. буквы Р и X съ Синайскими рукописями, также О въ снимкѣ Монф. тождественно съ фигурою буквы въ Синайской рип. I. Климака № 417.

изъ плетеній. Подобное греч. *Евангелие* Британ. Муз., собр. Арунд. № 547 (IX в.?) интересно множествомъ инициаловъ въ видѣ рыбъ, птицъ, иногда благословляющей руки, и даже уродовъ, напр. ч въ видѣ челоуѣка на одной ногѣ ¹⁾).

Значительное число подобныхъ рукописей мы имѣли случай встрѣтить въ библиотекѣ Синайскаго монастыря Св. Екатерины. Таковы напр. *два рукописи I. Климаса* за № 417^v и 421, обѣ прекраснаго письма IX в. въ мал. 4° со сколіями; инициалы этихъ рукописей, то фигурныя, въ видѣ рыбъ и птицъ, то изъ плетеной тесьмы, или даже суставчатныя изъ растительныхъ колѣнцевъ, разнообразны и изящны въ своей древней простотѣ и грубости. Еще любопытнѣе тамъ же манускриптъ *поученій Св. Теодора Студита* за № 401, также IX стол.; его змѣвидные инициалы и заставки поражаютъ своею близостью къ романскому стилю рукописей XII—XIV в. на Зап. и въ Россіи; здѣсь плетеніе само образуется изъ извивовъ змѣй и драконовъ, красныхъ, желтыхъ, синихъ и пр., на которыхъ нападаютъ большія птицы; нѣкоторая причудливость и пестрота формъ ²⁾, а равно и самый выборъ темъ указываетъ намъ какъ будто бы на Египеть, откуда могутъ вести начало эти рип., а м. б., и самая орнаментация, которая, коренясь въ самыхъ условіяхъ жизни этой страны Востока, не чужда также и духовнаго принципа—символизма. Если же мы припомнимъ, для подтвержденія нашей гипотезы (общій характеръ александрійской письменности повторяется также въ этихъ рукописяхъ), что Египеть издревле былъ склоненъ къ ориге-

¹⁾ Сюда же отнесемъ мы и нѣкоторыя латинскія рукописи, иллюстрированныя явно по греческимъ образцамъ: церемониаль при рип. *Exultet* библиот. Минервы въ Римѣ, б. предметомъ изученія для Чампини и д'Аженкура; большое D этой рип. все составлено изъ плетеній, обвивающихъ крестъ и звѣрей. Латинское *Евангелие* IX в. въ Париж. Нац. б. № 265 имитируетъ орнаментыку визант. рип. IX стол., тогда какъ рип. 11959 той же библиот. сочетаетъ ее съ англосаксонскими образцами.

²⁾ Къ сожалѣнію, чаще всего повторяется А (*ἀβελφοί*) и Т (*τέχνα*) въ началѣ поученій, и поэтому рисовальщику мало простора для воображенія и труда.

низму и отъ него къ иконоборческимъ тенденціямъ, какъ о томъ свидѣтельствуемъ напр. борьба антропоморфитовъ и оригенистовъ (атеевъ) въ V вѣкѣ, то намъ уяснилась бы значительно почва происхожденія этой орнаментики. Въ подобной темной сферѣ приходится итти ощупью и довольствоваться всякаго рода указаніями и преданіями. Остановимся, наконецъ, на *Евангелии Синайской библ. № 213*, въ м. 4^о, пис. 2 столбцами, которое, по мѣстному преданію, происходитъ изъ б. монастыря горы Хорива. На первомъ листѣ читается запись молитвы о рабѣ Божиемъ пресвитерѣ Евстаѳіи, написавшемъ это Евангеліе, а на послѣднемъ, что оно кончено писаніемъ въ м. Январѣ 30-го числа индикта 10, года отъ сотворенія міра 6475 = т. е. въ 967 году.

Вотъ эти записи (въ точной передачѣ): Μνησθειτη (sic) κ̄ε τοῦ δουλου σου ευσταθαιου πρεσβυτερου ἀμαρτωλου και ταπεινου τοῦ π̄ θ̄ω (?) γραφαντος τὸ εἰσαχ̄ τοῦτω. ἀμην.

2) Επληρωθη συν̄ θ̄ω τῶ εἰσαγγελειον̄ τουτω̄ μη̄ ἰαννουαριω̄ εις τ̄ λ̄ η̄νδ̄ ἰ̄ ἔτους̄ ἀπο κτισσεως̄ κοσμοῡ, σουο̄'.

Обращеніе письма (одинъ листъ) сообщенъ еп. Порфиріемъ Успенскимъ въ приложеніи къ его соч. «Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и свиты ч. 2-я, отдѣл. 1-е, Кіевъ, 1877, табл. № 3.

Рукопись наполнена заставками въ видѣ ленточныхъ плетеній, багетками, culs de lampe и передъ каждымъ чтеніемъ имѣется фигурный инициалъ. Краски всѣхъ этихъ орнаментаций простыя, не ломаныя, безъ всякой моделировки; синяя служитъ фономъ для киновари, охра заступаетъ мѣсто золота, яркозеленая и изрѣдка свѣтлоричневая появляются въ деталяхъ изображенія животныхъ. За то рисунковъ и формы инициаловъ крайне характерны и важны для восточно-византійской орнаментики. Мѣстами плетеніе заставокъ превращается въ плетеніе змѣй, на концахъ котораго появляются то головы драконовъ, то голова или руки поглощеннаго ими человѣка (Іоны): въ концѣ нѣкоторыхъ главъ изображены геральдическаго стиля грифоны, архаизмъ которыхъ повторенъ Запа-

домъ въ XI — XII стол. Заглавныя буквы большихъ размѣровъ совмѣщаютъ въ себѣ и обычныя растительныя формы виз. инициаловъ X стол., и самыя причудливыя черты звѣрнаго романскаго стиля.

Ⲙ (чаще всего, при словахъ ⲉⲓⲧⲉⲛ ⲃ ⲓⲥ) въ видѣ благословляющей руки епископа (судя по обозначенному шитью ризъ), но также въ видѣ двухъ драконовъ, извивающихся по сторонамъ руки или цвѣтка и пр., и даже двухъ грифоновъ, охватившихъ человѣческую фигуру. Буква A въ видѣ колонны, обвитой тесьмою или цвѣтами, къ которой слѣва подпрыгиваетъ зайчикъ, птица и пр. Сколько разъ ни повторяется инициалъ T [ⲧⲱⲃ ⲕⲁⲓⲣⲱⲃ ⲉⲕⲓⲛⲱⲡ (sic)], всякій разъ оно даетъ различные рисунки, въ которыхъ растительныя извивы и плетенія ованчиваются головами птицъ и грифоновъ; под. видѣ имѣетъ буква Π, тогда какъ въ V и др. повторяется еще форма рыбы и пр.

И присутствіе деталей той же самой орнаментики въ изящныхъ рукописяхъ X стол., под. напр. Евангелію Пар. Нац. библ. за № 70 964 года, доказываетъ, что она не ограничивалась провинціальными сферами, но рано перешла въ общее достояніе. Элементы этой орнаментики, а именно звѣрныя формы инициаловъ, мы встрѣтимъ впоследствии въ великолѣпномъ кодексѣ книги Бытія Vat. Christ. I, X вѣка, въ Пар. Нац. б. Coisl. 20—Еванг. X же стол., во многихъ рукописяхъ XI вѣка: Еванг. Пар. Нац. б. № 163, Коммун. библ. въ Сіенѣ, реп. Гомилій Іакова Нац. б. № 1162, Ват. код. Григ. Богосл. № 463, Vat. № 1156, Словахъ Григ. Богосл.: Нац. б. 543 и Син. библ. № 339 и т. д., въ XII вѣкѣ даже въ Псалтыряхъ: Син. библ. № 38, 61 и мног. друг. Но въ цѣломъ, эта орнаментика родственна лишь съ восточными, хотя бы и позднѣйшими рукописями: таковы для XII вѣка буквы въ коптскомъ Евангеліи 1173 года въ Нац. № 41 Пар. б. № 13, и двухъ сирійскихъ Ев. ib. 40, 1191 г. и 1195 г., для XIII—XIV стол.—Еван. армянское Пар. Нац. б. № 10 а, Іова Vat. № 1231 и пр. Въ этомъ послѣднемъ манускриптѣ каллиграфа Іоанна изъ Тарса, мы находимъ напр.

любопытный инициал мѣстнаго происхожденія: левъ терзаетъ плечо человѣка.

Но особенно много говоритъ въ нашу пользу сходство армянскаго указа. Евангелія съ образцами X вѣка: хотя здѣсь уже иная техника, и крохотная рукопись эта можетъ считаться за одно изъ блестящихъ произведеній поздневииз. жанра, въ которомъ фонъ и контуры исполнены золотомъ, и въ многочисленныхъ виньеткахъ и заставкахъ видимъ собственно растительный орнаментъ, но въ видѣ сложныхъ плетеній, однако заглавныя буквы даютъ все тѣже странно причудливыя формы. Большая часть ихъ представляетъ птицъ въ удивительныхъ перегибахъ, съ неестественно длинными клювами и хвостами, а иногда съ змѣинымъ тѣломъ; буквы оканчиваются или птичьею или змѣиною головкою, иногда въ видѣ крылатыхъ драконовъ, львовъ, даже въ видѣ двухъ львовъ архаическаго типа, поднявшихся на заднія лапы. Заставки пестрѣютъ уже не одними растительными побѣгами, но и плодами; чаши или фонтаны на верху этихъ заставокъ обставлены пѣтухами, павами, деревьями, пальмами, но также львами, обезьянами, которыя держатъ въ рукахъ факелы и имѣютъ на головахъ дурацкія короны.

Въ отдѣлѣ Лицевыхъ Евангелій Синайской бібліотеки, Евангелие № 204 какъ и слѣдовало ожидать, весьма многочисленномъ, первое мѣсто занимаетъ драгоценная рукопись за № 204, in 4°, вся съ начала до конца писанная золотомъ. Унциальное письмо носитъ на себѣ явно характеръ того ренессанса въ письмѣ, когда круглыя буквы вновь вытѣснили продолговатыя, писцы стремились подражать старинѣ и выработали новую форму для подносныхъ и церковныхъ кодексовъ, почему этотъ унциаль и принято называть «литургическимъ»¹. За отсутстви-

¹) Образецъ особенно крупнаго письма у. Montfaucon, l. c. p. 229; Gardthausen l. c. 161—2 справедливо понижаетъ памятники этого письма на два столѣтія, съ VIII на X-е, и съ IX на XI и даже XII вѣк. Характеристика буквъ Д, круглаго Θ, Υ какъ лат. V и друг. вполне приходится къ нашей ркп. Позднѣйшее ся происхожденіе свидѣлствуется зубчатыми буквами въ заголовкахъ.

емъ рукописей съ датами именно въ этомъ разрядѣ, нельзя и приблизительно рѣшить, когда возникаетъ этотъ шрифтъ, но, послѣ остроумныхъ сближеній и доводовъ Гардтгаузена, нельзя также и сомнѣваться, что господство письма устанавливается не въ VIII столѣтїи, какъ думали, но со второй половины X вѣка и принадлежитъ особенно XI вѣку. Наша рукопись написана особенно изящно, и ради этого изящнаго унциала всегда возбуждала къ себѣ особенное вниманіе путешественниковъ и палеографовъ. Установилось даже, повидимому, безъ всякихъ основаній, преданіе, что она принесена въ даръ монастырю Имп. Θεοδοσιѣмъ, при чемъ, очевидно, разумѣется Θεοδοσίη III Имп. (715 и 716 г.) такъ наз. *хризотрафъ*. Но рукопись, явно, не только позднѣ начала VIII стол., но не можетъ принадлежать даже и началу X вѣка, а писана, всего вѣроятнѣе, во второй пол. X или въ началѣ XI и притомъ, по признакамъ письма, въ Константинополѣ.

Главнѣйшія доказательства въ пользу этой эпохи даются фигурными инициалами и миниатюрами. Первые представляютъ обыкновенный типъ заглавныхъ буквъ въ роскошныхъ рукописяхъ XI вѣка и состоятъ или изъ растительныхъ побѣговъ условной формы, или изъ птичекъ, которыя держатъ въ клювѣ вѣтки; фигуры исполнены только въ контурахъ, золотомъ же, и не иллюминированы красками. Миниатюры, числомъ 7, писаны по золотому фону и размѣщены по обѣ стороны трехъ выходныхъ листовъ, и такъ какъ Евангеліе это представляетъ изъ себя кодексъ по чтеніямъ, то, вѣроятно, это размѣщеніе было и первоначальное. Христосъ на первой стр. стоитъ на четырехугольномъ подножіи, усыпанномъ жемчугомъ, держа въ лѣвой рукѣ Евангеліе и благословляя правой; одѣтъ въ пурпурный хитонъ съ широкими золотыми клавмами и голубой гиматїей; складки угловатыя, ломающіяся. Типъ Христа повторяетъ извѣстныя мозаики XI и XII вѣка, но лицо болѣе продолговато и худо, а взглядъ на право не мало усиливаетъ строгость выраженія. Вообще говоря, иконописный типъ данъ здѣсь въ прекрасныхъ еще формахъ, хотя крайнее удлинненіе

пропорцій наминаетъ даже работы XII столѣтія. *Богородица* (μῦρ Θυ) наиболѣ изящная и замѣчательная миниатюра, хотя съ тѣмъ же недостаткомъ въ пропорціяхъ; М. одѣта въ голубой хитонъ и лиловое покрывало, окутывающее ее съ головою; правую руку она прижимаетъ къ груди, а въ лѣвой держитъ свитокъ, смотритъ на лѣво. Ап. *Матѳей* въ прекрасномъ, строгомъ, но не лишенномъ добродушія типѣ, держитъ на покрывалѣ своего гиматія Евангеліе и беретъ за него правую руку. *Маркъ* указываетъ правую руку на свое Евангеліе, также *Лука*, а *Іоаннъ* благословляетъ. Типы, такъ сказать, канонизованные, т. е. окончательно установившіеся въ X и XI стол., и уже утрируютъ выраженіе строгости и величавости. Всего ближе изображенія эти подходятъ къ извѣстнымъ по своему изяществу Евангелистамъ въ миниатюрахъ Евангелія Имп. Никифора (Никифора Фоки, около 964 года) въ Пар. Нац. библ. за № 70¹⁾, но не имѣютъ ни ихъ живости, ни натуральности въ передачѣ тѣла и карнаціи. Последняя и важнѣйшая для опредѣленія эпохи миниатюра представляетъ *преподобнаго Петра* (δσως Πέτρος), мрачную, аскетическую фигуру старца, съ бородою до пояса, какъ у Павла Фивейскаго, въ темнокоричневомъ монашескомъ одѣяніи, но безъ вукулліа; на хитонѣ видны: *аналава* (ἀναβόλεος) или шерстяной шнуръ, который, опускаясь съ шеи, обвиваетъ плечи и препоясываетъ крестообразно одежду, и кожаный съ металлическимъ наборомъ поясъ, съ котораго спускаются вериги; на плечи навинутъ сзади и застегнутъ на груди *маворій*. Изъ всѣхъ Святыхъ²⁾ греческой церкви съ именемъ Петра подходитъ только одно лицо, а именно: *Петръ* (δ δστος πατῆρ ἡμῶν) б. патрицій время царицы Ирины, сынъ Константина, доместикъ школъ при Никифорѣ, молитвою освободившійся отъ болгарскаго плѣна и разрѣшенный отъ узъ I. Богословомъ, послѣ

¹⁾ Labarte, Hist. d. a. ind., атласъ, pl. 84.

²⁾ См. «Полный Мѣсяцесловъ Востока» арх. Сергія. Кромѣ указ. Свв., подъ 28 Ноября, въ Ватик. Менологіи, изд. Кард. Альбани, т. I р. 216 Петръ муч. при Константинѣ Копр., представленъ въ монашескомъ (?) одѣяніи.

покинувшій міръ и ставшій монахомъ сперва на Олимпѣ, затѣмъ въ Константинополѣ въ мѣстности имени Эвандра. Его житіе передано подъ 1 Юля въ греч. Менологіи Имп. Василя, чтб въ Ватик. б. (изд. Albani, III р. 148).

Изъ числа прочихъ кодексовъ Евангелія въ Синайской бібліотекѣ обращаютъ на себя вниманіе: № 149, ркп. XIII в., съ любопытными канонами, которые украшены башнями фантастической архитектуры.

№ 152, Четвероевангеліе, in 4°, прекраснаго письма 1340 г. (см. запись). Миниатюры Евангелистовъ любопытны тѣмъ, что каждый изъ нихъ подноситъ свою книгу Спасителю, благословляющему чело ученика; этому утрированному представленію соотвѣтствуетъ и преувеличенность движеній, слащавость экспрессіи. Мутнорозовая и бѣлесовато-голубая краска, съ мыльными наливками, отличаютъ собою вообще лучшія рукописи XIV в.

154. Тоже, XII в., въ малую 4, съ изображеніями Евангелистовъ дурнаго письма, грязныхъ красокъ; въ этомъ монашескомъ издѣліи больше старанья, нежели искусства; каноны раздѣланы пестро павлинами, свѣтильниками, чашами и пр.

156, тоже, XII в., отличается полнымъ безвкусіемъ рисунка заставокъ и, напротивъ, гармоническимъ подборомъ свѣтлыхъ красокъ; свѣжее и молодое лицо черноватаго Марка не лишено пріятности.

157, тоже, XIV в., съ 4 Евангелистами; имѣется запись, указывающая, что книга написана «на островѣ Патмосѣ», въ пещерномъ монастырѣ І. Богослова рукою монаха Іоанна.

165, какъ и №№ 170, 240 и нѣкоторые другіе, любопытно уже не столько самими миниатюрами, сколько по орнаментикѣ; первыя совершенно помертвѣли, а во второй еще сохранилась жизнь, и голубые разводы въ заставкахъ этихъ рукописей, растительные побѣги, львинія маски и пр., какъ и фигурные инициалы, въ звѣриныхъ и фантастическихъ формахъ, могутъ еще служить доказательствомъ силы греко-восточныхъ художественныхъ преданій.

За № 166 находится замѣчательное по своему изяществу Евангеліе XII в. Тонкая роспись цвѣтовъ, фонтановъ, птицъ, шраффировка золотомъ, и свѣтлоричневый фонъ каноновъ, напоминающій Альгамбру, находятъся въ оригинальномъ противорѣчii съ водянистою мазнею миниатюръ. Тѣсную связь византійскихъ орнаментовъ съ арабскими иллюстрируетъ № 233, Евангеліе съ двумя миниатюрами, рамки которыхъ близко напоминаютъ мозаическую орнаментку мечети Омара въ Иерусалимѣ.

№№ 153, 160, 170, 179, 187, 196—XI—XIII в. заключаютъ въ себѣ изображенія 4 Евангелистовъ ординарнаго типа, какъ и сотня подобныхъ рукописей въ библіотекахъ Востока и Запада.

Напротивъ того, № 216, Евангеліе Апракосъ, хотя принадлежитъ уже XIII—XIV в., и дурнаго письма, представляетъ заставки прекраснаго рисунка. Въѣсто изображенія Ев. Іоанна представлено Распятіе въ позднѣйшемъ перевѣзѣ (глаза Христа закрыты, на немъ препоясаніе), съ сотникомъ; фонъ служитъ стѣна съ 2 башнями.

221¹⁾, тоже въ л., XIII в. съ выходнымъ изображеніемъ Христа, къ которому подходятъ всѣ Евангелисты, съ Евангеліями въ рукахъ, какъ бы собираясь читать ихъ; рисунокъ—крайне отяжелѣвшій.

Сравнительно съ этими ординарными рукописями XI—XIII стол., гораздо болѣе любопытны даже плохія рукописи XIV и XV вв., въ которыхъ самое разложеніе византійскаго шаблона дало возможность прорваться наружу мѣстнымъ, народнымъ элементамъ. Много подобнаго рода важныхъ для исторіи искусства на Востокѣ памятниковъ остаются доселѣ неизвѣстными или недоступными. Изъ рукописей Син. м-ря укажемъ нап. Евангеліе за № 237 со множествомъ инициаловъ, растительныхъ, звѣринныхъ формъ и даже въ видѣ плетеній; многія ленты оканчиваются здѣсь головами птичьими, драконами

¹⁾ Листы этого Евангелія подклеены обрѣзками какого то древнѣйшаго кодекса, быть можетъ, даже извѣстнаго «тишендорфовскаго».

ни пр.; каноны обставлены фантастическими башнями, интересными для восстановления исторіи готической архитектуры.

№ 275 — реч. Дѣяній Апостольскихъ, XIII в., въ томъ же крохотномъ жанрѣ, какъ и экземпляръ Апостола въ библи. Московскаго Унив., любопытна для иконографіи. Въ началѣ рукописи изображенъ Христосъ, посылающій учениковъ своихъ на проповѣдь, а въ концѣ Саваоузъ (съ обнаженными ногами), держащій красную, т. е. огненную книгу; по сторонамъ его чаши съ цвѣтами знаменуютъ рай. Чаше другихъ Апостоловъ представляется Павелъ, обыкновенно въ собесѣдованіи съ Христомъ; Апостолъ окруженъ даже облакомъ или ореоломъ. Іаковъ, какъ еп. церкви Іерусалимской, стоитъ внутри портика, обставленнаго капарисами. Во всемъ видна копія съ монументальнаго оригинала.

«Книга
Іова»,
Синдск.
6. № 3

По особо изящному выполненію миниатюръ и также по своей рѣдкости представляется важною рукопись въ л. *Книги Іова* за № 3, относящаяся по всемъ признакамъ письма, но не живописи, къ XII вѣку. Хотя въ настоящее время и трудно опредѣлить мѣсто происхожденія греческихъ рукописей, однако извѣстныя качества рисовки и особенно колорита заставляютъ насъ думать, что этотъ кодексъ, вмѣстѣ съ Осмибнижіемъ Ват. библи. № 746, не константинопольскаго или столичнаго письма, но провинціального. Не даромъ въ немъ такъ много сохранено отъ древнѣйшаго оригинала и такъ мало парадныхъ, показныхъ формъ греческихъ рукописей этого времени. Одинъ взглядъ на миниатюры ¹⁾ этой рукописи, — которыя то напоминаютъ указанный кодексъ, то должны быть сближаемы даже съ Вѣнскою Библиею V вѣка, — и на прекрасное древне-

¹⁾ Изъ 24 миниатюръ, украшающихъ начало реч. до 25-го л. включительно и прекрасно сохранившихся, не сохранилась лишь одна: изображеніе жены Іова на л. 16 об., которое вырвано монахами, потому вѣроятно, что плачущая жена была представлена разодравшей на себя одежды свои; диаволъ мѣстами по обычаю вытертъ. Заставки рукописи въ видѣ жгутовъ крайне просты, и инициалы типа VIII—IX стол., но нѣсколько фигуриве.

уникальное письмо самого священного текста¹⁾, указываетъ намъ, что мы видимъ передъ собою копию древняго оригинала, переданную близко и вѣрно. За неизвѣстностью, однако, этого самаго древняго оригинала²⁾, мы можемъ только сравненіемъ и гадательно опредѣлить себѣ его типъ. Лишь одно общее заключеніе, что рукопись относится къ разряду подражательныхъ работъ и копій, наподняющихъ собою начальную эпоху утвержденія византійской иконописи послѣ иконоборства, можетъ жеть выставляться болѣе или менѣе положительно.

Всѣхъ миниатюръ 24. Каждая образуетъ полосу подъ текстомъ, выш. 0,09 с., окаймленную виноварною рамкою, какъ во всѣхъ указ. выше кодексахъ; фонъ каждой картинки представляетъ античный ландшафтъ, и горизонтъ до половины залитъ лилово-пурпуровымъ заревомъ, которое въ виз. живописи IX—X стол. составляетъ излюбленный мотивъ и сообщаетъ лучшимъ миниатюрамъ оригинальный колоритъ.

Самые сюжеты даны здѣсь въ условно-античномъ характерѣ: иллюстраторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на бытовыхъ подробностяхъ, изображая ихъ, однако, кратко и пластически, и его оригиналъ не навязываетъ ему ни символической, ни иконографической манеры.

Между двумя замками, внутри шатра на высокихъ пестромраморныхъ колоннахъ, видимъ Іова и жену его, возсѣдающими на высокихъ тронахъ съ подушками; оба мирно бесѣдуютъ; онъ сѣдъ, но мужественъ, она—юная царица въ діадемѣ. Золотая зубчатая діадема, голубыя влады на бѣломъ хитонѣ и

¹⁾ Текстъ самой «Книги» приводится лишь въ нѣсколькихъ строкахъ наверху. Внизу скорописью X-го вѣка написаны толкованія Олимпіодора. Рукопись полна, имѣетъ оглавленіе 52 отд. въ 36 пер., которые носятъ заглавія: Эвгегетики, діалоговъ, о Господѣ, діаволѣ, ангелѣ, Іовѣ, женѣ его, о Іліи, Моисеѣ и пр. Далѣе идутъ слова, которые писаны въ 2 столбца.

²⁾ Большая рукопись Книги Іова въ библиот. г. Патмоса, о которой мы имѣемъ лишь краткое свидѣніе, что она принадлежитъ VII—VIII стол., остается неизданной и намъ не извѣстна. Съ другой стороны позднѣйшая редакція XIII—XIV стол. *Житія Іова* отходить въ совершенно иную среду. См. мою «Исторію мин. р. 100, 265 др.

античныя серьги — скопированы здѣсь съ древняго оригинала. Прекрасны, чисто античныя типы (коричневые — помпейскіе тоны тѣла) трехъ дочерей Іова, встрѣчающихъ у дома своего отца съ сыновьями, видимъ въ слѣдующей сценѣ. Далѣе, миниатюрность ведетъ подробную иллюстрацію изобильной жизни праведника, видимъ многочисленныя стада Іова, пасущіяся на обильныхъ лугахъ; пастухи охотятся съ собаками за зайцемъ; видимъ дружбу дѣтей; вечерю всей семьи съ плясками молодыхъ рабовъ; жертвенныя приношенія Іова на алтарѣ всеожженія, и затѣмъ рядъ сценъ богатства и вообще земнаго счастья Іова. Многое въ этихъ сценахъ смѣшно или забавно въ своей дѣтски-грубой и наивной передачѣ; кони и верблюды походятъ на дешевыя игрушки: рисунокъ и композиція слабы или просто вполне безпомощны. Но то, чѣмъ сильно византийское искусство вообще, и здѣсь является съ блестящей своей стороны: античныя образы ангеловъ¹⁾ съ ихъ женственно-нѣжными оваломъ, съ свѣтло-лиловыми и голубыми одеждами, бѣлыми лентами въ волосахъ, просты и прекрасны. Въ этомъ типѣ небснаго вѣстника, которому подобный есть только въ моз. М. Маджіоре въ Римѣ и миниатюрахъ Вѣнскаго Библія, нѣтъ еще и слѣда того вычурнаго и утрированнаго характера кудрявыхъ женственныхъ юношей, которые составили позднѣйшій иконографическій шаблонъ.

Такимъ образомъ «Книга Іова», выдѣлившись изъ библія помощью Феодоритовыхъ толкованій, получила здѣсь еще древнюю иллюстрацію; впоследствии же она составила главнѣйшее поучительное чтеніе и въ рукахъ богослововъ и проповѣдниковъ стала неизсякаемымъ источникомъ нравственныхъ темъ, или догматическихъ толкованій о союзѣ Вѣтхаго Заваѣта съ Новымъ, и самъ Іовъ явился ветхозавѣтнымъ образомъ Христа. Та иллюстрація, которую мы видимъ послѣ (въ XIII—XIV вв.), хотя и повторитъ прежнія темы, но дастъ намъ, однако, уже

¹⁾ Изъ любопытныхъ деталей отмѣтимъ золотой настырскій посохъ (baculus или lituus) въ рукахъ дымчатаго сатаны.

новый характеръ житія или даже восточной поучительной сказки. Мы видѣли, съ какими наивными натуральными подробностями живописуетъ бѣдственную исторію страдальца миниатюристъ Синайскаго кодекса (№ 3), и какъ мало онъ занятъ символизациею проходимыхъ имъ событій. Всѣ эти детали будутъ со временемъ приурочены къ инымъ цѣлямъ, которыя выставятъ иное печальное время.

Въ данную эпоху только одинъ сюжетъ изъ этихъ миниатюръ встрѣчается съ характеромъ поучительнымъ: это сцена свиданія жены съ Іовомъ смердящимъ, подающей ему хлѣбъ на палкѣ: частое повтореніе этого сюжета въ Словахъ, Житіяхъ и даже Святцахъ X—XI в., намъ кажется, указываетъ на специальную монашескую тенденцію.

Архаистическій или подражательно-античный пошибъ, господствовавшій въ византійскомъ искусствѣ X—XI стол., выступаетъ конечно, сильнѣе всего въ иллюстраціи такихъ кодексовъ, которыхъ сложеніе принадлежитъ древнѣйшему времени, иногда V — VI столѣтіямъ, а самые списки завѣдомо представляютъ собою не болѣе, какъ копія этихъ древнихъ оригиналовъ, съ тѣмъ, однакоже, отличіемъ, что въ стилѣ миниатюръ явно чувствуется поздневизантійская тонкость, вычурность и такъ сказать, изношенность античнаго преданія. Эти списки, если они не прямыя копія — какъ напр. Лаврентіанскій или Синайскій списоки Космы — узнаются уже потому, что въ нихъ мы встрѣчаемъ, при широкомъ стилѣ композицій господство миниатюрнаго пошиба въ размѣрахъ фигуръ, мелочную отдѣлку деталей и т. д. Рисункъ не имѣетъ прежней простоты, сюжетъ обработанъ непременно каждый порознь, въ видѣ картинки, которая кстати овайливается ленточкою или рамочкою красною, или золотою. Если миниатюристъ не списываетъ просто въ меньшемъ масштабѣ, то онъ обязательно хлопочетъ о подобномъ, чисто внѣшнемъ изяществѣ своихъ композицій, и видимо становится въ положеніе окончательно подчиненное или второстепенное по отношенію къ писцу.

Космы
Индо-
плова
«Топо-
графия
№ 1186.

Разсмотримъ сначала оба кодекса Христианской Топографіи Космы Индоплова: Лаврент. библиот. Plat. 9¹⁾, cod. 28 и Синайскаго монастыря № 1186²⁾, изъ которыхъ первый, отличался лучшимъ исполненіемъ, позднѣе, по нашему мнѣнію, второго, и если, дѣйствительно, принадлежитъ, какъ считаютъ со временъ Монфокона, къ X стол., то заставляеть этимъ самымъ помѣстить и вторую рукопись въ X или въ началѣ XI вѣка (подписная іота помѣщается въ строку). Съ этимъ согласуется и характеръ письма обѣихъ рукописей и ихъ украшеній. Синайскій кодексъ и по полнотѣ своей можетъ считаться образцовою копіею древнѣйшей рукописи. Эта копія обратила наиболѣе вниманія на просвѣтительное, лучше сказать, научное значеніе труда Космы, и схолиастъ-гlossаторъ его, равно какъ и иллюстраторъ занялись главнымъ образомъ разъясненіемъ самой топографіи вселенной: въ противоположность древней редакціи (Ист. виз. иск. стр. 90), изобиліе миниатюръ, поясняющихъ космографическія теоріи Космы, или наглядно изображающихъ предметы, о которыхъ у него трактуются, указываетъ на су-

¹⁾ Кодексъ этотъ въ малую in 4°, совершенно одного размѣра съ Синайскимъ. *Шнаазе*, по указанію уже правилу, различаетъ въ миниатюрахъ, достоинству исполненія, руки двухъ живописцевъ. Каждая миниатюра обрамлена узкою коричневою ленточкою. Рукопись имѣетъ двѣ особыя выходныя миниатюры въ стилѣ и вкусѣ X стол., указывающія въ ней *подносный* экземпляръ: 1) Давидъ пастырь убиваетъ волка, напавшаго на стадо, и 2) по сторонамъ креста, водруженнаго на холмѣ, изъ подъ котораго истекають 4 рѣки, изображены Ап. Петръ и Павелъ. Эта разрушенная миниатюра издана въ каталогѣ *Vandini I* p. 437. См., кромѣ того, мою «Ист. виз. иск. по миниат.» стр. 86—7.

²⁾ Синайская ркп. извѣстна была еп. *Порфирію*, *Первое путешествіе въ Синайскій монастырь*, 1855 г. р. 241, но нашъ путешественникъ ограничился лишь замѣткою, что она ранѣе X-го вѣка. Вездѣ писана и разрисована одною рукою, сохранилась хорошо, но многихъ листовъ нѣтъ: всего 211 листовъ. Начинается прологомъ: *πρωτον μεν παντων παρακαλω τους μελλοντας εντουχαιεν τῆ δετῆ βιβλωι*. Послѣдній 12-й логосъ оканчивается словами: *τῆ ἀλεξανδρεϊαι ἀπολοσαι δια των ελεφαντων. καλ...*, послѣдняя страница смыта. Въ ркп. затѣмъ слѣдуетъ *πιναξ*, *βλῶσις* и *λεγοι*. На поляхъ имѣются схоліи и glossы кинноварью. Любопытны русскія glossы, переводъ греч. оглавленной позднѣйшаго времени. Немногіе инициалы растительнаго стила, встрѣчаются виньетки: двѣ куропатки яляющія и пр.

щественную переѣну въ интересахъ читателя. Миниатюристъ опустилъ изображенія малыхъ Пророковъ, Давида съ хорами, Даниила во рву, Икону Христа съ Предтечею, Страшный Судъ и др., но развилъ и прибавилъ сцены схоластическаго содержания. Къ описанію Александріи, ея памятниковъ, близко знакомыхъ Космѣ, и окрестностей, нарисовалъ «путь, ведущій изъ города Адудіи въ Аксому» и трехъ Эѳіоповъ идущихъ, далѣе колонну вел. Птолемея съ его статуею и тронъ его (*δῆμος πτολεμαϊκός* — въ видѣ аполоа съ барельефомъ — двѣ фигуры вельможъ). Схемы и планы странъ свѣта, положенія солнца, восхода и запада, суши и океана, обтекающаго землю, неба и земли, зодіака и пр. и пр. помѣщены въ первой половинѣ сочиненія. Иллюстраторъ останавливается на деталяхъ историко-географическаго интереса, рисуетъ напр. городъ Раеу на Синайскомъ полуостровѣ, Елимъ въ видѣ града и путь къ морю. Всѣ рисунки скиніи, ковчега, трапези — алтаря и пр., находящіяся въ древнемъ кодексѣ, удержаны. Но, кромѣ того, въ концѣ сочиненія (Синайской ркп. л. 148, 182, 183, 204, 208) прибавлены изображенія: (индійскихъ) финиковыхъ пальмъ, попугаевъ, *цикла* питательныхъ растений: китры, энтибиі, алатіи, малахи, аспараги, финиковъ, елайородавины, синастафидіи, костудіи, ситосъ скопомора, каріи арменской и индійской, кинне, сикіюйроды, перца и пр. Также представлены животныя: москъ, единорогъ, кабанъ, гиппопотамъ, фока или морская корова, дельфинъ, черепаха, левъ и тигръ, вспрыгнувшій на хребетъ коня.

Въ остальномъ обѣ рукописи представляютъ снимокъ съ ватиканской редакціи, измѣняя въ ней только немногое, напр. изображая Исаака или Адама сѣдыми, а не юношами, какъ ихъ представляетъ первая, но сохраняя даже тѣже самыя краски ¹⁾.

¹⁾ Интересъ этихъ копій удваивается, въ виду того, что именно онѣ послужили въ свою очередь оригиналомъ для редакціи славяно-русской, представленной, по нашимъ свѣдѣніямъ, двумя рукописями: Библ. Синод. XVI в., № 997 изд. въ «Очеркахъ» Э. И. Буслаева, т. I, II рис. къ стр. 617, 206, 325

Для сличенія съ славянскою редакціею и съ другою стороны съ древнимъ оригиналомъ предлагаемъ перечень и описаніе миниатюръ Синайскаго кодекса:

Листъ 23: *ὁδοὺ ἀπάγουσα ἀπὸ ἀδοῦλος εἰς ἀξώμην*: три юныхъ Эѳіона, держа знамена, идутъ отъ дома (городъ Адуль) къ крѣпости (Аксоме); на нихъ только препоясанія. Ниже на треугольномъ пьедесталѣ воинъ съ поднятымъ щитомъ и копьемъ, въ низкомъ шпашагѣ—*βασιλεὺς μέγας πτολεμαῖος*; справа *δίφρος πτολεμαϊκός* — мраморное кресло въ видѣ налож, на четырехъ колонкахъ; барельефы представляютъ двухъ молодыхъ патриціевъ.

Л. 30 об.: Ангелъ Господень, съ мѣриломъ, на концѣ котораго видна лилія, лѣвою рукою обнимаетъ мертваго, правою указываетъ на небо. Справа четыре всадника, указывая передъ собою правою рукою, ѣдутъ: вавилонскій — на львѣ, мидійскій — на медвѣдѣ, персидскій — на леопардѣ, македонскій — на барсѣ; всѣ всадники — юноши, въ соответствующихъ шапочкахъ, македонскій — въ діадемѣ (б. м., указаніе на эпоху происхожденія редакціи).

Л. 33 об. — иллюстрація четырехъ странъ свѣта по сторонамъ (sic) земли и восхода и заката солнца. Л. 34: тоже, съ добавкою народовъ: на Ю. Эѳіоповъ, на С. Скивовъ, на В. Индусовъ, на З. Кельтовъ, и четырехъ вѣтровъ: *νότος, βορρᾶς, ἀπηνιότης* и *ζέφυρος*.

Л. 49 об. Грѣхопаденіе. Разрушено.

Л. 64 об. — къ исторіи творенія: схема вселенной, земли, океана и неба; земля по срединѣ въ видѣ горы.

Л. 65 об.: схема въ видѣ арки: вверху *ὁ οὐρανὸς ἐπάνω τοῦ στερέωματος*; посреди: *καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα*

и вторую рип. Общ. Люб. Др. Писемъ. № 399, обѣ въ четвертку. Въ этой послѣдней выходной листъ представляетъ по сторонамъ креста образы Ап. Петра и Павла, Исаи и Ноеміи, Іакова брата Господня и Сильвестра папы римскаго. Планы и ветховавѣтныя сцены цѣликомъ переведены съ греческаго подлинника; затѣмъ иллюстрація (во второй рип.) на этомъ и оставивается и евангельскихъ событій не изображаетъ. Латинскихъ копій намъ неизвѣстно.

οὐρανὸν и στερέωμα συνδεδεμένον τῷ πρώτῳ οὐρανῷ; внизу: γῆ συνδεδεμένη τῷ πρώτῳ οὐρανῷ κατὰ τὸ πλάτος.

Л. 66: построение въ видѣ параллелепипеда: на верху написано: στερέωμα; по бокамъ οἱ στόλοι τοῦ οὐρανοῦ; внизу подѣ горою ὠκεανός. Л. 66 об.—схема Океана, обтекающаго съ четырехъ сторонъ землю; въ медальонахъ четыре вѣтра — юноши съ трубами; на сѣверѣ вдается заливъ — κάστια θάλασσα, на Югѣ два — ἀραβικὸς κόλπος и περσικὸς κόλπος; на В. три малые залива (?) безъ названій и схема Средиземнаго моря съ Адриатическимъ и Чернымъ (безъ названій) — ρωμαικὸς κόλπος. На В., за предѣлами земли садъ — δ ἐν ἐδέμ παράδεισος.

Л. 67: вновь схема земли, обтекаемой океаномъ, и вселеннаго круга.

Л. 70 об. — распределение свѣта и тьмы, дня и ночи, полудня и полуночи.

Л. 71 — построение въ видѣ ларца — ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν: на крышѣ ларца среди золотаго переплета медальонъ съ изображеніемъ Христа; на голубыхъ же стѣнахъ по бокамъ написано τοῦχος δυτικὸς τοῦ οὐρανοῦ и т. ἀνατολικὸς; посреди земля съ 4 κόλποι, съ солнцемъ восходящимъ и заходящимъ; вершина земной горы — βόρεια μέρη ὑψηλά. Л. 71 об. — зодіакъ съ 7 внутренними кругами (отъ земли): Луны, Гермеса, Афродиты, солнца, Ареса, Зевса, Крона, и 12 знаковь зодіака.

Л. 75 — Переходъ Израильтянъ: Моисей (юный) и Ааронъ ведутъ народъ; впереди колонна и облако радужное, въ небѣ Десница. Об.—городъ Элимъ и 6 финиковъ; Евреи гонятъ стада, четверо собираютъ манну въ видѣ комковъ снѣга на землѣ; внизу Моисей и Ааронъ съ группою передъ колонною, на которой горитъ огонь; въ полѣ сосудъ—στάμνος. Въ небѣ Десница.

76 — вверху крѣпость Элимъ и храмъ — πόλις ραϊδοῦς; вверху летятъ перепела; внизу группа со стадомъ и другая съ Моисеемъ, который изводитъ воду.

Л. 77—Моисей передъ Буниною; сзади него группы народа, онъ принимаетъ заповѣди.

Л. 79 — Οἱ ἔξωθεν ἄττιχοί — два молодыхъ ученыхъ со свитками. Об.— Скинія, въ видѣ четырехугольника, съ заборомъ изъ копій; посреди, въ одномъ отдѣленіи, въ планѣ изображено: ἡ κιβωτός τοῦ μαρτυρίου, ἐσωτέρα σκηνή, ἄγια ἄγιων, въ другомъ—ἡ τράπεζα, καταπέτασμα, λοχλία, ράβδος, στάμνος, αἱ πλάκες и ὄφης.

Л. 81. Τὰ σκεπάσματα τῆς σκηνῆς — прѣта, δευτέρα и трѣта. Л. 83—видъ трапезы и семисвѣщника съ лампочками въ видѣ голубей, испускающихъ пламя.

Л. 84. Первосвященники: Захарія и Авія по сторонамъ θυσιαστήριον'a въ формѣ алтаря и кивота завѣта. Об.— Планъ Скинія по странамъ свѣта.

Л. 86. Τὸ σχῆμα τοῦ ἱερέως: Ааронъ ὀπισθοφανής и προσδοφανής. Копія.

Л. 88. Посреди кивотъ, окруженный Моисеемъ, Аарономъ и Левитами; всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ и представлены въ позахъ древнихъ ораторовъ — правая рука выставляется изъ складокъ гиматія съ жестомъ обращенія говорящаго.

Слѣдуетъ рядъ сценъ, скопированныхъ съ Ватик. ркп.— л. 91—Ис. Навинъ (сѣдой) и Левиты съ ковчегомъ; об.— Адамъ и Ева въ нѣбахъ; л. 93—Авель со стадомъ; л. 97—Енохъ и смерть, отъ него отвертывающаяся; л. 98 — Ной принимаетъ голубя съ вѣтвью; 99 — Мельхиседекъ въ типѣ виз. Императора: 100 — жертвоприношеніе Исаака — живая сцена съ юношами рабами, ведущими коня, Исаакомъ, несущимъ дрова и пр.; алтарь—θυσιαστήριον въ видѣ сосуда безъ ручекъ, въ которомъ пылаетъ огонь. Л. 101—Исаакъ—сѣдой патриархъ, въ Ват. ркп.— юноша. Л. 102 — Иаковъ и юный Иуда, тождественно съ Лаврент. ркп. Л. 103—Моисей, пасущій стада, и Буяна въ видѣ сосуда (βάτος); Моисей принимаетъ свитокъ отъ Десницы. Л. 109. Вознесеніе ^h точная копія съ Ватик. миниатюры: Илія, стоя лицомъ къ зрителю, въ колесницѣ между 2 коней, протягиваетъ Елисею милотъ

(шкуру) Елисею; направо лежащая фигура ἰωρδάνης, ὄρος, держащая сосудъ опрокинутый, изъ котораго льется вода; вверху голубь, несущій хлѣбъ, и группа, около которой слова «отче, отче, колесница и кони его»: Илія сѣдой, съ длинными: волосами; Елисей въ типѣ Павла, лысый. Л. 112—Иону бросаютъ 2 корабельщца въ море, китъ въ видѣ дракона, онъ извергаетъ Пророка въ видѣ ребенка; вверху Иона юноша подъ тѣнью, нагой и въ печали. Л. 127 об. и 128—Савлъ стережетъ одежды Евреевъ, и Евреи, избивающіе Стефана—точная копія Ватик. списка. Л. 128 об.—Савлъ на дорогѣ в, Дамаскъ—тоже, но съ прибавкою двухъ архіереевъ на тронѣ отдающихъ свитокъ Савлу. Л. 144 и 147 — Лучи солнца, по его положенію. Л. 148 — два финика съ попугаями и коза—ταῦτά εἰσι τὰ λεγόμενα μοσᾶ; οἱ φοίνικες οἱ ἰνδικροί. 176 об.—сцена уже извѣстная бѣгущаго Езекин. 182—Цивль питательныхъ растений. 183 об.—зодіакъ съ ангелами. 204—206 — животныя.

Мы уже имѣли случай кратко пояснить въ другомъ мѣ-
 стѣ¹⁾ роль иллюстрированныхъ кодексовъ Григорія Богослова въ византійской миниатюрѣ и искусствѣ вообще IX—XIII столѣтій, но замѣчательная рукопись Синайской библи. за № 339 требуетъ особыхъ поясненій. Она не представляетъ ничего относительно новаго, даже, напротивъ, даетъ слишкомъ мало свѣжаго матеріала, особенно для иконографіи, но самымъ повтореніемъ излюбленныхъ формъ указываетъ на важность той редакціи, къ которой она принадлежитъ. Эта редакція, и примыкая къ древнему типу IX вѣка, настолько, однакоже, самобытна, характерна, что должна быть выдѣлена въ особый отдѣлъ миниатюры XI—XII в. Намъ извѣстно теперь *восемь* рукописей Григорія Богослова съ миниатюрами этой эпохи, замѣчательно близкими, а часто и тождественными въ разныхъ спискахъ. Даже орнаментика заставками, фигурными инициа-

Словъ
Григорія
Богослова.
№ 339.

¹⁾ См. «Ист. виз. иск. по миниат.», стр. 168—185—кодексъ Пар. Нац. б. № 510 и стр. 198—204 — ркн. *ibid.* №№ 543, 550 и Лаврент. библи. Первый IX в., вторые—XI—XIII

лами или прямо указываетъ на слѣдованіе одному оригиналу, или, по крайней мѣрѣ, ясно представляетъ намъ одинъ общій типъ.

Главная черта миниатюръ въ этой редакціи—ихъ *декоративное* направленіе: каждая композиція, хотя бы главнаго сюжета, дается здѣсь внутри широкой орнаментальной рамки, и что особенно характерно,—чѣмъ позднѣе рукопись, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, отходитъ она отъ древняго типа, тѣмъ шире эта рамка и тѣмъ сложнѣе она по своему рисунку. Сопоставимъ эту частность съ общимъ декоративнымъ направленіемъ поздневизантійскаго искусства, выразившимся напр. въ эмаляхъ, мы легко поймемъ, почему и какимъ образомъ на мѣсто свободнаго развитія религіознаго искусства водворялся иконописный шаблонъ, который и способствовалъ наиболѣе усвоенію византійской манеры на всемъ Востокѣ и на Западѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Весь общій складъ этой орнаментики до того проникнутъ элементами восточнаго характера, что онъ казался всегда западнымъ ученымъ ближе къ индоперсидской и арабской декораціи, нежели къ греческому искусству, и что даже, какъ бы втихомолку, установилась теорія вліянія арабскаго орнамента на византійскій, тогда какъ, если что либо существовало въ данномъ случаѣ, то, скорѣе, обратное. Свѣтлыя краски: голубая и розовая, золотые блики и темносиніе фоны, обиліе изящныхъ, условныхъ схемъ листьевъ, цвѣтовъ, каемокъ, ковровыхъ пологовъ, пестрыхъ лентъ, вычурныхъ завитковъ, оживленіе орнамента животными формами, личинами, античными группами, олицетвореніями, самое смѣшеніе міра реальнаго съ художественными формами, напр. кипарисовъ съ колонками, цвѣтка съ крестомъ, растительныхъ побѣговъ съ волутами, или фигуры животнаго съ буквою, формъ архитектуры съ пластическими—таковъ основной типъ. Намъ кажется затѣмъ, что самое развитіе этой декоративной системы именно въ миниатюрахъ, т. е. въ области, отчасти принадлежащей къ производству промышленному, художественной индустріи, указываетъ болѣе всего на оригинальность, народность этого ор-

наместа въ Византіи. Тѣмъ важнѣе его собственное и непосредственное вліяніе на живопись: внутри этихъ пышныхъ, пожалуй, дѣтски игривыхъ и веселыхъ рамокъ заключены сюжеты религіозные, и такимъ образомъ наблюдается замѣчательное противуположеніе: чѣмъ богаче и пестрѣе становится кайма, тѣмъ серьезное содержаніе данного сюжета усиливается стать строже, сумрачнѣе, какъ будто иллюстраторъ старается прикрыть эту мрачность сюжета внѣшнею приглядностью и, съ другой стороны, вознаграждаетъ благочестиваго читателя. Такъ зачастую говоритъ языкъ ханжества! Какъ высоки и истинно строги, чисты въ своемъ благочестіи, кажутся, сравнительно съ этими мелкими, щеголеватыми декораціями, фрески итальянскихъ мастеровъ XIV вѣка! Однакоже, было бы прямою ошибкою въ сужденіи своемъ объ источникахъ этого направленія византійскаго искусства забывать, что мы имѣемъ дѣло съ Востокомъ, воспитаннымъ на антикѣ, и что прирожденная потребность изящной формы главенствовала здѣсь рядомъ съ аскетическимъ отрицаніемъ всякой внѣшности.

Тѣмъ менѣе можемъ мы отрицать и въ этихъ крохотныхъ рисункахъ движеніе мысли, если не чисто художественной, то богословской, которая отнынѣ исключительно руководитъ иконографіею. При всемъ стѣсненіи мысли и чувства, при всемъ однообразіи варіацій на однѣ и тѣже темы, все же искусство еще задается высокою цѣлью—отысканія внутренняго сокровищаго смысла въ самой художественной формѣ, которой придано значеніе посредника между священнымъ текстомъ и мыслью читателя. Лирическій характеръ религіозныхъ сценъ, экстазъ въ средѣ сценъ повседневныхъ, конечно, навѣяны миниатюристѣ нашихъ рукописей возвышенными тирадами Григорія Богослова, но онѣ такъ сроднились, такъ сказаны, съ мышленіемъ художника, что становятся главнѣйшею чертою самой иконописи и являются существенною причиною созданія въ художествѣ такихъ сферъ, которымъ вполне чужды и мозаики, и древнія миниатюры. Путемъ книжныхъ толкованій богословской доктрины развилось направленіе, которое стало народнымъ и

поддержало жизнь искусства, хотя въ узкой средѣ, позднѣе, среди полного хаоса разваливающагося государства и общаго варварства. Выработка же этого направленія художественно-религіозной мысли принадлежитъ всецѣло миниатюрѣ: сначала лицевымъ Псалтырямъ; затѣмъ спискамъ словъ Григорія Богослова, Менологіевъ, Гомилій Іакова, Житій и пр.

Первая редакція миниатюръ къ тексту Григорія Богослова занялась, главнымъ образомъ, иллюстраціею рѣчей и дѣяній великаго учителя; въ ней открылась для насъ вся пышная, церемониальная обстановка константинопольскаго патріархата. Но въ тоже время миниатюра встрѣтила въ этихъ рѣчахъ столь обильный матеріалъ для развитія иконописи въ богословскомъ направленіи, что уже во второй позднѣйшей редакціи остановилась исключительно на этомъ направленіи. Понятно, затѣмъ, что при бѣдности нашихъ свѣдѣній объ иконописи предъидущаго періода, намъ трудно было бы показать, что въ частности новаго дала здѣсь миниатюра, и только тѣсная связь многихъ иконописныхъ композицій и типовъ съ изображеніями въ миниатюрахъ данныхъ кодексовъ указываетъ намъ на путь ихъ сложенія.

Отсылая читателей къ своему общему сочиненію объ исторіи византійской миниатюры, гдѣ разобраны иллюстрированные списки рѣчей Григорія Б. въ европейскихъ бібліотекахъ, мы перейдемъ къ описанію замѣчательнаго по полнотѣ и богатству миниатюръ и украшеній кодекса *Григорія Богослова* въ Синайской бібліотекѣ, за № 339, въ л. Кодексъ относится къ XII вѣку по письму и рисункамъ, но долженъ быть помѣщенъ на второмъ планѣ послѣ Парижской рукописи № 550, такъ какъ имѣетъ уже меньше миниатюръ (10 конченныхъ и 2 оставленныхъ въ видѣ контуровъ), а относительная полнота иллюстрацій въ данномъ случаѣ указываетъ на сравнительную близость къ оригиналу. За то, по богатству, замысловатости и тонкости декоративной стороны наша рукопись, напротивъ, превосходитъ парижскую. Рукопись начинается выходнымъ ли-

стомъ съ пятью строками, писанными золотомъ, продолговатыми, фигурными буквами :

ἈΦΙΕΡῶΘΗ Η ΠΑΡΘΕΝΑ ΒΙΒΛΟΣ Τῆ ΜΟΝῆ ΤῆΣ
ΠΑΝΤΑΝΑΨΣΑΣ ἈΓΙΑΣ ΘΕΟΤΟΚΟΥ (ἐν) Τῆ ΝΗΣῶ ΤῆΣ
ἈΓΙΑΣ ΓΛΥΚΕΡΙΑΣ ΠΑΡΑ Τῆ ΚΑΘΗΓΜΕΝῆ ΤῆΣ ΒΑ-
ΣΙΛΙΚῆΣ ΜΟΝῆΣ Τῆ ΠΑΝΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ Τῆ ΜΟΝΑΧῆ ΚΥΡῆ
ΙῶΣῆΦ Τῆ ἈΓΙΟΓΛΥΚΕΡΙΤῆ.

Изъ этого посвященія книги (въ буквальномъ смыслѣ) мы узнаемъ, что она изготовлена была по заказу каенгумена «царскаго» монастыря Пантократора Иосифа для монастыря Всеволодычины Богородицы на островѣ Св. Гликеріи. Подъ именемъ царскаго монастыря Пантократора ¹⁾, очевидно, подразумѣвается, μονή τοῦ Παντοκράτορος Χριστοῦ въ Константинополѣ, мужской монастырь, основанный Ириною, сурругою Іоанна Комнена (+1124), и въ актахъ носящій названіе ἡ σεβασμιὰ βασιλική μονή, ἐπεξεκλημένη τοῦ Παντοκράτορος, весьма извѣстная въ византийской исторіи обитель, нынѣ превращенная въ мечеть *Зейрека-Джами*. Въ обители были погребены императоры Іоаннъ и Мануилъ Комнены, число монаховъ доходило тогда до 700; при Латинянахъ монастырь былъ превращенъ въ католическій, а кельи сдѣлались дворцомъ Венеціанцевъ. Затѣмъ изъ исторіи этого монастыря знаемъ также, что «во времена» Имп. Мануила Комнена (1143—1181), при игумнѣ монастыря Пантократора Іосифѣ, была привезена въ обитель съ большою помпою изъ Θεσσαλονικι честная икона Св. Димитрія Солунскаго ²⁾, но былъ ли этотъ Іосифъ тотъ же самый, что и вкладчикъ нашей записи, рѣшить, понятно, не можемъ. Имя

¹⁾ Монастырь этого же имени на Аеонѣ, близъ Ватопеда, во первыхъ, основанъ только Іоанномъ Примижеріемъ, братомъ имп. Алексѣя, и въ древности (т. е. въ XI стол.) представлялъ нѣсколько обителей съ именами Фалакру и Факину. См. «Описаніе Аеонской горы», кн. VII, *Montfaucon*, Pal. Gr. p 481 и еп. *Πορφύριος Ὑπενεσκαῖος* «Исторія Аеона», ч. 3-я, стр. 180.

²⁾ *Πασιπάτης, Α. Γ.* Βυζαντινὰ μετέτα τοῦοὔραφικὰ καὶ ἱστορικὰ. Ἐν Κωνσταντ. —λα: 1877, σελ. 310.

монастыря, наконецъ, встрѣчается впервые, сколько намъ извѣстно, на рукописи и прибавляетъ, поэтому, новый фактъ къ исторіи византійской письменности.

Далѣе: Іосифъ дѣлаетъ владѣть рукописи въ монастырь Богородицы, находящійся на островѣ Св. Гликеріи и самъ называетъ себя *агиоликеритомъ*¹⁾, т. е. онъ былъ родомъ съ этого острова. По различнымъ даннымъ можемъ догадываться, что островомъ Св. Гликеріи названъ о. *Лемносъ*. А именно въ Актахъ, изд. Болландистами, находимъ, что мощи Св. Гликеріи, мученицы II вѣка въ Гераклеѣ Фракійской, были когда-то перенесены (послѣ имп. Маврикія, при которомъ онѣ находились въ Гераклеѣ) на островъ, близъ Проконнеса и Пропонтиды, и въ городѣ этого острова послѣ того былъ храмъ во имя мученицы. Житіе Св. Евфиміи передаетъ, затѣмъ, о чудесномъ перенесеніи мощей этой Святой на о. Лемносъ (*πρὸς τὴν ἀδελφὴν καὶ συμμάρτυρα Γλυκερίαν*), гдѣ онѣ были положены рядомъ съ Св. Гликеріей²⁾.

Тоже самое обстоятельство занесено и въ записъ ямбическими стихами золотомъ на послѣднемъ листѣ рукописи, къ сожалѣнію, безъ помѣты года.

Τὴν χρυσοτευχτὸν στικτὸν ἀργυρῇ βιβλὸν
 ἣν ἐκρότησε τοῦ θεοῦ τελεῖν (?) στόμα
 τῶν ποιμεναρχῶν γραμματῆς (?) ἀκρότατος,
 τεύξῃ μοναστῆς ἰωσήφ ἀρχηγέτης
 μονῆς μοναστῶν παντοκράτορος λόγου
 τῆς παντανάσσης τῆ μονῆ δῶρον νέμων (?),
 εἰς λῦτρον εἰς κάθαρσιν ἀγνοημάτων.

«Золотомъ писанную, расцвѣченную, блестящую книгу, которую прогремѣлъ совершенный глашатай Бога, величайшій книжникъ между пастыре-начальниками — изготовилъ инокъ Іосифъ, глава обители иноковъ всемогущаго Слова, принося

¹⁾ Под. прозванія монахъ: агіооритъ, агіоеодоритъ и пр. извѣстны.

²⁾ Acta SS., Mai, t. III p. 189—192; Septemb., t. V, p. 277. Также *Serail*, арх. Полный мѣсяцесловъ Востока, II, замѣтки, стр. 134.

даръ обители Всевладычицы, во искупленіе, во очищеніе грѣховъ невѣдѣнія».

Наконецъ, позднѣйшая припись, гласящая: «я, Германъ, монахъ и экономъ Крита», привезъ съ собою эту книгу для Синайскаго монастыря въ годъ, ζνγ=1550, вновь указываетъ намъ путь собранія греческихъ рукописей по завоеваніи Византіи.

Изъ всѣхъ миниатюръ, украшающихъ ркп. № 339, едва ли не самая замѣчательная—*выходная*. Внутри трехъ-арочнаго портика, составляющаго лицевой фасадъ большаго трехкупольнаго храма съ пристройками въ видѣ башенъ и домовъ, Григорій Богословъ пишетъ свои «слова», сидя на большомъ игуменскомъ креслѣ; Христосъ, изображенный въ сегментѣ неба, его благословляетъ справа. Субструкціи портика образуютъ родъ монументальнаго сооруженія въ рустиву, съ тремя окнами и двумя входами въ видѣ широкихъ арокъ; въ нихъ изображены два фонтана—символическая деталь; по сторонамъ портика, внутри двухъ мраморныхъ киворіевъ, или алтарныхъ балдахиновъ, съ затворенными дверцами, видны растенія и цвѣты—также образъ «рая затвореннаго». Въ сводѣ раскрытой главной абсиды видно изображеніе Богородицы—Знаменіе, съ Младенцемъ передъ собою, на колѣвахъ. Все это, дѣйствительно, носитъ характеръ *стихтѳ*—пестрѣетъ разноцвѣтными мраморами, блестящими красками и богатствомъ деталей. Кромѣ различныхъ любопытныхъ данныхъ по архитектурѣ, кладкѣ и т. д., слѣдуетъ особенно замѣтить изображенія рѣзныхъ дверей и крестовъ на куполахъ. Затѣмъ: къ слову на Пасху, крохотная миниатюра, внутри пестрѣющаго цвѣтами полога, представляетъ Воскресеніе Христа, стоящаго на поверженныхъ вратахъ ада и изводящаго за руку Адама, Еву и Авеля съ одной стороны, тогда какъ съ другой видны Давидъ, Соломонъ и пр. Буква А представляетъ тотъ же сюжетъ. — Ко 2-му слову на Пасху изображено *Вознесеніе* Христа въ типѣ юнаго Эммануила (?), внутри голубаго овальнаго ореола, несомаго четырьмя эмблемами Евангелистовъ; Христосъ держитъ въ лѣ-

вой Евангеліе, правую простеръ, но не благословляя (что указываетъ на слѣдованіе древнѣйшему типу); фигура какъ бы восходитъ вверхъ, хотя видна en face; по сторонамъ, въ полѣ видны Григорій и его ученикъ съ развернутымъ свиткомъ. Буква Е представляетъ Григорія, проповѣдующаго ученику, и Христа въ небѣ. Кромѣ того, сбоку изображено тоже Вознесеніе (схема символическая) въ видѣ ангела, возносящагося въ ореолѣ, посреди сонма ангеловъ съ копьями, на острияхъ которыхъ блестятъ звѣзды: замѣчательное приложеніе эмблематическаго образа Слова Божія и Ангела Господня къ богословскому опредѣленію Славы Господней; Ангелъ — Христосъ представленъ здѣсь въ античномъ костюмѣ, т. е. какъ христіанское олицетвореніе по преимуществу, а остальные ангелы въ императорскомъ орнатѣ (лоратныя туники, атрибуты власти) являются образами «силъ небесныхъ». — Слово «εἰς τὴν χαλκὴν χορηγὴν καὶ εἰς τὸ ἕαρ. καὶ εἰς τὸν μάρτυρα Μάρμαντα. Въ заставкѣ Григорій благословляетъ сидящаго на горкѣ юнаго Маманта. Въ полѣ представлено: сцена невѣрія Θомы передъ затворенною дверью и Григорій, обнимающій подножіе мраморнаго престола внутри киворія (ср. аналогическія сцены изъ Псалтыри: Давидъ передъ престоломъ). Буква Е заглавная въ видѣ Гр. Богослова проповѣдующаго и женъ у отверстой ротонды Гроба.—На Пятидесятницу: въ кругу извѣстная сцена; внутри арки четыре фигуры изъ народа. Также представляетъ и инициаль П (Περὶ τῆς ἑορτῆς).

Слѣдуетъ рѣчь¹⁾ εἰς τὸν ἐξισωτὴν Ἰουλιανόν—къ Юліану (не Юліану отступнику), лучшему другу Григорія Богослова, родомъ также изъ Назіанза (что въ Каппадокіи), поставленному въ этомъ городѣ префектомъ для уравниванія податей. Проповѣдникъ приглашаетъ друга къ продолженію своего дѣла милосердія и благодѣтельствованія бѣднымъ, клирикамъ, монахамъ или «философамъ», пересылая свою проповѣдь указаніями на исторію рожденія Христа и его правило: воздадите

¹⁾ *Migne, Patrol. c. c. ser. gr., t. XXXV, p. 1043 sq.*

Кесарево Кесареви и т. д. Миниатюра въ заставѣ изображаетъ Григорія и Юліана на креслахъ, пишущими передъ группою Каппадокіянъ. Сбоку въ полѣ, за столомъ вѣшаютъ золотыя монеты чиновники той же страны, и группы выражаютъ умиленіе передъ справедливостью ихъ. Буква Г въ видѣ фигуры Святителя. — На *Рождество*—обычная композиція этого сюжета, съ ангелами, славословящими вверху, Богоматерью съ Младенцемъ въ срединѣ, омовеніемъ его внизу, 3 волхвами слѣва и 3 пастырями справа. Буква Б скомпонована изъ той же сцены очень искусно. — Эпитафія на Василия Вел.—сцена погребенія. Рядъ любопытныхъ инициаловъ, о которыхъ скажемъ ниже. — На Крещеніе—сцена съ олицетвореніемъ Иордана и фигурою моря; три ангела, преклоняющіеся на берегу, и Григорій съ ученикомъ. Буква П въ видѣ Іоанна, возлагающаго руку на голову Спасителя при крещеніи. — Три миниатюры, тождественныя съ древнимъ оригиналомъ: проповѣдь Григорія (къ рѣчи на Крещеніе), святые Кипріанъ и Пелагія и сцены мученій Маккавеевъ. Буква Т въ видѣ 7 фигуръ столбикомъ юношей Маккавеевъ, ихъ отца и матери въ волютахъ.

Но главное достоинство рукописи заключается во множествѣ фигурныхъ инициаловъ, украшающихъ не только начало рѣчи, но и отдѣльныхъ параграфовъ ея. Въ виду этого богатства и малаго вниманія, которое доселѣ посвящалось этой сторонѣ виз. манускриптовъ, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Буквы эти зооморфическаго состава, но съ примѣсью растительныхъ формъ, въ видѣ ли столбовъ и стволовъ, покрытыхъ зеленью, листву которой клюютъ птицы, или даже въ формѣ вѣтвистыхъ лепестковъ розы и т. п.; согласно съ обычною въ виз. иск. манерою, буква представляетъ не просто животное, но его движеніе, скорѣе сцену изъ жизни его. Главную роль играетъ змѣя, своими извивами наиболѣе подчѣняющаяся формамъ буквъ; ея перевитыя кольца покрыты сѣтью параллельно идущихъ красныхъ и желтыхъ или бѣлыхъ пятенъ. Нужно видѣть въ оригиналѣ всю неподражаемость этой тонкой эмалевой работы и красоту изгибовъ, чтобы убѣдиться

въ первенствѣ этой орнаментики. Символическій характеръ имѣютъ сцены борьбы птицъ со змѣею, ихъ взаимной вражды, и античныя фигуры грифоновъ, помѣщенныхъ внизу.

Волкъ, лиса съ своими проказами, собаки, олени и козлы, вступившіе въ бой, но только перепутавшіеся рогами, верблюдъ (П) медвѣдь пляшущій—руки въ боки фертомъ (буква Ф) и изъ міра птицъ аисты и голубки,—таковы прекрасныя, но уже извѣстные мотивы инициаловъ. Но есть между ними и болѣе любопытныя: К въ видѣ женщины—кентавра съ лютнею въ рукахъ: до пояса женщина съ распущенными волосами, отъ пояса барсъ; и Т—копія извѣстной античной фигуры Беса—карлика, съ львинымъ обличьемъ и туловищемъ, выпускающаго изъ рта вѣтви, и многія фигуры обезьянъ, наливающихъ горячее вино, играющихъ на скрипкѣ, мартышки, смотрящейся въ зеркало, играющей на трубѣ и т. д. Весь этотъ зооморфическій орнаментъ развился, конечно, задолго до нашей рукописи—въ VIII—IX в., на что указываетъ изв. свидѣтельство о томъ, что будто бы имп. Теофилъ († 842) ввелъ въ моду звѣриную орнаментацию стѣнъ въ церквахъ и дворцахъ своихъ. Доказывается же это косвеннымъ образомъ западными подражаніями этому стилю въ рукописяхъ IX в. Такъ *Библия* изв. подъ им. *Ноайля* въ Пар. Нац. б. за № 6 lat. представляетъ, говорить Лабартъ l. с. III, р. 127, разнообразныя сочетанія этихъ формъ: F въ видѣ павлина, котораго сверху хватаютъ двѣ лисы, O въ видѣ двухъ павлиновъ изогнутыхъ. Напрасно Лабартъ относитъ, однако, эти сочетанія къ смѣлой фантазіи западнаго каллиграфа: его дѣломъ было только широкое пользованіе виз. рисункомъ, который, будучи исполняемъ перомъ, приобрѣлъ болѣе подвижности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потерялъ прежнюю натуральность. Отсюда, главнымъ образомъ, и развитіе чудовищныхъ каллиграфическихъ сплетеній XIII—XIV в., извѣстныхъ подъ именемъ звѣринаго стиля.

Слова
Григ. В.
№ 347.

Еще далѣе въ томъ же направленіи идетъ рукопись библ. Синайскаго монастыря in 12 за № 347¹⁾, мельчайшаго письма,

¹⁾ Въ концѣ рип. панегирикъ Григорію въ 10 стиховъ и въ заставкѣ исчезающія монограммы.

съ крохотными золотыми инициалами и прелестными маленькими заставками. Изношенный стиль конца XII вѣка отразился въ этой копіи въ преобладаніи оливковыхъ тоновъ и темнокоричневыхъ одѣяніяхъ, въ сухой и скудной манерѣ письма, исполненнаго сплошь, по золоту, отъ чего многія миниатюры слупились. Чтобы дать ясное понятіе о томъ, къ какому уродству можетъ приводить натурализмъ, не коренящійся въ самомъ художественномъ содержаніи, исходящій отъ монашества, которое въ самой природѣ видитъ только необходимое условіе нашего брэннаго существованія, а въ ея уродованіи — путь ко спасенію, приведемъ лишь одинъ, но яркій образецъ этой неуклюжей живописи. Въ числѣ обычныхъ выходныхъ миниатюръ, изображающихъ, какъ Григорій сочиняетъ, проповѣдуетъ и т. д., представлено также, какъ великій учитель и Богословъ удить людей т. е. буквально удою вытаскиваетъ чловѣчковь изъ воды, уподобляясь такимъ образомъ Ап. Петру, которому, по слову Спасителя, назначено было стать ловцомъ людей. Больше безкусія трудно встрѣтить даже и въ миниатюрѣ индоперсидской.

Точно такая же рукопись крохотнаго размѣра (2½ вер. Слова Григорія № 346. выш. и шир) находится въ Синайской библиотекѣ за № 346, съ нѣсколькими инициалами: П = Христось, благословляющій 12 Апостоловъ, сидящихъ по сторонамъ его; М = въ видѣ 3 Святителей, остальные изъ сценъ поученія.

Менѣ замѣчательная въ художественномъ отношеніи, но столь же любопытная по силѣ выраженнаго аскетизма, рукопись *Іоанна Климাকা* отъ XII стол. находится въ библиотекѣ Синайскаго монастыря, за № 418 ¹⁾. Судя потому, что въ той же библиотекѣ находится нѣсколько списковъ *Льстоицы*, (№ № 417, 421 и др.) украшенныхъ искусными инициалами, отъ IX — XII в., можно думать, что списокъ съ миниатюрами исполненъ былъ на самомъ Синаѣ, мѣстѣ происхожденія самаго

¹⁾ Рукопись им. 3 вер. выш. и 2¾ шир. Писана поздн. полууставомъ, но красиво, съ большими золотыми инициалами и золотыми же звѣздочками передъ каждымъ параграфомъ.

сочиненія¹⁾. Двѣ выходныя миниатюры представляютъ крестъ, окруженный 4 символическими животными, и Христа, приѣмлющаго книгу отъ игумена Іоанна. Кромѣ обычныхъ сценъ писанія, пересылки посланій и поучительныхъ бесѣдъ, исполненныхъ въ слащавомъ тонѣ, миниатюры иллюстрируютъ подвиги аскетизма слѣд. образомъ. Къ главѣ ἐπὶ ἀποσκαθείας изображенъ старецъ, раздающій, отвернувшись, свои одежды нищимъ; ἐπὶ φε-
 15
 νητείας — онъ уже уходитъ въ пустыню и тамъ видитъ въ пещерѣ отшельника; — ἐπὶ ἐνοπλιῶν ἐπαχόλου — онъ уже спасается, и два демона его искушаютъ на одрѣ и т. д. 'Επὶ μνηστικῆς θανάτου — старецъ стоитъ передъ гробомъ съ четырьмя мертвыми юношами (намекъ на современную легенду о Макарії и жертвенцахъ). Многія миниатюры представляютъ попытки перейти къ реализму, но сочиненіе отличается скудостью мысли и убогою буквенностью. Такъ видимъ, какъ передъ правителемъ въ клѣтчатомъ таларѣ слуги бьютъ его вельможъ палками (μνησικαχ(α), или же вельможа въ голубомъ таларѣ сидитъ передъ своими скрнями, а слуги его гонятъ нищихъ, въ то время какъ пахарь имъ отдаетъ свое зерно (φουαργυρ(α); безумецъ пируетъ, а кругомъ неистовствуетъ чума, и земля покрылась уже мертвецами. Добродѣтели и пороки уже не являются въ видѣ античныхъ олицетвореній, а представлены въ самыхъ фактахъ: болтливость представлена напр. такъ, что одинъ старецъ говоритъ, а другой ему въ отвѣтъ закрываетъ ротъ, смиреніе — въ видѣ послушника, котораго бьетъ монахъ, а тотъ умиленно складываетъ на груди руки; клевета — въ видѣ послушника, который у престола наговариваетъ на іерея, но его тащутъ прочь за шиворотъ и т. д. Въ иконографическомъ отношеніи замѣчательна миниатюра, изображающая Софію въ видѣ ангела на престолѣ съ сферою и крылатого, сзади него Христосъ погрудь, по сторонамъ два архангела. Такимъ образомъ грубый и свучный реализмъ этой редакціи лишаетъ

¹⁾ На самомъ Синаѣ доселѣ намъ извѣстенъ только одинъ писецъ Нектарій, неизвѣстнаго времени, исполнившій Catena Patrum, рип. въ библ. ц. Св. Гроба. Sathas, Biblioth. m. aevi, I, p. 305.

ее прежнихъ античныхъ прикрасъ и приближаетъ изображеніе аскетическаго подвига къ дѣйствительности, но, благодаря убогому содержанію, самъ не вноситъ никакого обновленія въ живопись. И если въ византійской иконописи пришлось бы указывать на источники того мертвящаго начала, которымъ она стала отличаться въ эпоху упадка искусства, то прежде всего должно искать ихъ въ этомъ навязанномъ со стороны аскетико-поучительномъ направленіи.

Эти полныя редакціи миниатюръ Лѣствицы рѣдко, повидимому, воспроизводились, и въ обиходъ изъ нихъ попало только изображеніе самой Лѣствицы. Оно встрѣчается въ спискѣ Климаса Вѣн: библ. № 207 (рис. у Ламбеція, Cat. IV, 421), въ Hortus Deliciarum и многихъ другихъ латинскихъ кодексахъ.

Подобною же скудостью мысли и сухою манерою иконописанія отличаются двѣ иллюстрированныя *Миней Синайской библ.*¹⁾ Первая изъ нихъ за № 500 содержитъ въ себѣ Житія Святыхъ за Ноябрь мѣсяцъ и относится къ XII столѣтію или концу XI в. Выходной листъ представляетъ крестъ среди розъ и цвѣтовъ съ надп.: *κρσς τέρφικα τῆς παροβσῆς πυξίδος*. Изъ миниатюръ живѣе другихъ начальная, къ житію Космы и Даміана: Свв. безсребренники и лѣкаря словомъ своимъ изводятъ змѣю изъ внутренностей крестьянина, которому она заползла черезъ ротъ во время сна; они же лѣчатъ ногу того верблюда, который послѣ, провѣщавъ человѣческимъ голосомъ, побудилъ похоронить вмѣстѣ обоихъ Святыхъ, тогда какъ вѣрные ихъ хотѣли разъединить по старому недоразумѣнію, о чемъ и гласятъ виноварью мелкія надписи на поляхъ самыхъ миниатюръ. Дальнѣйшія изображенія Свв. Іоанникія, Мина (съ лорнономъ на зеленой одеждѣ), сѣдаго Виктора и юнаго Іоанникія въ княж. одѣяніяхъ, исповѣдниковъ: Гурія, Симона и Авивы (всѣ юны), Ев. Матвея и пр. ничѣмъ особымъ не вы-

Миней
№ 500

¹⁾ Вообще говоря, Миней иллюстрируются рѣдко и то исключительно въ XII—XIII столѣтіяхъ. Изъ 90 рукописей Миней и 58 Житій Синайской библ. съ илл. оказались только двѣ. Тоже самое отношеніе въ библ. Европы.

дѣляются изъ среды обычныхъ фигуръ Святцевъ и представляютъ заодно съ ними сухую, мертвенную манеру и оливковныя тѣни.

Вторая рукопись Минеи за Январь, № 512 XII—XIII в., имѣетъ лишь одну миниатюру съ изобр. Павла Фивейскаго, сѣдаго Поліевкта, Маркіана, Θεодосія, муч. кончину Стратоника и Ермилу, Антонія и чудесное освобожденіе Петра.

Бъ X же и началу XII стол. относится въ визант. литературѣ появленіе различныхъ сборниковъ для церковнаго и домашняго чтенія, пѣнія и пр. Одинъ изъ нихъ *Стихирарь* Синайской библ. XII или XIII в. въ л. № 1216 съ музыкальнымъ переложеніемъ всѣхъ стиховъ представляетъ и многочисленныя иллюстраціи, въ сожалѣнію, оставленныя въ видѣ контуровъ. Мы видимъ здѣсь изображеніе Свв. Ананія, Космы и Даміана, пророка Наума, Евдокіи, архангеловъ Гавріила и Михаила съ сонмомъ силъ небесныхъ, далѣе сцены евангельскія: Введенія, Рождества, Срѣтенія, Благовѣщенія, Преображенія, Успенія, Воскрешенія Лазаря, Входа въ Іерусалимъ, Тайной Вечери, Распятія, (уже съ препоясаніемъ), Погребенія, Жень у гроба, Омина невѣрія, Вознесенія и Пятидесятницы. Во всѣхъ этихъ рисункахъ любопытно наблюдать копировку древнѣйшихъ оригиналовъ; таковы дѣтскія маленькія фигуры Апостоловъ въ Вознесеніи, ребенокъ мытарь и нѣжный юноша фарисей, молящійся и т. п., которыя мы привели видѣть въ иконописи до X стол.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Представляемъ, въ заключеніе, перечень фотографическихъ снимковъ, исполненныхъ г. Раулемъ и входящихъ въ составъ нашего *Синайскаго альбома*.

1. Новая греко-православная церковь Синайскаго монастыря въ Эль-Торъ—древней Ралеѣ, на берегу Чермнаго моря.
2. Подворье Синайскаго монастыря въ Эль-Торъ.
3. Группа Бедуиновъ изъ окрестностей Эль-Тора.
4. Общій видъ монастыря Св. Екатерины на горѣ Синаѣ.
5. Вышній видъ Юстиніановой базилики въ Синайскомъ монастырѣ.
6. Видъ древней мечети (XIV в.) и новой колокольни въ Синайскомъ монастырѣ. Гора Моаджа.
7. Садъ и вышній дворъ Синайскаго монастыря съ Ю. В. стороны.
8. Помѣщеніе бібліотеки рукописей въ Синайскомъ монастырѣ и видъ на гору Хоривъ.
9. Главная вершина горы Хорива или Джебель-Муса.
10. Подъемъ на гору Хоривъ отъ стѣнъ монастыря.
11. Видъ изъ монастырскаго ущелья (уади-Шуэйбъ) на уади Эль-Раха — біблейскій Раѣдимъ (?).
12. Вершина Саесаѣ или сѣверная часть горы Хорива съ мѣстомъ б. монастыря 12 Апостоловъ.
13. Садъ б. монастыря 12 Апостоловъ и подножіе горы Хорива.
14. Общій видъ сѣверной части горы Хорива.
15. Видъ горы Селаѣ изъ долины Эль-Раха.
16. Видъ долины—уади Эль-Раха, при входѣ въ уади Эль-Леджа.
17. Высоты Дербъ-эль-Роухъ въ долинѣ Леджа.
18. Тагъ наз. «Камень Моисеевъ» въ уади Леджа.
19. Видъ монастыря 40 мучениковъ или Эль-Арбанъ въ уади Леджа.
20. Видъ горы Он'ръ за монастыремъ 40 мучениковъ, или «станъ Евреевъ».
21. Ущелье на Ю. З. отъ долины Леджа.
22. Вершина горы Св. Екатерины, видимая отъ монастыря 40 мучениковъ.
23. Вершина горы Синаѣ, видъ съ горы Св. Екатерины.
24. Видъ на гору Ескуѣ изъ уади Эль-Раха.
25. Группа Бедуиновъ изъ окрестностей монастыря Св. Екатерины.
26. Бедуинки изъ окрестностей Синайской горы.
27. Видъ внутренности юстиніановой базилики въ монастырѣ Св. Екатерины.
28. Алтарная мозаика «Преображенія» въ базиликѣ Юстиніана.

29. Входная, рѣзная дверь Юстиніановой базилики. Верхняя часть.
30. Рѣзная дверь базилики Юст., средняя часть.
31. Рѣзная дверь базилики Юст., нижняя часть.
32. Греческое Евангеліе Синайской бібліотеки, писанное золотомъ, № 204, по преданію, даръ Феодосія III, принад. X—XI в. Выходная миниатюра—Христость.
33. Евангеліе № 204. 2-я миниатюра—Вогородица.
34. Евангеліе № 204. 3-я миниатюра—Ев. Матеей.
35. Евангеліе № 204. 4-я миниатюра—Ев. Маркъ.
36. Евангеліе № 204. 6-я миниатюра—Ев. Іоаннь.
37. Евангеліе № 204. 7-я миниатюра—Преподобный Петръ.
38. Евангеліе № 204. образчикъ письма двухъ листовъ.
39. Космы Индоплова «Христіанская топографія» № 1186, XI в., л. 23-й. Миниат. — путь Эеіоповъ, *ἑβροῦ, πλοτεριαικός*.
40. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 71 об. Зодіакъ.
41. Космы Индоплова греч. рип. № 1183, л. 30 об., л. 71, 144 (съ каленъ).
42. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 75 об. и л. 76. Собираніе манны и изведеніе воды Моисеемъ.
43. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 66, 79, 79 об. и 83 (съ каленъ).
Схема міра, скіинъ, семисвѣщникъ и аттичскіе мудрцы.
44. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 88. 12 племевъ Израильскихъ.
45. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 91. Несеніе ковчега.
46. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 100. Жертвоприношеніе Исаака.
47. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 103. Моисей передъ Купиною.
48. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 109. Вознесеніе Іллі.
49. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 112. Исторія Іоны.
50. Космы Индоплова греч. рип. № 1186, л. 127 об. — миниатюра: Савлъ, стерегущій одежды, и л. 128—Избленіе Стефана.
51. Космы Индоплова рип. № 1186, л. 128 об. — Павелъ на пути изъ Іерусалима въ Дамаскъ.
52. Космы Индоплова рип. № 1186, л. 147 об. и 148—схема странъ свѣта и ѳивиковыя деревья.
53. Космы Индоплова рип. № 1186, л. 183 об.—кругомъ земли движеніе солнца, луны и пр.
54. Книга Іова, греч. рип. № 3, XI вѣка, л. 2, съ началомъ и миниатюрою—Іовъ съ женою на тронахъ.
55. Книга Іова, рип. № 3, XI в., л. 2 об. Іовъ съ сыновьями и жена его съ дочерьми.
56. Книга Іова, рип. № 3, л. 12 об.; миниат.—вечера въ домъ Іова.
57. Книга Іова, рип. № 3, л. 14 об.: миниат.—нападеніе на стада.
58. Книга Іова, рип. № 3, л. 25 об., двѣ миниатюры: три царя передъ Іовомъ на гноищѣ.
59. Книга Іова, рип. № 3, двѣ стр. письма, 4-е «слово».
60. Слова Григорія Богослова, рип. XII в., № 339, листъ 1. Миниатюра. Григорій Б., пишущій Слова.
61. Слова Григорія Богослова, рип. № 339, Слово I-е на Пасху. Миниат.—Вознесеніе Христа.
62. Слова Григорія Богослова, рип. № 339, Слово II-е на Пасху. «Сомѣствіе во адъ».
63. Слова Григорія Богослова, рип. № 339, Слово III-е; миниат.—«Муч. Мамантъ»

64. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339; Слово IV-е, избр. Пятидесятици.
65. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, Слово V-е; Григорій и Юліанъ.
66. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339. Слово VI-е, Рождество.
67. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, Слово VII-е, «Погребеніе Василія Великаго».
68. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, Слово VIII-е, Крещеніе.
69. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, Слово XIV-е, Мученія Макавеевъ.
70. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, Слово XV-е; Григорій, Кипріанъ и Пелагій.
71. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, обращикъ письма.
72. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, обращикъ письма.
73. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, инициалы отъ А—М (кальки).
74. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, инициалы отъ N—Ω (кальки).
75. Слова Григорія Божослова, ркп. № 339, выходной листъ.
76. Минеи на Ноябрь мѣсяць, греч. ркп. № 500, XII в. Выходной листъ — чудеса Свв. Космы и Даміана.
77. Лѣствица І. Климѣя, ркп. за № 418, XII в. Къ § «о матери всѣхъ добродѣтелей» — миниатюра: моленіе.
78. Лѣствица І. Климѣя, № 418, «Слово къ пастырю» — поученіе Іоанна.
79. Евангеліе «Хоривское», № 213, 967 года, письмо на 2 листахъ.
80. Евангеліе греч., за № 213, 967 года, другой обращикъ письма.
81. Евангеліе греч., за № 213, 967 года, обращики письма, виньетки и инициалы (съ калекъ). Запись.
82. Евангеліе за № 213, 967 года. Инициалы отъ А—Е (съ калекъ).
83. Евангеліе за № 213, 967 года. Инициалы отъ Е—Т.
84. Стихирарь греч. за № 1216, XIII в. Миниатюра: Вознесеніе Христа (калька).
85. Катѣхизисъ Теодора Студита, за № 401, X-го в. Инициалы (кальки).
86. Слова Григорія Божослова, ркп. за № 352. Запись.
87. Слова Григорія Божослова, ркп. за № 352. Обращикъ письма.
88. Лѣствица І. Климѣя, ркп. за № 417, X-го в., снимокъ 2 листовъ начальныхъ.
89. Снимки съ греч. рукописей VI—X стол.: 1) Евангеліе, № 211; 2) Псалтырь № 32; 3) тоже № 37; 4) тоже № 36; 5) Параклитика № 776; 6) ркп. № 493; 7) ркп. № 30; 8) запись Евангелія № 213 перв. л. Кальки.
90. Снимки записей (кальки): 1) Патерикъ № 448 — запись 1004 года; 2) Евангеліе № 23, 1033 г. 3) Діонисія Ареопагита № 319, 1048 г. 4) Евтолоий № 968, 1426 г.
91. Снимки записей (кальки): 1) Триодъ № 736, 1029 г. 2) Триодъ № 742, 1099 г. 3) Лѣствица І. Климѣя № 422, 1100 г. 4) Евангеліе № 193, 1121 г. 5) Псалтырь № 55, 1344 года.
92. Снимки записей (калька): 1) Новый Заветъ № 220, 1167 года. 2) Триодъ № 754, 1177 г. 3) Житіе Григорія № 541, 1180 г. 4) Триодъ № 756, 1205 г. 5) Евангеліе № 234, 1155 г. 6) Едверуетодъ; № 456, 1300 г. 7) Теофилакта № 302, 1306 года.
93. Снимки записей: 1) Евангеліе № 152, 1346 года. 2) Стихирарь № 1221, 1321 г. 3) Евангеліе № 239, 1374 г. 4) Евангеліе № 199, 1548 г. 5) Слова Григорія Б., № 339, посл. л. 6) Профитолоий, № 16. 7) Минеи, № 580.
94. 1) Евангеліе греч. № 152, 1310 год. 2) Часословъ слав. № 12 3) Псалтырь слав. № 6. 4) Служебникъ слав. № 29. 5) Триодъ, № 23. (кальки).

95. *Псалтырь* глаголическая, № 38; снимки листов: 3 об. и 4; 4 об. и 5.
96. *Псалтырь*, пис. глаголицею, № 38; листы 5 об. и 6; 56 об. и 57.
97. *Псалтырь* глаголическая, № 38; листы: 64 об. и 65; 65 об. и 66.
98. *Псалтырь* глаголическая, № 38; листы: 131 об. и 132.
Служебник глаголическій, № 37: двѣ страницы (молитва о трясавицѣ).
99. *Служебник* (*Трбникъ*) глаголическій, № 37. Инициалы (кальки).
100. *Псалтырь* греч., XIII в., по преданію, Св. Кассіа (рш. на 6 листахъ):
два листа.

Въ книжныхъ магазинахъ Одессы: *Рубео, Паллио и Роспонио*
продаются изданія того же автора:

Памятникъ Гарий изъ Малой Азіи и символика греческаго ис-
кусства. Одесса, 1873. 8°, вѣл. 1 р. 50 к.

Древняя архитектура Грузин. 4°. Москва, 1876. ц. 75 коп.

Исторія византийскаго искусства и живописи по диніаторамъ
греч. рукописей. 8°. Одесса, 1870. ц. 1 р. 50 к. съ атласомъ—3 р. 50 к.

Миниатюры греческой рукописи *Валдгейт*. XV в. изъ собр. Хау-
дона. 4°. Москва, 1878. ц. 1 р. 50 коп.

Sculptores de la porte de Saint-Jacques à Paris 8°. 1877.
ц. 75 коп.

Греческія терракотовыя статуэтки. 4°. С.-вск. 1870. ц. 1 р.

Мозаики мечети Кахре, бывшаго въ Константинополѣ. Одесса,
1881. ц. 1 руб.

ЦЕНА 1 РУБ. 50 КОП.